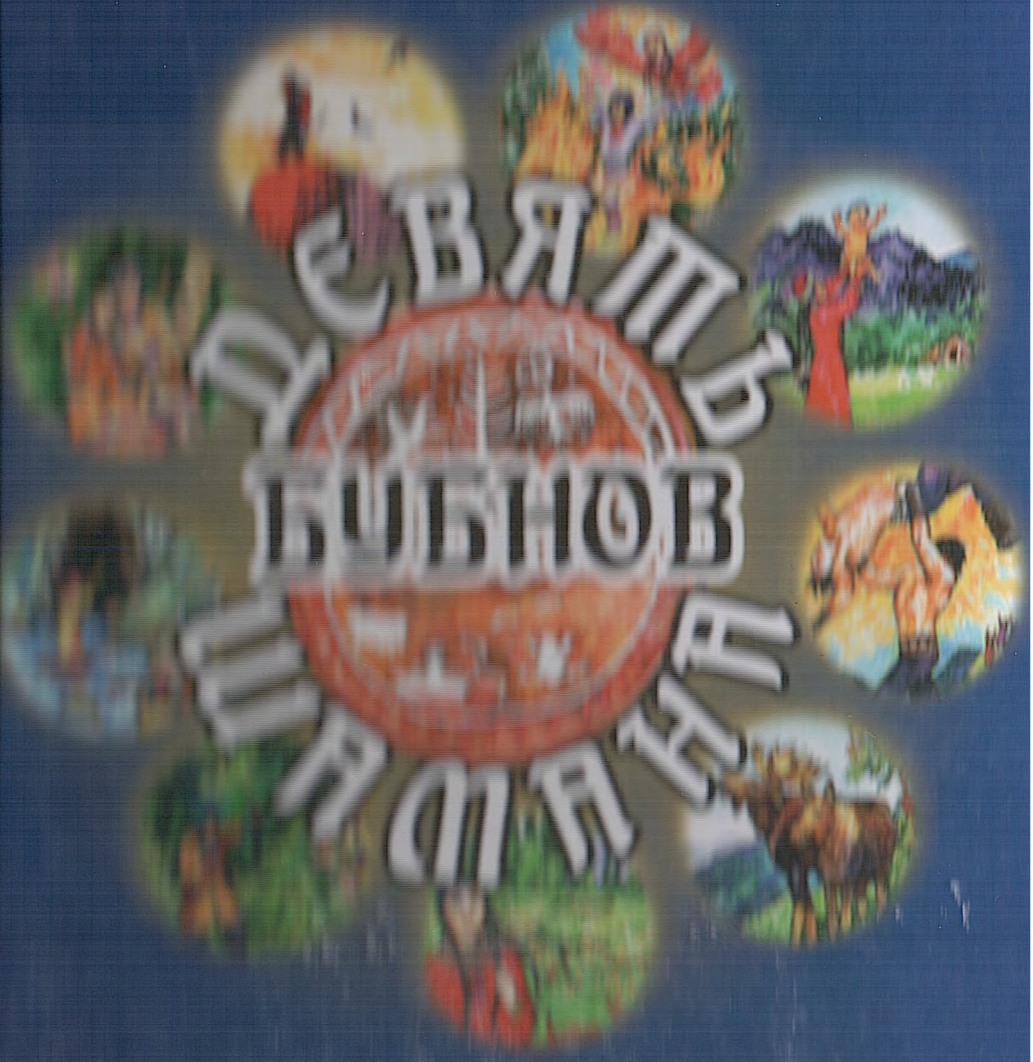

ДЕВЯТЬ ШАДЯН

Андрей Ильич Чудояков

*фото из семейного архива
начала 80-х годов*

ДЕВЯТЬ БУБНОВ ШАМАНА

ШОРСКИЕ ЛЕГЕНДЫ И ПРЕДАНИЯ
2-е издание

КЕМЕРОВО – 2018

ББК 82.3(2Рос= Шор)-6

УДК 821

Д 25

2-е издание, дополненное.

Издается при поддержке департамента культуры и национальной политики Кемеровской области.

1-е издание вышло в 1989 году.

Составление, предисловие и комментарий к первому изданию А.И. Чудоякова. Предисловие ко 2-му изданию члена Союза писателей России, кандидата филологических наук, доцента НФИ КемГУ Г.В. Косточакова.

Общая редакция 2-го издания кандидата педагогических наук, доцента НФИ КемГУ Е.Н. Чайковской.

Д 25 **Девять бубнов шамана: шорские легенды и предания / Сост. А.И. Чудояков.** – Кемерово: ООО «Технопринт», 2018. – 152 с. – 800 экз.

Книга переиздана к 90-летию юбилею ученого, фольклориста, просветителя и педагога, основателя кафедры шорского языка и литературы, профессора А.И. Чудоякова. В ней собраны легенды и предания шорского народа, проживающего в Саяно-Алтайском регионе. Тексты переведены на русский язык преимущественно дословно. В дополненное издание включена глава с несколькими текстами-оригиналами на шорском языке, записанными Н.П. Дыренковой, и параллелями на русском языке. Издание предназначено широкому кругу читателей, всем, кто интересуется историей родного края и шорским фольклором.

ISBN 978-5-85905-520-3

ББК 82.3(2Рос= Шор)-6

УДК 821

О профессоре А.И. Чудоякове и его книге шорских легенд и преданий

Уважаемый читатель, книга, которую вы имеете честь открыть, является «россыпью чистого золота» шорского народа. Это то неповторимо оригинальное и особенное, чем отличается шорский народ от других народов. У каждого народа есть подобная блестящая россыпь, не стал исключением и мой (наш) шорский народ.

«Россыпь чистого золота» шорского народа не появилась сама собой, чудесно, она была скрупулезно и бережно собрана и записана людьми, замечательными людьми, среди которых ученые, например, Н.П. Дыренкова (автор классических трудов «Грамматика шорского языка» и «Шорский фольклор», вышедших соответственно в 1941 и 1940 годах, место издания – одновременно Москва и Ленинград); священник-миссионер и ученый В.И. Вербицкий (автор классического труда «Алтайские инородцы», вышедшего в 1892 году в Москве); шорские учителя, например, школьный учитель истории В.Г. Куспеков и «выпускник Новокузнецкого педагогического института Тудегешев Саша» (так написал в своих комментариях профессор А.И. Чудояков); студенты Новокузнецкого педагогического института (будучи на практике в деревне), например, Е.А. Мелицына, Микова Мария, и Мельницкая и Бокарева (отметив двух последних в своих комментариях, А.И. Чудояков, к сожалению, не указал их имена или инициалы), а также неизвестные люди, например, собиратель легенды «О горе Мустаг» (о нем в комментариях сказано так: «Записана неизвестным лицом, хранится в Новокузнецком краеведческом музее (дело № 107)»). Есть еще легенды, которые были «распространены в списках», например, легенда «Черный камень и сосна».

Но в центре собирателей «чистого золота» находится фигура, узнаваемая в каждой шорской семье, – про-

фессор Новокузнецкого пединститута Андрей Ильич Чудояков (1928–1994). Следует признаться, что книга переиздается к 90-летнему юбилею этого выдающегося ученого-фольклориста, собирателя шорского фольклора, педагога!

Большинство легенд и преданий, представленных в книге, записал профессор А.И. Чудояков (они помечены в комментариях автора звездочкой), он же составил и прокомментировал книгу, а также предпослал ей прекрасную вводную статью под названием «Говорящие камни родины».

Профессор А.И. Чудояков известен не только как ученый и лучший сын своего народа, но и как педагог, организатор, человек, создавший в Новокузнецке высшее шорское филологическое образование, имеется в виду кафедра шорского языка и литературы в стенах Новокузнецкого государственного педагогического института, заведующим которой он был со времени ее основания в 1989 году до самой своей смерти в 1994 году; кафедра выпустила более 130 специалистов – учителей шорского языка и литературы.

Эта книга стала библиографической редкостью уже в год ее издания, в 1989 году, не каждый шорец мог бы похвалиться тем, что обладает этой удивительной «золотой россыпью» своего народа. Сразу же после издания необходимо было переиздание, ну, а теперь – тем более. Нынешнее переиздание особенно полезно молодежи.

Ценность данной книги очень велика. Прежде всего тем, что оригинальные тексты переведены на русский преимущественно дословно, то есть в переводах явно чувствуется дыхание и очарование, аромат языка оригинала – шорского.

Если мы посмотрим на содержание книги, то увидим, что она состоит из трех глав, первая из которых называ-

ется «Возникновение мира», вторая глава – «Духи гор, вод, лесов», третья глава – «След алып-күлүка». Две первые главы включают в себя легенды шорского народа, третья – предания.

Глава «Возникновение мира» представляет собой осколки некогда цельной космогонической легенды, большого мифа саяно-алтайских тюрков и шорцев о сотворении Земли, Мира и живых существ, в том числе людей, а также мифа о превращении богатырей и простых людей (девушек) в горы и реки, и другие географические легенды (легенды, связанные с названием тех или иных мест).

В качестве главного действующего лица выступает сам Бог-Творец нашего мира – Кудай, имя которого здесь заменяется эпитетом – Ылген (Ульген) = Величайший (если быть точным, это мягкий вариант эпитета Улуғ Қан (Улуған) = Господь, Великий Хан). Есть сообщение о его семье, в частности, о его матери (Богоматери) Тазыхан, имя которой увековечено в названии шорского детского этнографического объединения в Новокузнецке. И о пяти сыновьях Кудая-Бога, которые являются повелителями разных стихий, и о трех поколениях людей, разделенных между собой смертоносными всемирными пожаром и потопом. Далее следуют географические легенды, то есть Земля (горы, прежде всего, и реки), созданная Кудаем-Богом, оказывается живой, сплошь населенной бывшими богатырями и простыми людьми.

Глава «Духи гор, вод, лесов» раскрывает перед нами духовную составляющую Среднего Мира, т.е. духов-хозяев гор (суши), воды (стихии воды), кая (горлового пения-исполнения героических сказаний), а также духов самого человека (здесь дух «кут» шамана и төси – духи-помощники, упоминается здесь көспекчи – «видящий кут другого человека или кут собаки») и

духов-разносчиков болезней. Духи-хозяева гор называются либо общим наименованием «таҕ-ээзи» или «тор», либо индивидуальными именами, например, Карлыган, Томак (мы помним, что горы были прежде людьми). Во время весеннего обряда «шачыҕ» (священного окропления) имена духов-хозяев гор непременно упоминаются, потому что именно на них направлено окропление. В приведенном рассказе об обряде упоминаются Авыҕан (Абакан), Кыйрас, Оғудум (Оғудун), Каратаҕ и др. Дух-хозяин кая – «кай-ээзи» – дух, помогающий «кайчы – исполнителям героических сказаний» стать таковыми и заботящийся о сохранности (неизменности) исполняемых ими произведений. Дух-кут шамана и армия его төсей-помощников – это не просто духи, а действенные, решительные духи, в частности, здесь рассказывается, как кам-шаман Коргуш послал своих төсей-помощников и они уничтожили (удушили) «войско кыргызского каана напротив села Кузедеева».

Третья глава «След алып-күлүка» посвящена преданиям, которые раскрывают перед нами достойнейшие имена и деяния выдающихся людей – богатырей Шории и всего Саяно-Алтая. В первую очередь здесь упоминаются почитаемый в Таштаголе богатырь Ольгудек (паштык рода Шор, предок төля-рода Токмашевых), богатырь Мустукай с его так и не найденным золотом в районе Тоза (Верхнего Тоза) около современных Мысков, богатырь Шулбай с девятью сыновьями (паштык рода Кобый, предок төля-рода Шулбаевых), богатырь Челей, от которого пошел род Челей. Все это шорские родовые предания. Но есть предания, не связанные с шорскими родами. Я имею в виду предания о кыргызском князе Канза-пеге и о джунгарском Шуна-каане, это общие саяно-алтайские предания. В главе также есть несколько преданий о смелых и решительных шорцах, речь идет о влюбленных Кузуке (Кедр) и Казың (Бере-

за), когда шорский парень дерзнул жениться на русской, он и все его потомки показали себя героями, погибли в кровопролитной битве; о Порвае, который погиб, спасая человека, в бурном потоке реки Казыр (Бурный) в месте ее впадения в Томь, и др.

В четвертой главе «Легенды и предания на шорском и русском языках» приведен пример публикации легенд и преданий, которые параллельно представлены и на языке оригинала – на шорском, и в переводе на русский язык.

Стало быть, в книге легенд и преданий перед нами предстают, с одной стороны, невидимые отцы-духи шорского народа, которые, по поверьям, не только создали народ, но и всегда распоряжались и до сих пор распоряжаются его жизнью и судьбой, с другой стороны, реально существовавшие отцы народа, его предводители, его смельчаки, храбрецы, которые всегда влияли и до сих пор влияют на жизнь и судьбу народа.

Все они – неотъемлемая часть истории и культуры шорского народа.

Нельзя быть шорцем и не знать этих отцов – реальных и невидимо-духовных, их имен и деяний. Потому что они – содержание, душа, знаки-символы шорского этноса.

А для других народов – отличная возможность прочитать и увидеть сущность и знаки-символы соседнего народа.

Обобщенно говоря, данная книга – это те девять бубнов, которые передаются народу, чтобы он мог почувствовать себя настоящим и большим народом! Подобно тому, как девять бубнов дают шаману возможность почувствовать себя великим шаманом.

*Косточаков Г.В. –
член Союза писателей России,
кандидат филологических наук,
доцент НФИ КемГУ.*

ГОВОРЯЩИЕ КАМНИ РОДИНЫ

К больной девушке, рассказывается в одной шорской легенде, пригласили шамана, у которого было три бубна. Но он не смог облегчить ее страдания. Тогда позвали шамана рангом повыше – с шестью бубнами. Но и он ничего не добился. Лишь шаман с девятью бубнами распознал, в чем причина болезни, и справился с нею. Почему? На первый взгляд, странный вопрос, ведь речь идет о каких-то суевериях. И все-таки попытаемся на него ответить, погрузившись в доселе неизвестную читателю область шорских легенд и преданий.

Многое тут разъяснила бы запись шаманского действия – камлания («кам» по-шорски – шаман), где в концентрированном виде выражались мировоззрение и опыт прошлых поколений. К сожалению, рассказы шорских шаманов остались как следует не записанными и не изученными. Теперь эта утрата уже едва ли восполнима. Публикуемые же в нашем сборнике легенды и предания (некоторые явно модернизированы либо собирателями, либо самими рассказчиками) – лишь фрагменты, осколки некогда стройной системы мышления...

В народных сказаниях заложено извечное противоречие между добром и злом. Шорский фольклор тут не исключение. Читатель сразу узнает носителей зла – Чельбегена, Шимельдею, Эрлика и носителей добра в образах Алтын-коока, Небожителей... Чье воображение их создало, из каких далеких времен они пришли к нам?

В раннем шорском эпосе Чельбеген представлен как некое чудовище – в виде семиглавого змея. Он губит богатырей. Там, где проползает, остается выжженная земля. Мало того, это чудовище оказывается еще и женщиной, дерзнувшей превзойти в мудрости самого Творца, за что и наказанной таким способом.

Как видим, образ довольно сложный. Он вобрал в себя древние представления о враждебной силе природы, о сильном ветре, урагане, всепожирающей стихии огня («чель» – ветер, Чельбеген – носитель ветра) и одновременно – о злом духе, восходящие к борьбе за первенство между отцовским и материнским началами. Как же разрешается это противоречие? В пользу жизни, только она вечна, нравственна. Когда один из богатырей все-таки отрубает головы змею, женщина остается живой. Она выходит из чудовища и становится женой победителя.

В сказаниях, созданных позже, Чельбеген переосмыслен: он оказывается родственником Шимельдеи, своеобразной шорской Бабы-яги, и тем самым ослабляется его связь с ветром и огнем, так как эта людоедка является обитательницей Нижнего мира, где находит пристанище душа человека после смерти. И, наконец, мы встречаемся с тем же Чельбегеном в образе крестьянина, едущего на быке, отправляющегося на покос с граблями. Бывший змей превращен в сатирический тип с примесью юмора. Он туп, его легко обвести вокруг пальца, в нем уже прослеживаются определенные социальные черты – жадность, стремление к наживе...

Как все это знакомо по русским сказкам!.. И все же в шорском фольклоре имеются свои особенности, с которыми надо познакомиться, прежде чем идти дальше. В первую очередь, они проявились в особом делении его на жанры, которые есть смысл здесь назвать. Это пурунгу чоок: «пурунгу» означает древний, ранний, а «чоок» – рассказ, беседа, повествование. «Эрбек» – то же самое, но с оттенком нарекания, заговора. «Тилаас» – известие, новость, молва, а буквально переводится, как язык+рот. «Сын\Шын» – правда, действительность. «Пурунгу сös» – тоже повествование, но особое, древнее. «Улуғ сös» – нечто большое, великое, значительное. Есть еще

словосочетание «кер чоок»: «кер» – поэтический, образный. А также «Ульгер» (Ўлгер) сös, где «Ульгер» (Ўлгер) потому и с большой буквы, что является верховным божеством шаманистов и обозначает созвездие Плеяды, средоточие творцов и художественного слова. Ульгер сös – слово образное, художественное. И, например, если, обращаясь к сказителю, говорили: «Ульгерлеп айт-пер», это означало: «расскажи образно, поэтично, величественно».

Чтобы еще четче провести грань между терминами, сравним алгыш сös и туйук сös. «Алгыш» – благопожелание. «Алгыш сös» произносили наиболее опытные мастера поэтической речи, умевшие излагать мысль ясно и просто, понятно всем. А «туйук» – иносказание, намек. К нему прибегали в том случае, когда какую-либо мысль нельзя было сказать прямо, в лоб, из уважения к человеку, но и не сказать ее было нельзя.

Эти особые формы поэтической речи близки друг к другу и восходят к Ульгер сös и Улуғ сös, потому что в произведениях шорского фольклора благопожелание, напутствие обычно произносит Небожитель, который появляется неизвестно откуда в виде мифического белобородого старца и уходит непременно в небеса. А в жизни простые смертные пользовались благопожеланиями, обращаясь, например, к молодоженам, к тем, кто должен выполнить важное поручение народа, и т. д.

Здесь речь пойдет о «пурунғу сös (чоок)». В произведениях этого жанра, если уж уточнять все оттенки, повествуется о том, что произошло в прошлом, но не утратило своего значения и по сей день. В научной литературе «пурунғу сös» соответствуют более всего легенды и предания. И тут перед учеными стоит нелегкая задача: ведь бубны долгое время молчали – более сорока лет произведения шорского фольклора не издавались, целенаправленно не записывались.

И первый их выход в свет, даже на русском языке, конечно, имеет большое значение для народа, проживающего на юге Кемеровской области и в приграничных с ней районах Хакасии и Алтая.

Наиболее старыми принято считать космогонические легенды, где рассказывается о сотворении земли, неба, солнца и звезд. Согласно им «гору-воду», «звєря-птицу» и человека создал сердитый и капризный Кудай (Ульгєнь). При этом он сотворил человека голым, беззащитным от холода. Люди обратились к птицам за помощью и благодаря им, вопреки воле Ульгєня, научились добывать огонь и пользоваться его теплом. Повествователь выступает здесь в качестве распространителя народных знаний, в достоверности своей информации он не сомневается, в сообщаемом им нет назидательности. А информация здесь в том, что так произошло отделение людей от животного мира. Важный момент.

Сюда примыкают также легенды о пожаре и потопе, о трех поколениях людей, о горе Кильгис, о лосе и другие. Тематически они близки к библейским мифам. Однако эти мотивы могли проникнуть в фольклор отнюдь не через деятельность алтайской духовной миссии и общение с русским населением. Ведь и записал их в прошлом веке один из первых и наиболее активных миссионеров В.И. Вербицкий. Кроме того, в шорских легендах в качестве творца выступает один Ульгєнь, тогда как в русских – бог и дьявол (вопреки, кстати, библейской версии). Легенды о разбушевавшейся водной стихии, разрушившей первоначальную структуру мира, встречаются среди народов, населяющих самые разные уголки Земли.

В «пурунғу сös» «Шанчылык», «Кизей», «Кылан», записанных В.И. Вербицким, не говорится о каких-либо социальных отношениях, выходящих за рамки родственных и внутрисемейных, и можно предположить, что они тоже весьма древнего происхождения.

В них горы одушевлены, наделены определенными психологическими свойствами. Грозен и вероломен Мустаг, раздражителен Кизей, недальновидна гора Кылан. И за всем этим проступает нравственное сознание людей прошлого. Осуждаются неуместное любопытство, ограниченность, утверждается приоритет силы. И, в конечном счете, на мой взгляд, выражается народная тоска по идеалу, основанному на справедливости во взаимоотношениях людей.

Большую группу составляют легенды о «хозяевах» гор (Таҕ-ээзи), вод (Суҕ-ээзи). Внутри горы, по мнению предков шорцев, существовал свой особый мир. Он очень похож на наш, земной. Там тоже живут люди, пасут скот. Но солнце и луна светят лишь наполовину, и поэтому там стоит полумрак. Наиболее отважные народные герои общаются с обитателями этого мира, нередко даже вступают в брак с дочерьми «хозяев». Так, например, поступил герой сказания «Мерет Оолак» (вариант П.П. Токмагашева).

В отличие от сказок, в пурунҕу чоок обычно нет развернутой картины жизни владык Подгорного (Нижнего) мира, хотя в записях Н.П. Дыренковой, сделанных в двадцатые годы, они и показаны в разных ситуациях: то играющими в карты, то слушающими пение кайчи... Гораздо чаще в этих легендах повествуется о встречах охотников с неким таинственным существом, по их предположению, «хозяином» горы. Считалось, что такая встреча ничего доброго не предвещает. И поэтому по прибытии на место промысла люди первым делом выполняли обряд шачыҕ (окропление) и старались вести себя соответствующим образом, чтобы не рассердить Таҕ-ээзи. До сих пор пожилые охотники утверждают, что Таҕ-ээзи не любит шумной компании, не терпит пьянства, сквернословия, драк, скандалов, причем не только на промысле, но и дома, пока охотник в отлучке. И наоборот, Таҕ-ээзи по душе согласие, дружба, органи-

зованность и дисциплина, а в человеке – смекалка, сообразительность, трудолюбие. Он не рассердится, если его перехитрят, добыв то или иное животное из его стада.

Подобное же почтительное отношение было и к «хозяикам» вод, которым, как правило, в легендах дается портретная характеристика. Они изображаются нагими, расчесывающими свои длинные и светлые волосы золотым гребешком, с наступлением рассвета они бросаются в глубокий омут и там исчезают. Они могут туда заманить человека. Поэтому тут тоже была целая система запретов, которые следовало неукоснительно выполнять. Особенно опасны были бедствия, вызванные ледяными заторами и наводнениями. Отсюда и то, что ранней весной, еще до ледохода, люди старались задобрить Суҕ-ээзи кроплением национальным напитком абырткой. Вода в космогонии шорцев являлась стихией Нижнего мира, а он, как говорилось, связан со смертью.

В Шории можно услышать также рассказы об От-ээзи («хозяине» огня, домашнего очага), Эм-ээзи («хозяине» дома), Мал-ээзи («хозяине» домашнего скота). Они в большинстве своем относятся к быличкам, к демонологическому жанру. Из легенд этого жанра в сборнике встречается лишь одна – о Кай-ээзи, иначе говоря, о «хозяине» кая – традиционного искусства пения с сильным сжатием гортани. В рассказах о Кай-ээзи прослеживаются былые связи между «хозяевами» кая и гор. В одной из легенд, например, рассказывается, как «хозяин» кая унес будущего кайчи далеко в горы. Возможно, что здесь произошло расчленение некогда единого образа «хозяина». И это был важный момент выделения еще одного начала: искусство получило самостоятельный статус в жизни народа.

Легенды о «хозяине» кая воспринимались шорскими и алтайскими кайчи, хакасскими хайджи как

своеобразные заповеди, выработанные долголетней сказительской практикой. Можно сделать вывод, что рассказы о «хозяевах» играли большую роль в жизни шорских племен. Не буду говорить об эстетической, воспитательной их функции, в чисто практическом плане ими регламентировалось поведение людей в самых разных ситуациях.

Но пора ли вспомнить того мудрого шамана с девятью бубнами? И сделать еще одну зарубку: суеверие суеверию рознь, недопустимо сводить лишь к этому многозначимые проявления народного сознания. Каждая речка, речушка, ручеек, родник, приметный камень и скала имеют в Шории свои названия, которые сейчас, к сожалению, стали забываться. И это не просто географические обозначения, это живая природа, вне которой шорец не мыслит своего существования, осознавая себя лишь ее частью. «Гора и Таг-ээзи, — писал историк И.Л. Кызласов, — звенья сложной семантической цепочки: гора — плодоносящее древо — родовая гора — хозяин горы — благополучие членов рода — тотемный предок» («Гора-прародительница в фольклоре хакасов» // СЭ. — 1982. № 2. с. 83–92). Точно так же неотделимы от жизни людей солнце, звезды, луна. Все это единый Космос, взаимосвязанный, взаимообусловленный. Пожилые шорцы говорят: «Нельзя рвать траву с корнем. Травы — это волосы земли, рвать их с корнем — значит причинять ей боль». Думаю, что не надо объяснять в наши экологические времена эту народную мудрость. А возьмем шорский лунный календарь, с помощью которого предсказывалась погода. За всем этим многовековой опыт наблюдения, который поражает современного человека своей точностью.

Кстати, о шаманах, көспекчи (ясновидящих), знахарях. Это целая группа легенд. В прежние времена разного рода заклинателям духов хватало дел. Идет, допустим, человек на охоту, а впереди него шествует

«төс» — его дух, двойник, помощник. У человека, оказывается, есть и «сурүн» — дух, который идет следом за человеком (от слова «сүр» — догонять). Кроме того, у него есть еще дух, который обитает среди людей после его смерти. Называется он «үзүт». Он особенно опасен, потому что может вселиться в душу живого человека и погубить его. Это может произойти как случайно, так и вследствие происков «үзүта». Обычно он вселяется в того, кто обижал «хозяина» данного «үзүта». Мораль проста: не обижай ближнего! Раньше говорили: «үзүт сүлезивисти» — вселился дух в душу. Тогда и призывали к больному кама, ведающего «тайнами» жизни духов, «үзүтов» и умеющего с помощью специальных приемов народной мудрости изгонять их.

Шорские легенды сюжетны, поэтичны, значительное место в них занимает символика, дающая простор фантазии читателя или слушателя.

Предания, по-шорски, — «сын/шын», «тилаас», «эрвек». Это рассказы о том или ином историческом событии и, соответственно, о реальном герое, оставшемся в народной памяти. Реализовывались они в свободной манере повествования, без устойчивых зачинов и концовок. В преданиях более отчетливо, нежели в легендах, проступает временной срез. По наиболее ярким отличительным признакам их тоже можно разделить на группы. Например, явно тяготеют друг к другу предания «Ханское золото», «Аба-Тура» и некоторые другие: в них указывается конкретное место действия (реки Томь, Аба, гора Огудум), а само действие ограничивается одним фактом.

Ряд преданий объединяется темой борьбы шорских крестьян против уплаты дани айратским ханам. Тут налицо социально-политическая проблематика, острая конфликтность. Однако, в отличие от героического эпоса, в преданиях не дается широкой панорамы действий крестьян. Подчеркивается их долготер-

пение. Их отдельные представители встают на путь сопротивления только тогда, когда поборы становятся невыносимыми. Таков, например, Ак-оол, сын старика Шулбая. Кстати, в предании «Шулбай» выражена мысль и о том, что жизнь завоевателя не имеет перспектив, жажда власти не ведет к радости. Тем более, к счастью. По мнению повествователя, которое наверняка разделяли и слушатели, радость и счастье заключаются в семейной жизни, в труде, в продолжении рода.

Для народного самосознания много значили такие предания, как «Алгутик», «Патно каязы», герои которых якобы первыми основали жизнь в бассейне реки Кондомы и являются предками шорцев.

События сравнительно недавнего времени положены в основу рассказов об Акпаше и Порвае. В одной повествуется о том, как пастух навсегда уходит от своей семьи ради сохранения жизни табуна лошадей и одновременно спасения вековых традиций своего народа. По существу же, тут не Акпаш спасает табун, а табун спасает Акпаша. Вроде бы незначительное событие, частный случай, но сколько гордости за своего предка в словах рассказчика. Во втором предании повествуется о мужестве, сознательном самопожертвовании, подвиге. В обоих рассказах раскрываются лучшие качества шорского народа, показана и трагичность его судьбы.

Читатель заметит, что в некоторых преданиях рассказывается об исторических деятелях нешорского происхождения (Шуна, Канза-пег и др.).

Это объясняется тем, что шорцы не имели своей государственности. Из-за малочисленности они постоянно находились в экономической зависимости от более сильных соседей – степных кочевников. Наряду с выплатой албана они вели с ними торговлю, выменивая продукты своего труда – изделия из металла, пушнину, иногда хлеб – на скот, войлок,

тулупы. Следует сказать, что товарообмен выходил далеко за пределы региона, иначе нельзя объяснить проникновение шелка к «лесным народам». Параллельно происходил и культурный взаимообмен.

Следует иметь в виду и то, в каких сложных условиях складывался шорский этнос. Южная Сибирь, проходной двор народов, как ее иногда называют, была ареной опустошительных войн, в результате которых с лица земли исчезали целые племена, а многие оказывались рассеянными на огромной территории. Поэтому названия одних и тех же племен, в частности, шорских родов Сары, Сары-Шор, Кобый, Кызай, Карга и других, можно встретить на Урале, в Средней Азии и Казахстане. В моменты затишья уцелевшие представители племен и народов смешивались между собой, и это тоже способствовало синтезу культур. Однако следует подчеркнуть, что этот синтез не был механическим, он был естественным. Сейчас можно с уверенностью говорить о том, что здесь, в раскаленном тигле истории складывалась одна общая культура, но по ряду причин ей так и не суждено было вырасти до ярко выраженной национальной. Поэтому в фольклоре алтайцев, хакасов и шорцев так много и общего, и специфического, своего.

Цикл преданий о Шуна-Каане в Горную Шорию принесли телеуты. Шорские сказители переняли их и стали распространять в своей среде. Широко распространены эти предания также у калмыков, киргизов, башкир...

Ранняя запись предания о Шуне принадлежит В.И. Вербицкому. Сделана она у кузнецких телеутов и опубликована с комментарием в 1858 году в «Томских губернских ведомостях». Интересовался Шуной и написал о нем статью и известный казахский ученый и просветитель Ч.Ч. Валиханов. Из этой статьи видно, что Шуна был историческим лицом, сыном одного из правителей Джунгарии, пользовался боль-

шой любовью и уважением в своем народе. Однако вследствие внутренних распрей подвергался у себя на родине гонениям.

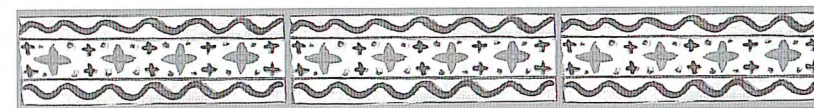
Преданиями Шуны приписываются большой ум, богатырская сила, высокая нравственность. Он — Алып-күлүк, как говорили раньше. Шуна наделяется как человеческими, так и сверхъестественными качествами. В повествовании прослеживается несколько стилевых пластов. Часто оно, например, напоминает повести об авантюристах XVIII века, мелькают и элементы сказочной фантастики, мифологии. Создается образ ханского сына-страдальца. Вместе с тем мы видим нравы высшего аристократического сословия в последние десятилетия существования Джунгарского государства. Стоит ли говорить, что шорцы находили в рассказах о героях, подобных Шуне, ответы на многие вопросы своего бытия.

Вернемся теперь к шаману с девятью бубнами. В применении к фольклору тут вот какая мораль: действительно, надо, чтобы «говорило» как можно больше бубнов и тогда мы лучше поймем, о чем думали, мечтали и как жили наши предки, наконец, сможем выровнять свой путь относительно пройденного ими. В образах сказок, легенд, преданий, героического эпоса и задушевных лирических песен, в различных обрядовых действиях из поколения в поколение передавались народные знания об окружающем мире, о природе явлений, о месте человека во вселенной, о нравственном и безнравственном, выражались сокровенные чаяния людей. В них любой народ, какие бы испытания ни выпадали на его долю, черпал душевные силы, жизненный оптимизм.

А. Чудояков

ВОЗНИКНОВЕНИЕ МИРА

О ТРЕХ ПОКОЛЕНИЯХ ЛЮДЕЙ

По словам древних людей, наше поколение третье. Люди первого поколения сгорели во всеобщем пожаре. Тогда же сгорели и животные. Сгорело все дотла, остался один пепел.

После этого страшного пожара люди появились вновь. Как? Неизвестно. Это были люди второго поколения. Они погибли от всемирного потопа.

Потом появилась новая жизнь. Мы относимся к людям этого третьего поколения. Мы живы.

До потопа были только легенды и предания, после потопа были сложены сказания и кай о богатырях. Кай поют горлом и играют на кай-комусе.

СЕМЬЯ УЛЬГЕНЯ

У Ульгения есть мать Тазыхан, три сына и двенадцать дочерей. Первый сын Ямгыр-ахту – Яжиган-громовец и повелитель дождя. Второй – Солтыхан и третий, Темирхан – бог войны. Ульгень пребывает на двенадцатом, одиннадцатом и седьмом небе.

Шаманами поминаются, кроме того, Яче, творец земли и мира, и Яик-хан, он же Чаикхан, которому приписывается потоп на земле.

О ПОЖАРЕ И ПОТОПЕ

Раньше здесь была равнина, гор не было. В то время, когда тут была равнина, стал падать на землю огонь. Горела земля. Горел кедр, лежащий под двумя метрами земли. После пожара появилась вода. Она затопила землю.

Звери плавали в воде, люди – на плотках. Они ловили зверей плавающих, их мясом питались. Этим они спаслись.

Но людей мало осталось. Когда вода ушла, появились горы. Мы живем в этих горах.

ОГУДУМ

Так называется гора. Ее вершина четырехугольная, поэтому она называется еще «Төрт пулуннуг Оғудум» (Четырехугольная Оғудум). После всемирного потопа плот застрял там. На вершине горы есть озеро. Перед войной бревна этого плота поднимаются на поверхность. Так говорят.

ЛОСЬ

Когда земля-вода кружилась, а звери-птицы плавали в воде, Ульгень собирал их всех сетью с мотней. Все звери-птицы шли в его сеть, спасаясь от воды. Один лось отказался. «У меня хватит сил, чтобы проплыть в воде девять лет», – сказал он и не пошел в сеть.

О ГОРЕ КИЛЬГИС

Гора Кильгис возвышается над широким плесом реки Томь, выше села Корай. Выше нее, напротив села Чульжан, стоит другая гора. Эта гора и гора Кильгис – «тижи-кижилер», то есть женщины. Гора Сосновая, которая стоит выше Чульжана, «эр-кижи» – мужчина. Всех их принесло сюда водой. Самой сердитой является Кильгис. Ее нельзя дразнить. Около нее не надо кричать, сквернословить, ругаться. Кильгис рассердится.

ШАНЧИЛЫК

Мустаг, оставив в вершине реки Салтона китаянку Тегди, сватался за дочь богатыря Шанчилька (гора на левом берегу реки Мрассу). Тот не отдал. Оскорбленный Мустаг отколол своей богатырской саблей большой кусок от Шанчилька и взял его дочь силою. Отколок этот и до сего времени стоит рядом с горой Шанчильк.

КИЗЕЙ

Младший сын Мустага Кизей (Грубый) часто прогневлял отца и за это был прогнан в дальнюю сторону от родительского дома.

На дороге в изгнание попала ему гора Утья и стала любопытствовать: отчего произошло несогласие с отцом? Это неуместное любопытство и непростительное вмешательство в семейные дела еще более раздражили и без того уже огорченного Кизея, и потому с досады он так хватил Утью, что в вершине ее пробил окно величиною с большой дом.

Прогнанный Кизей в настоящее время покоится при реке Мунзас.

КЫЛАН

При впадении реки Кыйыҕза в Кабырзу на одной стороне находится гора Кылан, а на противоположной стороне реки – утес о семи гребнях.

Кылан была вдова, имела семь дочерей. Один богатырь посватался за одну из дочерей. Кылан поцеремонилась, и за это богатырь забрал себе всех ее дочерей, которые в виде семи отдельных вершин и доднесь посиживают при реке Кызынырыкҕол.

КУРТЯК ТАШ

Близ устья реки Буҕунчи, впадающей в Мрассу, на правой стороне стоит стражем утес Куртыак таш (камень Старуха), который выше себя не пропускает щук. И действительно, выше этого утеса щук в Мрассу почти нет. Если же которая из отважных щук заберется выше стража и попадет рыбакам в ловушку, то ее, из опасения смерти, выпускают на свободу.

МАЗАРАК

На правом берегу Мрассу, против устья реки Онзаса, находится Мазарак, сражавшийся с китом (кер-балыком), заплывшим в Мрассу и чуть было не потопившим прибрежных жителей.

Мазарак бросил в кита двумя большими камнями, которые и теперь лежат, высунувшись из Мрассу в виде ворот, о которые иногда разбиваются плоты. Этими камнями богатырь так сильно ранил кита, что он, немного проплывши, издох на том самом месте, где протекает рукав Мрассу – Ёлчек (Умерший), против улуса Сосновой горы.

ПҮҢРҮ КАЧАЙ

Пүҗрү Качай находится выше горы Тегри-Тижи (Поднебесного Зуба). Пүҗрү Качай имел девяносто молотов. Он не мог совладать со своей собственной силой, стал разрушать гору. За это его покарал Кудай-Бог.

Пүҗрү Качай превратился в камень. Покоится за горой Тегри-тижи.

О РЕКАХ ТОМЬ И МРАССУ

Был парень Томь, охотник. Была девушка Мрассу, дочь бая. Полюбил парень Мрассу и решил на ней жениться, но бай был против этого, и заслал он парня туда, откуда берут начало ручьи и реки.

Мрассу столько плакала, что сама превратилась в реку и потекла. Когда ей в районе Тажалги преградили дорогу скалы, она грудью разбила их, и образовались на этом месте знаменитые Мрассинские пороги. Томь тоже превратился в реку, и за поселком Нижний Рюм они слились.

ПОСПОРИЛИ МЕСЯЦЫ...

Улуғ-айва Кичиғ-ай (Большой месяц и Малый месяц)

По-шорски ноябрь называется Улуғ-ай, декабрь – Кичиғ-ай. Однажды они поспорили между собой.

Улуғ-ай говорит:

– Я сильнее тебя, Кичиғ-ай.

– Нет, я сильнее тебя, – утверждает Кичиғ-ай.

– От моего холода потрескаются маральи рога, – хвастается Улуғ-ай.

Улуғ-ай послал сильный мороз. От него стал замерзать молодой скот – телята, ягнята, жеребята. Увидев это, Улуғ-ай сжалился и прекратил посылать сильный мороз. Поэтому в ноябре сильных морозов не бывает.

Кичиғ-ай послал мороз. Его холод выдержали маралы. Поэтому в нашем краю много маралов водится и размножается.

О СЕМИГЛАВОМ ЧЕЛЬБЕГЕНЕ

На горе Катунь сидел семиглавый Чельбеген. Он питался людьми. Луна, видя это, пожалела людей: раскололась пополам и спустилась к земле.

От холода люди попрятались по домам. За спуском луны они смотрели в открытые двери, заложив руки за спину. Лица людей привыкли к холоду. Поэтому лицо человека теперь не боится мороза. Руки привыкли к теплу. Они мерзнут на морозе.

Семиглавый Чельбеген сидел под вербой. Когда увидел луну, он ухватился за ее ствол. Луна вырвала вербу вместе с корнями и семиглавым Чельбегеном, поднялась на небо. На луне видны верба и семиглавый Чельбеген.

Говорят, первым людям хотело помочь солнце. Когда же оно стало спускаться к земле, люди ста-

ли гореть. Тогда солнце попросило луну, чтобы она уничтожила Чельбегена.

Люди выдержали холод, потому что они были одеты и только выглядывали из домов. Жару не смогли выдержать.

До сих пор на луне виден семиглавый Чельбеген вместе с вербой, вырванной луной из земли. Черные полосы на луне – это Чельбеген.

ДЕВУШКА И МЕСЯЦ

В горах Шории жила девушка у мачехи. Горько-горько доставался ей кусок хлеба, не говоря об одежде и шалостях.

За всякий пустяк мачеха била девушку, попрекала и люто ненавидела.

Ночью она посылала ее в лес за дровами, в поле за всяким безделием. Тяжело было сиротке.

Однажды после жестокой порки мачеха ее ночью послала за водой. Повесив ведро на коромысло, девушка пошла к реке. Слезы застилали ей глаза, тропы не видно было. И, заливаясь слезами, она попросила: «Милый месяц, освети тропу».

Небо заголубело и, покрываясь красным покровом, медленно выкатило на верхушки деревьев огненный шар. Он ярко осветил тропу, сказочно красивый лес, горы.

«Месяц-дружок, возьми меня, не могу больше», – взмолилась девушка.

Месяц спустился с верхушек деревьев, взял девушку к себе и высоко ушел в небо.

Вот с тех пор стоит девушка с ведрами и смотрит с месяца на нас.

О ПОЯВЛЕНИИ ЯЧМЕНЯ

Роды Кызай и Кобый приписывали своему предку появление ячменя. В одной из легенд рода Кобый говорится, что у предка этого рода Тебир Кириша (Железной Тетивы) из пупа вырос колос ячменя и отсюда их род впервые получил зерно.

Легенды также рассказывают о том, как люди родов Кызай и Кобый дали своим соседям, живущим выше по течению реки Мрассу, зерна ячменя и научили их высекать огонь. До того люди Кый питались сараной, кандыком и сырым мясом диких животных.

КРАСНЫЕ ПОЛОСЫ НА КАМНЕ

1.

По Мрассу, выше села Шодрова, стоят высокие скалы. У подножья этих скал есть приметная каменная плита. На ней две красные полосы: одна широкая, другая узкая.

Об образовании этих двух красных линий на серой плите рассказывают...

Это было в то время, когда шорцы жили родами-сөөками.

Однажды на людей, которые жили выше теперешнего Шодрова, напали люди другого племени. Они хотели завоевать народ племени Шодрова.

Враги появились напротив села, на левом берегу. Оттуда они стали стрелять из луков, стрелы поражали жителей.

После долгой и упорной стрельбы из-за реки враги уничтожили многих людей. Когда они истребили почти все население, из-под камня выползли два змея: один больше другого. Они переплыли Мрассу и вступили в сражение с врагами.

Борьба шла долгая. Змеи победили. Уцелевшие местные жители переселились в Верхний Тоз. Население Тоза – это потомки тех, кто остался в живых от той войны, они произошли от спасенных теми двумя змеями. А две красные полосы на плите остались от змей, которые тогда проползли по этой плите.

Прежние жители Верхнего Тоза берегли эту плиту и почитали.

Теперь сохранилась эта плита или не сохранилась, я не знаю.

2.

Была великая вражда между шорским и сагайским народами. Сагайцы напирали на шорцев с левой стороны реки Мрассу, стали уже побеждать, заходить на гору.

Но у шорцев был сильный шаман, он сумел заклясть сагайских князя и княгиню, превратив их в змей. Так они и остались на скале.

Сагайский народ, чтобы продлить им жизнь, стал кормить их, бросая через реку в утес кринки с молоком. Следы расплескавшегося молока белыми потеками остались и видны по сие время на скалах около черной и красной извилистых полос – змеиного изображения.

ГОРЫ КИСМАР, МАНАК, МРАССКИЙ ПОРОГ

1.

Нет человека, который бы помнил то время. Давно это было. Два богатыря жили. Один владел левой стороной Мрассу, другой – правой. Тогда река текла свободно – ей ничто не мешало. Поссорились богатыри между собой. Пошли войной. Останови-

лись у реки. Оба были сильными. Вот и давай они разламывать горы и бросать друг в друга большие камни. Камни то перелетали через гору, то падали в воду. Много камней попадало в реку. Чисто горы выросли в воде синей! Река сердилась, ревела на всю тайгу, белой пеной билась о камни. На семь верст по реке накидали камней.

Злой дух Айна рассердился на богатырей. В горы их заколдовал. Вот и до сих пор стоят они над рекой. Одна из них, Кисмар, словно черный монах вытянулась над тайгой, слушает, как сердится среди камней матушка Мрассу.

2.

Было время, Мрассу текла под гору, будто в черные ворота. Какие? Непонятно — так там темно было. Однажды закачалась земля, загудели горы. Попадал лес. Думали люди — все кончилось. Ничего, прошло. Пошли как-то люди вниз по реке, смотрят — нет пещеры, Мрассу течет прямо, только вся камнями завалена.

Мечется в камнях, белая, ревет, далеко слышно. Вот как получился порог.

3.

В 100 верстах выше устья реки Мрассу бурлит и страшно клокочет известный Мрасский порог, на протяжении семи верст волны выше сажени вздымаются через разбросанные на дне огромной величины камни, от рева их не слышно и громкого разговора. Такие же камни находятся и по обоим берегам, равно как и на горе с правой стороны, имеющей вид развалин.

Плоты и лодки, освобожденные от клады, спускаются через порог на веревках, а клады перенос

ятся по тропе с правой стороны, проложенной по камням. По обоим берегам валяются остатки искорверканных плотов и осколки лодок, свидетельствующие о небезопасности путешествия.

В древности река протекала сквозь гору мрачным ущельем, в которое проходили с зажженным смолем, но так как подобный проход предки мрасских инородцев нашли неудобным, то обратились через своих шаманов куда следует с молением: нельзя ли уничтожить это ущелье?

Повелено им было принести в жертву одну старую женщину по имени Манак: спустить ее в ущелье на салике (небольшой плот), без огня. Так и сделали. Когда Манак доплыла до середины ущелья, гора с шумом и треском упала на нее. Эта упавшая гора, среди которой находится порог, и до сих пор носит название своей жертвы — Манак.

4.

Это было очень давно, еще тогда, когда темной пещерой протекала здесь река.

Неудобно и страшно было проходить этим местом. Только опытные лодочники могли пройти вверх и вниз среди белого дня, и то со смоляными огнями, но нашелся великий шаман, который предложил уничтожить неудобное место и исправить путь: только нужно пустить на салу привязанную живую женщину с ребенком.

Согласился шорский народ, и выбрали жертву.

Только доплыл до середины жертвенный сал — пещера рухнула, и с той поры образовался Мрасский порог.

5.

В старину в Горной Шории, выше местечка Тажилга, вода реки Мрассу протекала под полой скалой (утук кая). Однажды жители долины Мрассу под эту скалу пустили труп одной мертвой старушки. Горный дух разгневался и разрушил скалу. Гора рухнула.

На этом месте образовались Мрасские пороги. Длинной километров восемь будут.

О ГОРЕ МУСТАГ

Давно это было, очень давно. В те древние времена полюбили шорскую красавицу Ак Пурбу два шорца-богатыря и из-за нее сразились. Бились свистящими стрелами, дрались каменными глыбами и наконец рухнули замертво двугорбой горой – Мустагом.

Накрыла их Ак Пурба белым саваном, поднялась над ними облаком, и полились из ее глаз потоки слез. И несут они кровь-золото богатырское во все стороны.

По золотым ручьям пришли люди в Шорию и из Китая, и из Монголии, и из Великой Руси.

СЕМЬ ДЕВИЦ ПЛАЧУТ

Четти кыстың чажы

Выше села Верхний Тоз есть левый приток Мрассу, называется Кендас. Выше Кендаса есть отвесная скала. Зимой и летом по ней течет вода. Зимой не замерзает. Скала всегда мокрая.

Старики говорили, что когда-то давно внутри этой скалы жил отец с семьей дочерьюми. Дочери были взрослыми. По разрешению отца они выходили из этой горы, уходили к людям погулять.

Однажды все семеро дочерей по разрешению отца вышли из горы и ушли. В назначенное время никто из них не вернулся. А когда они вернулись, их отец закрыл двери горы. Больше не разрешил им выходить.

Семь девиц плачут. Со слезами они просят отца разрешить им выйти к людям погулять. Отец не разрешает.

Они плачут, по скале их слезы катятся, внизу от их слез образуется ручей.

ЧЕДЫҒЫС

Выше села Верхний Тоз, по пути к бывшему селению Шодрова, есть приток реки Мрассу, называется Оғузас. Весной по этому притоку сплавляют бревнами лес, плавают на лодках.

Там есть небольшая скала под названием Чедығыс, правильно – Четти кыс. Почему она так называется? Потому что там жили семь девушек. Было так.

Давно, где-то далеко от Оғузаса, шла война. На войне погиб отец, остались его семь дочерей. Они бежали от войны, пришли на берег реки Оғузас, остановились, построили шалаш на небольшой скале, там жили.

Теперь по этой небольшой скале зимой и летом течет вода. От воды на ней образовались потеки. В народе их называют слезами тех семи девушек, которые когда-то там жили.

Эти девушки ушли оттуда, а скала под названием Четти кыс осталась. И стоит она там до сих пор.

СЕМЬ КРАСАВИЦ

Это было давным-давно. У подножья Золотой горы богатырь Алтын Эргек (Золотой Большой па-

лец) боролся с богатырем Чес Масом (Серебряным Оводом), оспаривая богатырскую честь.

Десять дней и десять ночей шла борьба. Слух о том дошел до степей Хакасии, где жили семь девушек-красавиц. Только их красота могла бы остановить великую схватку богатырей, и отправились девушки к месту поединка. Добравшись до вершины большой горы, они сказали: «Выше тебя нет, гора, почему же ты не видишь схватку богатырей?»

С тех пор получила эта гора название Каным (Царь).

Гора Каным показала девушкам битву: богатыри уже по пояс увязли в земле. Девушки поспешили к ним. Младшая не поспевала за старшими, но когда и она достигла вершины горы и увидела битву, то крикнула: «Токталаар!» («Стойте!»). С тех пор в верховьях реки Назаса горы называют Токпан таг (Стоп-горы).

Когда семь девушек дошли до подножья Золотой горы, богатырей уже не было. На одиннадцатые сутки богатырь Чес Мас оторвал от земли Алтын Эргека и забросил на гору, где тот и застыл камнем. Так образовалась вершина Верхний Зуб.

Чтобы убедиться в своей победе, Чес Мас стал подниматься на Золотую гору, но оборвался и упал, и тоже превратился внизу в камень. Так образовалась вершина Малый Зуб. По сей день они возвышаются в системе Алатау. Когда девушки узнали, что богатыри превратились в камни, они решили остановиться здесь, чтобы охранять их покой.

Неизвестно, сколько времени они стояли, но и они застыли камнями. Так в северо-западной части Верхнего Зуба возникла гора с вершинами Семи девушек.

Много слез пролили девушки на чужбине.

Их слезы образовали горные притоки реки Томи. Волосы их стали седыми. Злой ветер развеял их кудри, и сейчас с восточной стороны Верхнего Зуба стелется седая, а при восходе солнца – серебряная тайга.

ЧЕРНЫЙ КАМЕНЬ И СОСНА

Кара ташпа Карагай

В верховьях реки Усы есть лысая гора, на которой нет ничего, кроме черного камня и сосны. Легенда рассказывает о том, что молодой парень из бедной семьи решил жениться на богатой девушке. Они любили друг друга, но отец девушки был против их свадьбы. Тогда молодые надумали бежать украдкой из родительского дома.

Узнав о побеге дочери, отец стал насылать на молодых разные бедствия. Они боролись против них, но реку, которая преградой возникла на пути беглецов, молодые не смогли преодолеть. И чтобы на всю жизнь остаться вместе, девушка превратилась в стройную сосенку, а парень возле ее ног – в черный камень. С тех пор стоят на горе сосна и камень.

О КРАСНОМ КАМНЕ

Была в древности семья шорских богатырей: отец, мать и три сына.

Младший из братьев по имени Алығпаш (Глупая голова) был сильнее всех, но дурак: только брался за что или к чему прикасался, все он крушил, ломал и уничтожал. Порешили братья избавиться от ду-

рачка. Однажды взяли его с собой на охоту, сказав, чтобы он ждал внизу около горы оленя, которого они выгонят из тайги, и хватал его прямо за рога.

Сами, поднявшись на гору, накалили докрасна большой камень и столкнули его. Затрещал, зашумел лес. Подумал дурак, что это олень бежит. Ухватил обеими руками показавшийся камень, остановил его, но тут и погиб. А красный камень на этом месте лежит по сию пору.

ЛАЧЫН КАЯЗЫ

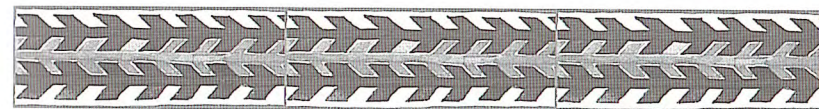
Недалеко от Бельсу-реки стоит красивый скалистый утес, нависший над Томью-рекой. Этот утес назвали Лосиным. Про него существует много легенд. Правда такова.

Давным-давно лось и лосиха спешили на запад, но воды Бельсу преградили им путь, и они остановились на лето. Летом лосиха отелилась.

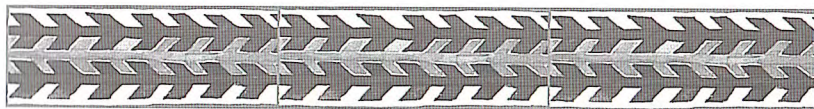
Приучая к ходьбе своего детеныша, она привела его к краю утеса, чтобы показать величие и красоту Томи-реки. Лосенок поднял голову и стал рассматривать просторы тайги и красавицу Томь.

В это время над утесом взвились два коршуна, лосенок от испуга хотел убежать вглубь тайги, но не рассчитал свой поворот и сорвался со скалы. Лосенка прибило к берегу, где и обнаружили его рыбаки.

Вот почему этот утес назван Лосиным.

ДУХИ ГОР, ВОД, ЛЕСОВ

ШАЙТАН НАКАЖЕТ

Было это очень давно, когда еще Каратаг и Шунтаг седыми не были.

Охотник старый жил, жена его умерла. У него было два сына и одна дочка.

Хотел охотник, чтобы сыновья его тоже охотниками были: белку, соболя и выдру промышляли. Тайга шорца кормит!

Старший сын отца любил, слушался его. Зоркий глаз у него был, руки сильные, стал он охотником, радовал отца. Младший сын не захотел охотником стать, белку, соболя и выдру промышлять.

А тут люди в тайгу пришли, стали по горам ходить, камни искать. С ними захотел уйти младший сын. Охотник не пускал сына, говорил: «Шайтан поймает, шайтан не пустит, не даст камня, накажет шайтан».

Но ушел сын с людьми в горы, не послушал отца. Шайтан не хотел пускать людей в горы. Когда пришли люди, стали стучать молотком, зашумела тайга, ветер сильный поднялся, надвое раскололась гора. Погибли люди, с ними погиб охотника сын, который отца не слушал.

Теперь там шорец не ходит. Страшно там. Как увидит шайтан, что люди идут, пугает их. Ветер завывает: «У-у-у-у...».

Если зимой на лошади едут по льду Мрассу, это место надо быстро проезжать, не смотреть на гору: шайтан погонится – убьет. Если летом на лодке плывешь, быстрее плыть надо. Мрас тоже сердится, воронка там есть глубокая.

О ЗМЕИНОЙ ГОРЕ

Однажды охотник возвращался домой по реке Усе. Остановился пообедать, отдохнуть. Сварил

уху, поел и пошел к лодке. Что же видит он?

Лодка полна змей. А одна змея лежит – больше всех, и у нее на голове шесть точек. Охотник испугался, растерялся. Такое он видит впервые. Куда идти? Хотел вернуться – змеи шипят, ход один – только в лодку. Пошел в лодку. Как только он шагнет – змеи расползаются. Так он прошел в нос лодки. Куда же ему плыть? Хотел плыть вниз – змеи шипят, вверх – шипят. Охотник наконец понял, что плыть нужно на тот берег. Переплыл. Все змеи выползли, а три остались в лодке. Охотник хотел уплыть, да змеи снова зашипели.

Так просидел он до вечера. К вечеру возвратились все змеи. Они были покусаны, в крови, и с ними была новая голубая змейка. Змеи зашипели. Теперь охотник уже понял, что означает их шипение: стал понимать змеиный язык.

Охотник перевез их снова на другой берег.

Царь змей рассказал ему, что они ездили на гору за его невестой. Охотник помог им переплыть через реку Усу – это им придало и сохранило силы. Змеи сказали охотнику, что они равнинные. Змеи поблагодарили его за помощь.

Царь змей сказал охотнику, что его теперь не тронет ни одна змея.

С тех пор в верховьях реки Усы это место называется Змеиной переправой, а гора стала называться Змеиной.

ВСТРЕЧА КАРЛЫГАНА С ТОМАКОЙ

Несколько столетий тому назад жил прекрасный юноша Карлыган. Отец оставил ему в наследство тайгу, богатую зверями, реки, богатые рыбой. Однажды после удачной охоты приснился Карлыгану сон. Во сне он увидел девушку, а когда проснулся,

тоска его одолела. Перестал он пить и есть, только горюет.

Однажды утром он сел на коня Салгына и поскакал к степям Хакасии. Он решил найти свою любимую. Долго отговаривала его мать, но ничто не помогло. Карлыган покинул родные места. Он достиг берега большой реки, накормил и напоил коня, сел и задумался. Вдруг вода в реке помутнела, и перед юношей возник дед Енисей (Хэм).

– Зачем ты пожаловал в эти места? – спросил Енисей.

Карлыган поведал ему о своей судьбе, тогда Енисей ответил, что недалеко от этих мест находится царство девяноста девяти гробов, откуда еще никто не возвращался живым. Твоя же возлюбленная живет в твоих краях, зовут ее Томака.

С радостью юноша полетел в родные края. Когда он приблизился к родному очагу, то увидел возвышающуюся над аилом серую гору. Мать не вынесла разлуки с сыном и вросла скалою в землю, которая сейчас называется Энэ (Матушка). Вдруг на вершине скалы появился олень. Карлыган хотел пустить стрелу в оленя, но тут словно яркий свет блеснул ему в глаза, и он увидел девушку.

Она не хотела, чтобы кто-нибудь знал об этой встрече, и посоветовала юноше уснуть, а сама поскакала вместо него на охоту. Много дней и ночей проспал он. Когда на восходе солнца проснулся, девушка была уже тут, она сказала:

– Долго ты спал, славный Карлыган, не хочешь ли есть?

Карлыган почувствовал, что матушка вселила в него богатырскую силу, как бы заранее зная, что ее сыну предстоит большая схватка, ведь девушка, ко-

торую он разыскивает, из другого рода. Здесь Карлыган спросил девушку:

– А кто твой отец? Как зовут тебя?

– Я дочь злого богатыря Сае, и зовут меня Томака, – ответила девушка.

ТОР – ДУХ ГОР

В конце августа 1948 года мы ходили на оленью охоту. В ту пору в верховьях наших гор олени водились в изобилии. Там много тундры (верховских болот), рядом горные луга, прекрасные пастбища для парнокопытных.

Вначале мы охотились на оленей на горе недалеко от речки Малая Студеная, впадающей в реку Чексу – приток реки Усы. Охота была удачная, но мы решили перебраться на гору близ речки Большая Студеная. Высоко в горах, на перевале между двух этих речек, мы заночевали.

Шорские охотники кости ног животных не рубили, отделяли одну часть от другой по суставам, целыми частями. Сваренные части ног рубили топором, вынимали из костей костный мозг и ели как особое лакомство. Костный мозг действительно вкусен. Есть костный мозг – занятие приятное.

Мы увлеклись этой едой, да и разговоры были интересные. Люди были веселые, говорливые и бывалые. Мы не заметили, как просидели до глубокой ночи и как упал густой туман. Наступила черная ночь. Ничего не видели, кроме костра и самих себя. Заметил необычное во мраке дядя Афанасий. Это он сказал: «Смотрите, что это?»

Мы повернули головы в ту сторону, куда он указал. Ниже нас по воздуху летело черное тело, освещаемое с хвоста. Тело было продолговатое, напоминающее шорские долбленые лодки, но с тупым

носом, без крыльев. Оно летело прямо, ровно, величаво, на одной высоте: не поднималось, не опускалось, ни влево, ни вправо не шарахалось, двигалось быстро, без звука и шума, улетело на восток.

Мы наблюдали за этим загадочным телом, затаив дыхание. Никто из нас не заметил, откуда оно появилось: из-под земли или с неба спустилось. Нас было много, и все были взрослыми, поэтому мы не боялись. Когда это тело ушло далеко за горы, дядя Феофан сказал: «Это пролетел Тор – дух гор. Половина из тех, кто здесь ночует, умрет».

Нынче идет 1977 год. Прошло много времени... Из той артели шорских охотников осталось нас двое: я и дядя Афанасий. Те охотники были не старыми. Все умерли.

В наших горах Тора видели и раньше. В селе Кельчезас его видел дядя Михаил, недолго он жил. Говорят, Сидор Иванович Майтаков тоже видел. Он жил в селе Сыркаши, но жил долго. О том, что Тора видел, Чудояков Леонид Романович рассказывал сам. Он видел Тора в горах, расположенных в бассейне реки Бельсу. По его словам, Тор выглядел точно так, как видели мы.

ЛЕГЕНДЫ О ТАГ-ЭЭЗИ

1.

В верховьях речки Чексу есть Чалалыҕ. Так называется это место. Однажды в августе Сидор Иванович Майтаков туда ходил на промысел.

В горах он подражал голосу марала специальным манком пырҕы (труба). Так вот, с помощью пырҕы он издал звук, напоминающий голос самца марала, и сразу же услышал ответный звук. Тогда он повторил. Голос ответил второй раз. На этот раз

ответный голос ему показался непохожим на голос марала. Сидор Иванович еще раз повторил в пырҕы звук марала. Тут же он услышал ответный голос. Вскоре на вершине горы зашевелился куст малины, и показалось странное существо, похожее на шорскую долбленную лодку.

Существо двигалось в его сторону. Сидор Иванович залез под старый большой валежник и, притаившись, стал наблюдать за движением странного существа. Оно шло без остановки, прошло по тому валежнику, под которым он спрятался. Когда оно ушло далеко, Сидор Иванович вышел из своего укрытия, пошел посмотреть на след чудовища. Следа от ног чудовища не было. Там, где оно прошло, трава, зеленая и сочная, сгорела, верхняя часть кедрового валежника сломалась.

Это прошел ээзи – хозяин той горы, где Сидор Иванович охотился за маралами. Поэтому шорские охотники совершали обряд задабривания хозяина горы – шачыҕ.

2.

Очень давно жили они на горе. Детей было трое. Отец охотился. Однажды ночью кто-то ходил по дому, громко топал. Слышали, как на кухне он сбросил крышку с кадки с водой. Потом послышался звук, как будто рассыпали горох по полу. Зажгли лампу, осмотрели дом, никого не было. Когда свет потушили, снова послышались громкие шаги по комнатам. Тогда старший брат взял бич и хлестал им по углам дома, потом повесил этот бич на ручку двери. Была такая примета: хозяйка горы не может войти в тот дом, где на двери висит бич. Утром бич исчез.

Хозяйка горы появилась в том доме, где в скором времени ожидалась свадьба. Люди видели хозяйку: утром во дворе остались следы. Но сама она была как тень.

Потом говорили, что ээзи (хозяйка) вышла замуж за черного человека. Он был очень богат. Если бы он женился на обыкновенной девушке, хозяйка горы задушила бы его. У нее была сестра. Во время революции хозяйку и ее сестру убили люди.

3.

Охотясь, я увидел: среди густого хвойного леса россыпи камня упали. Между тех россыпей снег растаял, и получилось будто дымовое отверстие. Из того углубления дым выходит. Туда дойдя, каиком (лыжной палкой-лопаточкой) снег черпнув, туда насыпал.

Насыпав, ушел. Когда шел, сзади за мной человек кричит. «Если шапку твою не дашь, то хоть рукавицы дай!» – говорит. Я ничего не дал, ушел. Идя, я оглянулся: из давешнего углубления человек руку высунул. Он трижды просил: «Если шапку твою не дашь, рукавицы дай!» – говоря. Я ни шапки, ни рукавиц не дал – ушел.

После, когда с промысла пришел, заболел. Шаман заставил камлать. Тот шаман мою душу из далекой тайги принес. Оказывается, этой горы хозяин мою душу унес. Если бы я в то время мою шапку или рукавицы отдал, я бы там же умер. Шаман сказал: в то время из Абаканской тайги один хозяин горы пришел с другим рассчитаться. Когда они вдвоем, рассчитываясь, сидели, я снегу туда бро-

сил. Ком снега хозяину горы с Абакана прямо в глаз попал. После этого он стал просить у меня вещи.

СЛУЧАЙ, КОТОРЫЙ ПРОИЗОШЕЛ С НИМ

Жила здесь женщина по имени Аюк. Она поспорила с хозяйкой горы. Она поставила условия перед хозяйкой горы: во-первых, из песка свить бич; во-вторых, из речки принести воды в сите; в-третьих, из медных пятак сделать кольца.

Это должна была сделать хозяйка горы. Если хозяйка выполнит эти условия, то заберет душу женщины.

Хозяйка горы не смогла выполнить первые два условия. Она выполнила только третье.

Не сумев выполнить все условия, хозяйка ушла обратно в гору.

А выполняя эти условия, она приходила в дом той женщины. Иногда она ходила по комнате, и люди слышали скрип хромовых сапог.

Когда все узнали, что в доме какой-то дух ходит, молодые парни решили убедиться в этом и пошли в дом. Пришли они вечером, зажгли лампу керосиновую и сели играть в карты. Играли долго. Вдруг двадцатикопеечная монета, лежавшая на столе, падает на пол. Один нагнулся, поднял. А другой, Алексей, стал смеяться, не веря, что дух здесь есть.

В это время вдруг летит кинжал, и если бы Алексей не убрал голову, кинжал попал бы ему в затылок. Кинжал подняли и положили в сторону. Алексей опять засмеялся. Как только он засмеялся, кто-то ударил его по голове скалкой, но он опять ухмыльнулся. Скалкой ударили второй раз и третий. Тогда он вскочил и лег спать, а парни пошли домой.

Так все поверили, что в доме этой женщины и впрямь была хозяйка горы.

КАЙ-ЭЭЗИ

По словам кайчи Н.Д. Тортобаева, он стал исполнять эпические песни «по назначению хозяина – Кай-ээзи». Еще в 30-х годах ему приснился сон. Во сне приехал человек на белом коне и попросил его следовать за ним. Тортобаев собрался и поехал вместе с ним, сев сзади на круп коня. Незнакомец привез его к хозяину кая – Кай-ээзи. Кай-ээзи оказался седым, белым старцем, но крепким и сильным на вид.

Он говорил громко, чувствовалась могучая сила в его голосе. В помещении, где восседал Кай-ээзи, было просторно. На стенах висели комусы всех известных кайчи Шории. Кай-ээзи, сказав, что Н.Д. Тортобаеву предстоит стать кайчи, попросил его спеть. Н.Д. Тортобаев попытался спеть, но у него не очень получилось. Голос хрипел. Тогда Кай-ээзи вставил в его горло медные струны. После этого он спел ровным, сильным, приятным на слух голосом. Потом Кай-ээзи научил его играть на комусе, назвал мелодии кая. На прощание Кай-ээзи сказал: «Другие мелодии изучи сам, сказки о богатырях не сокращай. Если будешь половинить (останавливаться на половине), то мы будем укорачивать твою жизнь. Теперь хрипа не будет в твоём голосе». И отпустил домой.

СУҢ-ЭЭЗИ

В конце апреля СуҢ-ээзи поднимается по реке Пызассу снизу вверх, к вершине, идет по середине реки, проламывая и круша лед на небольшие куски. Так добирается до самой вершины, потом спускается вниз, ломая и дробя лед. Тогда-то и начинается тыҕын (ледоход).

СуҢ-ээзи плывет посередине Пызасса на широкой льдине, расчесывает свои длинные, рыжие, белые волосы, отливающие снежным серебром. Плышет красивая, прекрасная СуҢ-ээзи.

СуҢ-ээзи может превратиться в черного быка, растолкать застрявший лед и исчезнуть в темной глубине воды. Большой лед бык толкнуть не может... Появляется со сломанным одним рогом.

Она ломает лед и плывет вниз дальше...

ВЕСЕННИЙ ОБРЯД ШАЧЫҢ

1.

Шачыҥ совершали мой дед и мой отец. Я тоже могу. Это умение передается из поколения в поколение по роду.

Мой отец кропить выходил весной, обязательно перед ледоходом, когда Мрассу покроется синим льдом и в ней поднимется вода, когда вот-вот вскроется река, на проталинах появится зеленая трава и придет время выгонять скот на летние пастбища. В это время года он выбирал день шачыҥа. По каким признакам, я не знаю.

Утром он вставал, выходил на улицу, встречался с кем-нибудь и говорил ему: «Пришло время шачыҥа, собирайтесь на берегу реки».

Люди передавали это друг другу и приходили на берег реки. Каждый приносил какой-нибудь напиток – или абыртку (напиток из талкана), или сыру (брагу), или араку (водку) в туесках. Туески ставили полукругом.

Первым на берег реки приходил мой отец с туеском абыртки, деревянной чашей и деревянной ложкой. В чашу наливал абыртку, брал ее правой рукой, левой рукой – ложку. Собравшиеся люди

становились кругом. Отец ходил по кругу, называя горы по именам. Начиная с Авығана. Он говорил:

Авыған, Авыған,
Имя твое – Авыған!
Шоғ, шоғ, шоғ!

Концы веток распахнулись.

Концы вербы раскрылись.

Резким движением левой руки он опрокидывал ложку от себя. Так повторял три раза.

Потом он называл гору Кыйрас.

Кыйрас, Кыйрас,
Имя твое – Кыйрас!
Шоғ, шоғ, шоғ!

Концы веток распахнулись.

Концы вербы раскрылись.

Также три раза кропил землю абырткой. Третьей отец называл гору Оғудум.

Имеющий четыре угла

Оғудум, Оғудум,

Имя твое – Оғудум!

Концы веток распахнулись.

Концы вербы раскрылись.

С белыми россыпями камней Оғудум.

Четвертой отец называл Каратағ.

Каратағ, Каратағ,

Имя твое – Каратағ!

Шоғ, шоғ, шоғ!

С черным лесом Каратағ,

Имеющий зверей и птиц Каратағ.

Концы веток распахнулись,

Концы вербы раскрылись.

После этого отец называл имена ближних гор.

С тремя вершинами

Мөзүк тегей!

Шоғ, шоғ, шоғ!

Он обращался к рекам:

Большая ты река,

Мрассу!

Шоғ, шоғ, шоғ!

Потом он говорил:

Эне-тағ,

Эне-тағ,

Эне-тағ!

Шоғ, шоғ, шоғ!

Дальше отец обращался ко всем горам и рекам, не называя их имен.

Большим рекам –

Большой шоғ!

Малым рекам —

Малый шоғ!

Этим завершалось кропление гор и рек, но не шачығ. Шачығ продолжался. Все, что оставалось от кропления, – абыртка, сыра, арака – раздавалось присутствующим. Раньше отец заполнял тем или иным напитком деревянную чашу, по очереди подносил каждому. Очередной брал чашу, выпивал глоток, возвращал чашу отцу, отец брал ее, подносил другому. Так он обходил всех. Повторял это до тех пор, пока не будет выпито все, что было принесено. Позже каждый приносил с собой свою кружку, подставлял, а отец наливал в нее напиток. Каждый, выпивая абыртку или сыру, говорил: «Пью то, что осталось от шачыға». Многие к этому добавляли: «Горы и реки пусть по-хорошему отнесутся к нам!»

Обряд шачығ выполняли для того, чтобы скот, перезимовавший в скотных дворах, набрал силу на летних пастбищах, со всем приплодом благополучно провел лето на воле. Чтобы животные не потерялись в горах, не утонули в водах рек. Хозяева гор и

рек оберегали скот от разных нечистых, злых сил. Так я слышала.

2.

Весной, после посева, население трех поселков собирается в одном месте, на горе, и совершает обряд шачыг во главе с шаманом. Приносят большой туес, ставят. Все пришедшие приносят в своих туесках абыртку и все сливают в один туес. Из этого туеса шаман ложкой разбрызгивает питье и обращается к горам:

Пусть уродится хороший урожай.

Пусть звери не терзают скот.

Пусть посева градом не побьет.

После этого каждому из общей кружки разливают жидкость по туесочкам и все пьют.

ШАМАН И ЧЕРТИ

Камма айналар

Шаман по-шорски называется кам. Приходят к одному каму черти, просят его дать им работу. Чтобы потом разрешил им убить человека.

Добрый кам не хочет, чтобы черти убивали людей. Не отдает их души. А черти пристают, просят работу.

Кам говорит чертям:

– Берите сито и им наносите воды.

Ситом как натаскаешь воду?! Черти не могут выполнить задание.

У чертей умные тоже бывают. Умные на сито насыпали глину, закрыли сито глиной. Глина воду не пропускает. Так черти натаскали воды, сколько надо.

Опять они просят работу. Кам ищет самую толстую сосну и говорит:

– Вот сосна, свалите ее, берите за вершину, вместе с ветками затащите на вершину горы.

– О-о! Это тяжелая работа, – говорят они.

Но волокут, тащат, говоря:

– Работа тяжелая.

Мучаются, однако тащат, затаскивают на вершину горы.

Опять просят работу. Им нужна человеческая душа.

– Свейте из песка веревку, – предлагает шаман.

Черти пытаются свить веревку из песка. Но не могут. Сердятся. Долго возятся. Черти приходят к каму.

– Ты даешь нам невыполнимую работу, человека давай, есть нам надо, – говорят черти.

Черти пристают к каму, не отстают от кама, требуют человека. Деваться некуда. Все перепробовал кам. Он уступает им.

Кам ищет худого человека, находит такого в отдаленном селении.

– Вот человек, ешьте его, – говорит кам.

Тот человек тут же заболевает. Если кам окажется сильным, то он вылечивает больного, а если нет, то тот человек умирает.

КӨСПЕКЧИ

На промысле было шесть человек, шесть собак. Из шести собак одна не брала след горных зверей. Она была желтого цвета. Хозяин выгнал ее из шалаша и перестал кормить.

Желтая собака ушла за шалаш, живет на морозе, без еды. Мерзнет. Однажды ночью кӧспекчи (ясновидец) слышит разговор желтой собаки с черной

собакой. Черная собака находилась внутри шалаша, а желтая — за шалашом. Черная собака разговаривает с желтой.

Желтая собака говорит черной: «Я умираю с голоду, скоро замерзну. Я могу брать след только выдры, которая живет и на суше, и в воде, след других зверей я не беру. За это я наказана, лишена пищи и тепла, обречена на гибель».

Кӧспекчи, услышав этот разговор, стал кормить желтую собаку, которая сильно похудела. Кӧспекчи кормил желтую собаку, пока она не окрепла. Когда она набрала силу с хорошим кормом, тогда кӧспекчи сказал своим товарищам: «Нам надо сменить место промысла».

Охотники, собрав свои вещи, приготовились идти на новое место. В это время кӧспекчи говорит: «Желтая собака, ты иди вперед! Все мы пойдем за ней». Собака пошла на гору. Она перевалила водораздел, а охотники отстали от нее. Когда они поднялись на вершину горы, то увидели, что внизу, у подножья горы, была широкая полынья большого озера, виднелась черная вода, были видны там и следы выдры. Желтая собака бегала и ловила зверей. Когда охотники спустились вниз, они увидели на льду много выдр, пойманных желтой собакой, а собака все продолжала ловить животных, была вся поглощена охотой — трудилась.

КӖР

1.

В одном аале (селе) человек провинился. Чтобы избежать наказания, он убежал. За ним гнались. Ему некуда было деваться. Он добежал до одной речки. Тут его почти догнали. Чуть ниже этого места речка

уходила под гору. Он нырнул в воду и поплыл под гору. Так он оказался в Подгорном мире.

Под горой был голубой мир. Там стоял аймак (селение). Наш беженец зашел в один дом, в доме он увидел три платка. Он взял один платок, подложил под себя, лег полежать. Но лежал недолго, в дом зашли три девушки. Одна из них стала жаловаться на головную боль. Чем сильнее этот человек давит и мнет платок, тем сильнее жалуется на сильную головную боль одна из трех девушек. Она заболела, слегла. Скоро наш беглец заметил, что он им не виден.

Вначале к больной привели кама, у которого было три бубна. Этот шаман не смог справиться со злым духом. Потом они позвали шамана, у которого было шесть бубнов. Он тоже не смог справиться с ним. Тогда привели шамана, у которого было девять бубнов. Шаман с девятью бубнами стал ругать сестер, гневаться, говоря:

«Ваш брат в светлом мире творит много зла, выйдя отсюда. Там, на земле, он слишком много людей поразил болезнью кӖр. Много людей болеют там кӖрю».

Кам шаманил долго, потом, шаманя, резко вырвал платок из-под человека, а самого человека положил на деревянные носилки, вытащил на светлый мир, бросил на болото недалеко от села, где жил тот до своего бегства. Наш беглец, придя в аал, узнал, что в селении много людей болеет болезнью кӖр. В голубом мире наш беглец слышал, что брат трех сестер в светлом мире ходит в шкуре жабы.

В аале наш беглец узнал дом, где лежит больной кӖрю. Ночью он незаметно подошел к этому дому

и встал около дверей, стал поджидать жабу. Когда жаба стала заходить в дом, он ударил ее топором. Жаба сказала: «Больше я не приду в это село». И вскоре исчезла.

После этого тут уже никогда никто корью не болел.

Жители аала собрались вместе и простили нашего беглеца. Они разрешили ему вернуться к своей семье и жить с ней. Так говорили старики.

2.

Шла по Шории страшная оспа. Но был такой хитрый шаман, который сумел утратить ее, приковав к скале трех змей. Тем остановил болезнь и избавил от бедствия шорский народ.

Сейчас среди шорцев не встречается оспенных совершенно. Скала же та находится на правом берегу реки Мрассу между Зимовьем и Крестовкой.

3.

Гора Туралыг находится в десяти верстах ниже Мрасского порога Убу на правом берегу реки Мрассу. Однажды оспа направилась к черневым инородцам вверх по Мрассу. Туралыг начал бросать в нее камнями. Оспа превратилась в двух змей, которые попытались проползти мимо Туралыга. Но он не поддавался обману, пригвоздил змей к утесу, где они и до сих пор проступают на желтоватом камне в виде двух черных извилистых полос.

КАМ КОРГУШ

В верховьях речки Танмалыг жил кам-шаман Коргуш. Его называли так потому, что он любил жарить ячмень на костре в коргуше (жаровне).

А в устье речки Мондумаш (Мундыбаш) жили два шамана. Эти два шамана делали туес не из бересты, а из полый колодины лесины, чтобы в нем готовить абыртку. Когда туес был готов, два шамана не смогли поднять его. Тогда они послали зятя одного из них к Коргушу, чтобы он помог им перенести сосуд из леса домой. Зять пришел к Коргушу, передал просьбу двух шаманов. Коргуш сказал: «Э-э, я видел, как в двух местах облака поднимались и опускались. Приду. Ты возвращайся домой».

Посланник пошел домой, дошел до переправы через речку Толбес (Телбес). Когда наклонился, чтобы воды напиться, он услышал шум. Потом он увидел Коргуша, который летел на бубне по небу.

Коргуш прибыл к двум шаманам. Шаманы спросили его:

– Где наш зять?

– На переправе через Толбес пьет воду. Там я видел его.

Коргуш стал шаманить. Шаманил вторые сутки. В это время киргизский каан (хан) пришел к ним с войной. Люди попрятались. Воины киргизского каана ударили Коргуша два раза нагайкой. Потом они ушли, сказав: «Это сумасшедший».

Когда войско удалилось, услышала одна женщина удары по бубну. Она пришла к шаману. Коргуш не мог разжать свои пальцы. Она помогла ему.

Коргуш, отложив в сторону бубен, спросил женщину:

– Где народ?

– Спрятался. Приходило войско киргизского каана.

– Почему моя спина мокрая? – спросил Коргуш.

– По твоей спине воины ударили два раза нагайкой, течет твоя кровь.

– Зови народ, – попросил Коргуш женщину.

Собрались люди. Коргуш, обращаясь к одному из пришедших, попросил:

– Насыпь в мой бубен золу. – Просьба его была исполнена. Тогда Коргуш начал шаманить второй раз. Шаманя, Коргуш послал своих тӱстеров (духов-помощников) вдогонку киргизскому войску. Его тӱстеры догнали войско киргизского каана напротив села Кузедеева. Тӱстеры стали душить по одному воину, оставили только троих, чтобы они принесли недобрую весть к себе домой.

ЧОНЧУЛ

Старик Чончул жил в Верхнем Корае (селение в районе современного Междуреченска, подножье горы Кыр-тегей). Там к нему приходил заяц, потом прикатилось кольцо, после этого пришла девушка, просила: «Возьми меня. Я являюсь младшей дочерью Тегри-тижи (Верхнего Зуба). Если ты не возьмешь меня, то ты будешь бить в бубен». Так говорила она.

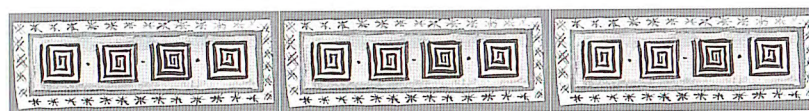
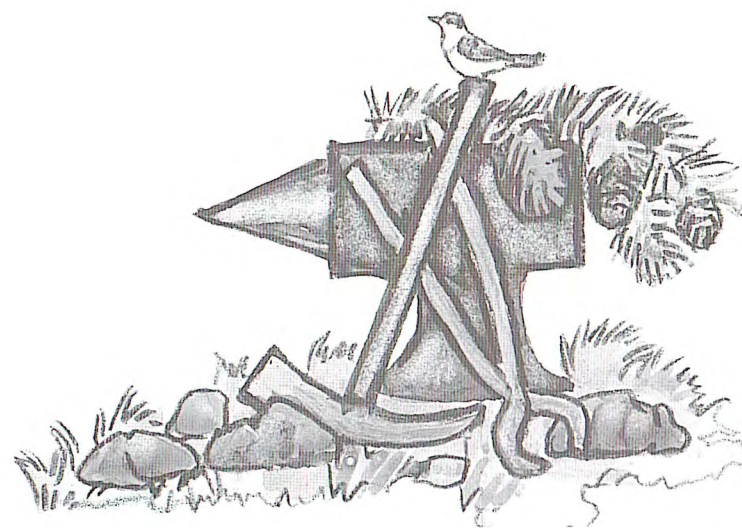
После этого случая Чончул переселился в Корай. Был шаманом. На Тегри-тижи на промысел Чончул не ходил. «Тегри-тижи возьмет меня к себе», – говорил он.

Чончула сотворил Тегри-тижи. Тегри-тижи – гора-каан, богатырь.

Чаран был сыном Чончула. Тоже шаманом.

САЕД АЛЫП КӱЛӱКА

О КУЗНЕЦЕ

На левом берегу реки Кондомы есть утес Аккая (Белая скала). Недалеко от этого утеса жил богатырь. Он добывал руду, а раскаленное железо ковал голыми руками. Вместо щипцов употреблял пальцы, вместо молота – свой кулак.

ПОДВИГИ ОЛЬГУДЕКА

Патно гаязы

Утес Патно гаязы – при реке Кондоме, недалеко от устья реки Корлы. Утес этот замечателен тем, что был зимнею стоянкою богатыря Ольгудека. Было время, когда аладагцы – черневые татары Кузнецкого округа – дани никому не платили. Но вот напали на них ойроты, завоевали их и обложили ясаком. Один только аладагский богатырь Ольгудек не подчинился ойротам, стараясь всячески избегать их. Жительство богатыря было близ Спасского золотого промысла, а именно: летом при реке Кылдаше, а зимою на утесе Патно гаязы. Ойроты долго искали Ольгудека. Безуспешно. Наконец застали его на рыбалке у реки Кондомы. Ольгудек, увидев ойротов, бежал от них на гору Карабур и скрылся в пещере неприступного утеса. Ойротский богатырь, одетый в кольчугу, выстрелил в Ольгудека, но стрела не долетела до него. И Ольгудек со своей стороны не дремал: он выстрелил в ойрота, прострелив его насквозь так, что стрела воткнулась в камень.

Ойроты подхватили убитого своего богатыря, привязали в торока и увезли домой. Потом для поимки Ольгудека приехали с большими силами, взяли его в плен, руки и ноги связали сыромятными ремнями и повезли в свою сторону.

На середине их пути стоит камень величиною

с корову, похожий на нее и видом. Не доезжая до этого камня трех верст, ойроты предложили Ольгудеку состязаться с ними в стрельбе, прицеливаясь в камень-корову. Сначала стреляли ойроты, но их стрелы не долетали до камня.

Ольгудек попросил развязать его, пустил стрелу, разбил камень надвое и вонзил стрелу в середину большой березы, которая стояла за камнем.

Прибывшие в ойротскую землю с Ольгудеком объявили народу о силе и ловкости своего пленника. Ойроты, желая убедиться в справедливости рассказанного единоплеменниками, предложили Ольгудеку пустить стрелу в теленка на расстоянии 10 верст с тем условием, что если стрела угодит в лоб теленку, тогда отпустят его, богатыря, домой. Ольгудек попросил ойротов развязать ему руки. Желание его исполнили. Ольгудек стреляет раз, но стрела не долетела до теленка 5-ти сажений, стреляет он второй раз – стрела пролетела мимо теленка, упав в 5-ти сажнях далее его. Тогда Ольгудек просит дозволить ему попробовать своего счастья в третий раз, но с тем, чтобы развязали ему и ноги. Получив на это согласие, он отставил от себя ногу на аршин, прицелился и хватил теленка прямо в лоб и навывлет в задний проход. За этот подвиг ойроты через три года (так как он стрелял три раза) отпустили Ольгудека в сопровождении войска в триста человек. Немного не доехав до места своей родины, Ольгудек захворал и помер. Брат его Олак, услышав о смерти Ольгудека, настоял на том, чтобы вместо умершего брата взять кого-либо из проводящих ойротов и женить его на вдове Ольгудека. От этого ойрота и вдовы богатыря произошло поколение паштыка (волостного старшины) Шорской волости Эбиски, впоследствии крестника моего Ильи

Васильевича Токмашева, который кочевки свои близ Спасского золотого промысла считал наследственными в своем роде и очень обижался на мастеровых, слугителей этого промысла, стеснявших его в покосах, как бы игнорируя его богатырское происхождение. Илья Васильевич, кроме своего происхождения, замечателен был и тем, что служил несменным паштыком около 30 лет и носил поверх новой ситцевой рубахи большую золотую медаль на анненской ленте, жалованную императором Павлом деду его Токмашу, тоже бывшему паштыком или князем, как сказано в ордере, Шорской волости. По другому сказанию, Ольгудек женился в плену на ойротке, имел от нее сына и, убаюкивая его, часто распевал самую печальную песню о своей милой родине. Ойроты сжалились над ним и отпустили его домой с женою, сыном и провожатыми. Но он не достиг родины, умер в дороге. Жена его вышла замуж за одного из провожатых, от которого и произошли многие шорцы.

ЧЕЛОВЕК-МЕДВЕДЬ

Апшак палазы

Под осень одна женщина поднялась на гору. Зашла в лес. Прошла по лесу и увидела медведя рядом с собой. Медведь бережно обнял ее и понес, не причиняя ей вреда. Принес в пещеру.

В пещере медведь и эта женщина прожили всю зиму. Потом она родила мальчика. Выше пояса он был человеком, ниже пояса — медведем.

Он вырос, стал говорить человеческим языком. Когда возмужал, он сказал своей матери: «Я ухожу, чтобы ходить вместе с медведями».

Он ушел. Больше не вернулся.

РАССКАЗ О КАШКАЧАКАХ

Жили кашкачаки где-то рядом с шорцами. Видимо, в лесу. Они воровали детей и ели их. Однажды к одной женщине пришел кашкачак. С крыльца в открытую дверь он сказал:

— Дай мальчика сюда, старший брат просит.

Женщина поверила голосу и отдала своего сына. Она подумала, что это был кто-то из семьи ее старшего брата.

Вечером с работы вернулся домой ее муж. Он спросил, где его сын. Жена ответила: у старшего брата. Пошли к нему. Мальчика не было у брата. Муж женщины догадался, что его сын попал в руки кашкачаков. Он стал ругать жену.

Жена побежала к кашкачакам в лес. Бежала долго. Когда совсем стемнело, она добежала до кашкачаков.

Тихонько, незаметно она приблизилась к ним и стала разглядывать. Кашкачаки варили в котле какого-то мальчика. Один кашкачак сказал:

— Уту, глаза вылезли.

— Менең кыйал полвазын, — сказал другой. — Не от меня беда исходит. Я невиновен.

— Я не делаю беды, — сказал третий.

А про сына этой женщины они забыли. Но он был среди них, играл рядом.

Женщина простояла в сторонке до тех пор, пока кашкачаки не заснули. Когда все кашкачаки уснули, женщина показала грудь своему сыну и тихонько позвала его к себе. Он подошел. Мать схватила сына и во всю мочь побежала домой.

Кашкачаки заметили ее и побежали вдогонку. Гнались долго. Когда они были совсем близко, женщина с сыном залезла под валежник. Кашкачаки подбежали к валежнику и стали тыкать ножом

под него. И все мимо. Но раз задели ее. Она их нож успела вытереть подолом своего платья. Кашкачаки сожалели, что упустили жертву. Они говорили:

– Ушла, не догнали, жаль.

Кашкачаки походили около валежника и пошли восвояси.

Женщина выбралась из-под валежника и побежала домой. Дома она рассказала все, что она видела, и как за нею гнались кашкачаки. Утром собрался народ и пошел на кашкачаков войной. Истребили кашкачаков.

АС ПАЙА-ПАЙА

В одном селении жили муж с женой. У них был мальчишка. Сыну часто они говорили:

– От дома далеко не уходи, не ходи в лес.

Мальчик, не послушав их слов, однажды пошел в лес. Смотрит: под деревом человек сидит. Это был мужчина. Он позвал мальчика:

– Иди, иди, мой сынок, человеческое мясо я не ем, козлиное мясо ем.

Тогда мальчик пригляделся: у этого человека глаза были красные. Почему у него такие глаза, он не знал. Мальчик подошел к нему.

Этот человек, быстро вскочив, схватил мальчика и побежал. Из рук взрослого человека разве вырвешься? По такому лесу они шли, что солнца не было видно.

Смотрит мальчик: лужайка светится, в конце ее, на берегу речушки, юрта дымит. Мужчина мальчика туда ввел.

Внутри юрта такая же, как у них: кругом широкие нары, слева от двери шаал (очаг). Приставленные к нему дрова горят с треском. Вокруг огня дети. Рядом с ними женщина что-то делает. Испуганный

мальчик не рассмотрел, что она делает.

Мужчина поставил мальчика на переднюю скамейку. Тот посмотрел вниз: перед ним в землю были воткнуты колышки. Концы их были очень-очень острыми. А в шаале на кольях жарились такие же мальчишки, как он, и уже шипели. Тут мальчик понял: это – кашкачаки. У всех глаза красные. Ему сильно страшно стало.

А мужчина, подойдя к мальчику, кричит:

– Прыгай, прыгай, мальчик!

Если он прыгнет, то на колья наткнется. Он не стал прыгать. Кашкачак опять кричит то же самое. Мальчик стоит не шевелясь.

Долго стоял. Тот мужчина, не сумев заставить его прыгнуть, подойдя к шаалу, стал отрезать ножом человеческое мясо и есть. Глядя на него, и другие стали есть. В это время дверь тихонько приоткрылась. Те не заметили. Откуда это им заметить – так они были поглощены едой.

Мальчик увидел: дверь приоткрыла его мать. Сама в юрту не входит. Мальчик, побежав по нарам, прыгнул к двери. Тут мать схватила его и побежала. Кашкачак, опомнившись, побежал за ними. Началась погоня.

Мать мальчика уставать стала: на руках у нее ребенок, а кашкачак налегке бежит и уже догоняет. Когда стало совсем не вмоготу, женщина залезла под большой черный камень и там спряталась.

Кашкачак, подойдя, сел на этот черный камень, горюет:

– Ас пайа-пайа!..

Он сидел долго, потом ушел. Оказывается, дальше этого камня нельзя было преследовать.

Вот так и спас этот камень мать с ребенком.

НЕВЕСТКА-ЛЮДОЕДКА

В одно село стали часто наведываться кашкачки, и время от времени там пропадали дети.

Что делать? Без ловли не обойтись, надо кашкачков ловить. За селом, на дороге, где они ходят, выкопали яму. Эту яму, покрыв сеном, обсыпали поверху землей для обмана: человек только ступит – провалится. Сделали все так, чтобы ночному человеку незаметно было. А кашкачки ходили ночью.

Утром пришли посмотреть – полная яма кашкачков. Стали их вытаскивать и убивать. Среди кашкачков оказалась одна девушка, очень красивая. Один парень, увидев эту девушку, влюбился в нее. Он не дает ее убивать, говорит: женюсь на ней.

Люди, посоветовавшись, эту девушку отдали ему.

Тот парень с девушкой-кашкачкой, построив отдельный дом, стал жить.

Родители парня все лучше относились к невестке. Хороший она человек: и повадки, и речь хорошие, и работать горазда. Ну, что ж, пусть живут. Хоть и кашкачка, не все ли равно? Лишь бы жизнь ладилась.

И вдруг замечают, что их невестка слабеть стала: похудела, одни глаза остались. Что с ней? Не могут понять. Еда есть у них, муж хорошо зарабатывает, поведение у него примерное, сильно жену любит, лишнего слова не скажет.

Через некоторое время снова удивляются: невестка повеселела, пополнела, лицо порозовело, румянится, совсем хорошо стала выглядеть.

Что это? А сын на глаза не стал показываться. Куда он девался, почему не показывается родителям?

У стариков сердца остыли. Так просто не бывает. Пошли к их дому. Спросили у невестки, где их сын, она не ответила. В этот момент бросилась им в глаза человеческая кровь на кровати. Когда подняли

подушку – под ней лежит голова их сына. Туловища нет. Кашкачка отрубила ему голову, а туловище съела. Оттого она и полнеть стала. До этого же, пока не ела человеческого мяса, только худела.

Что поделаешь, человек, рожденный человеком, с диким зверем разве когда-нибудь жил вместе?

Как не убить кашкачку? Убили ее.

КРАСАВИЦА КАРАГАЙ

Теперь уже немногие помнят, что на вершине Кыр-тегей (вершина без леса) Сыркашинской горы росла красавица сосна. Какой ветер занес ее в наши кедровые и пихтовые края – никто не знает. Только старики вот что рассказывают.

«Давным-давно в тайге поселился лесной народ – шорцы. Занимались они охотой, рыбной ловлей и не знали, что такое голод и болезни.

Только болотистую долину, что отделяла холодную Усу от полноводной Томи, редко согревали огни охотничьих костров.

Однажды злой ураган прошел над тайгой, наломал бурелома, разогнал зверей, вывел речки из берегов. Горе пришло в шорские улусы. По неделям бродили охотники по тайге, и редко-редко удавалось подстрелить дичь. Хариус косяками ходил в прозрачных водах Усы, но никакими снастями взять его было нельзя. И уговорили тогда шорцы всех шаманов сходить к Шаман-горе.

Долго сердито туманилась ее вершина, потом спустился древний шаман и сказал: «Там, за Караташем, у Хозяина тайги родилась дочь Карагай. И в честь ее рождения выпустил Хозяин злой ураган. Это ей в приданое готовит он всех таежных зверей и всех речных рыб. Найдется ли у вас богатырь, достойный руки дочери Хозяина тайги? Только он сможет вернуть вам счастье».

Густой туман спустился с вершины, и старик исчез, а шаманы разошлись по улусам, разнося печальную весть. Слышали они только об одном таком богатыре, но не знали, где его найти.

Охотники пустились в поиски, исходили всю тайгу. Много времени прошло. Уже осина потеряла лист, бурундук давно кладовые забил, и медведь приготовился к спячке, когда охотник в долине Томи набрел на одного человека. Мало чем он отличался от остальных охотников, только умел из горного камня добывать огонь.

Обрадовался охотник, сразу узнал богатыря Черного Камня. Молча выслушал богатырь печальный рассказ охотника, потом разложил огромный костер из черного камня, и когда языки пламени достигли высокой пихты, из костра, громко заржав, выскочил огненный конь, волоча по земле огненную сбрую.

— Пусть ждет народ, привезу я ему счастье! — сказал богатырь Черный Камень, и конь его поскакал в сторону Караташа.

Прошли месяцы, прошли годы. Поросли густым кедром вершины гор, умножился род охотников, а зверь все еще редкость в тайге, и рыба все еще не идет в сети, и нет вестей от Черного Камня. Много перелетных птиц пролетело через Караташ, но ни одна из них охотникам не могла сказать ничего о богатыре.

Однажды, когда сильный мороз сковал реки и глубокие снега упали в тайге, рано утром разбудил охотников страшный гром, и вслед за тем яркое солнце вспыхнуло между деревьев. Оно становилось все больше и больше, пока не превратилось в коня богатыря Черного Камня.

Сам богатырь сидел в золотом седле и держал в руках невиданную в здешних краях птицу:

— Вот она, Карагай, — сказал богатырь.

Охотники рассердились на него за обман. Зачем им птица, если она все равно не вернет зверей? Засмеялся богатырь, слез с коня и говорит:

— Много лет прожил я в гостях у Хозяина тайги, ожидая, когда подрастет его дочь. С великими почестями принимал меня Хозяин, но зорко следил, чтобы не встретились мы с Карагай. Но вот подросла она, я рассказал ей, как ее отец обидел таежный народ, и решили мы бежать к вам. А чтобы сторожа не узнали, обернулась она птицей. Вот, смотрите, — бросил богатырь птицу на землю, и превратилась она в красавицу-девушку.

Целый месяц длилась свадьба. Все охотники пришли поздравить молодых. Радость и веселье вернулись в улусы. Тайга зашумела от множества звериных криков, реки засеребрились от множества рыбы. А в это время приближалась беда. Разгневался Хозяин тайги на сбежавшую дочь и богатыря Черного Камня. Послал он вслед беглецам Пихтовую тайгу, чтобы возвратит и наказат их.

Пируют охотники, славят молодых, но вдруг выскочил из тайги быстрый олень и закричал:

— Берегись, богатырь, тайга идет!

Оглянулся богатырь Черный Камень, а мрачные пихты уже окружили весь улус. Бросился он с невестой бежать на Кыр-тегей. Добежали почти до вершины и остановились. Долго сражался богатырь с пихтами, но стали они его одолевать. Тогда поднялись они с невестой на самую вершину и прокричали охотникам:

— Будьте же всегда счастливы в охоте и в жизни, не забывайте нас!

Опустился богатырь к ногам своей невесты и превратился в большой камень, а Карагай стала

стройной сосной. И отступила удивленная и испуганная тайга, и жестокий Хозяин тайги смирился, когда услышал, что его дочь подарила свою жизнь таежным жителям.

С тех пор прошло много лет. Росла и все шире разбрасывала свои красивые сучья сосна, и внизу, у ее корня, каждое лето расцветали самые красивые таежные цветы, а самой верной клятвой охотников была та, которую они давали, держась рукой за кору сосны. И перед тем, как отправиться на охоту, приходили они посидеть на черном камне около сосны, и охота всегда была удачной. Долгое время поклонялись люди этой сосне. Даже первые маевки проводили возле нее».

МУСТУКАЙ

Кыдай Каан (китайский хан) шел войной на жителей Мрассу.

Мустукай убил предводителя кыдаев выстрелом из лука. Добытое в битве золото и серебро Мустукай спрятал. Жители села Верхний Тоз искали клад Мустукая. Они нашли его лестницу, а пещеру, где он спрятал золото и серебро, не нашли. В пещеру Мустукай заходил по лестнице.

Один житель Верхнего Тоза спрятался на острове под вербой, у скалы Кур-кайа. Там он ждал Мустукая, чтобы узнать, куда пойдет Мустукай, где он спрячет золото. К Кур-кайа Мустукай приехал на коне, остановил коня, слез, связал ноги коню, подлез под него, поднял и пошел на гору. Прошел немного, оглянулся и увидел человека, следившего за ним, вернулся, поймал шпиона, привязал его к дереву, а сам пошел в горную тайгу. Мустукай вернулся и отпустил шпиона.

— Не ходи за мной, — сказал Мустукай.

Так при жизни Мустукая тайна его не раскрылась. Перед каждой поездкой в город Мустукай ездил в пещеру, приносил золото, потом уезжал. Он просил всех, чтобы за ним никто не следил. Люди боялись его. Он обладал богатырской силой.

Мустукай не любил своего родного брата за то, что он родился арженеком (слабаком). Брат сильно уступал Мустукаю в физической силе.

Перед смертью Мустукай стал говорить, обращаясь к жене и сыну:

— Когда-нибудь люди найдут серебро и золото, которое я спрятал. В один угол входа в пещеру я натаскал мох. Там ястреб свил себе гнездо. Если люди увидят его и пойдут туда, куда он летает, то они найдут пещеру. Вокруг пещеры я посадил деревья. Они растут.

Он хотел рассказывать дальше, но в это время к ним зашел брат Мустукая. Увидев его, Мустукай отвернулся к стене и умер. Так он не успел указать на то место, где он спрятал серебро и золото.

После смерти Мустукая женщины Верхнего Тоза ходили по скалам Кур-кайа, рвали озагат.

Одна женщина по имени Маша ушла далеко от своих подруг. Она пришла на то место, где Мустукай растил деревья. Она стала смотреть вокруг, на ветке одного дерева увидела суму, из чащи леса вылетел ястреб. Подойдя ближе, Маша разглядела все получше. Оказывается, на ветке дерева висела не сума, а кожа коровы.

Пещера Мустукая похожа была на колодец. На нем лежала большая широкая плита.

Маша прибежала в село, рассказала все увиденное ею людям. Люди подумали, что это пещера Мустукая, пошли туда. Но Маша потеряла дорогу, пещеру не нашла.

Перед Великой Отечественной войной по реке Мрассу плыл один инженер. Он торопился. Проплывая мимо Кур-кайа, он выстрелил из ружья. Прогремел выстрел, ответило эхо. Звук от выстрела ударился о пещеру Мустукая. Инженер сумел различить ее звук. Эхо было особое, оно шло от стен пещеры Мустукая. Инженер сказал:

— Если бы я не торопился, то после третьего выстрела определил бы точно место, где находится пещера Мустукая. Вернусь — найду.

Но он не вернулся. Началась война.

МУСТАКАЙ

Давно, говорят, это было. С верховьев реки Мрассу, по ее долине, вниз по реке, спускался кыдай-каан (китайский хан) с войском. О нем прошел слух по всем селениям, расположенным в бассейне реки. Люди разбежались, спрятались в горной тайге.

Мустакай поднялся на скалу Кур-кайа. Так называют эту скалу. Он сел на вершине скалы, свесив ноги над пропастью. Там Мустакай ждал кыдай-каана.

Ниже села Верхний Тоз есть луга. Там показались кыдай-каан по имени Ак Көбек. Когда Ак Көбек ехал по этому лугу впереди своего шерига (войска), Мустакай выстрелил в него из лука. На Ак Көбеке была золотая кольчуга. Стрела, пущенная Мустакаем, пробила эту кольчугу, прошла насквозь Ак Көбека. Ак Көбек погиб. Когда он умер, его войско испугалось, подумав, что их ожидает войско местных жителей, повернуло назад, бросив тело убитого предводителя.

На коне Ак Көбека было золотое седло, в суме — золотая чаша, золотые ложки, другие золотые вещи. Мустакай взял все эти золотые вещи и золотую кольчугу Ак Көбека и спрятал в пещере там, где скала Кур-кайа.

После этого события прошло некоторое время. Но Мрассу вниз спустилась жена Ак Көбека. Она встретилась с Мустакаем.

— Человека, за которого я вышла замуж, ты сразил стрелой? — спросила жена Ак Көбека у Мустакайа.

— Я, — ответил Мустакай.

— Тогда за его гибель дай калын (плату).

Мустакай дал ей один табун лошадей вместе с жеребцом. А на этом жеребце Мустакай ездил сам. Только этот жеребец мог выдержать его.

Жена Ак Көбека уехала. Мустакай подумал:

— Жеребца отдал, а на каком коне я буду ездить, другие кони меня не держат, догоню и верну своего жеребца.

Мустакай пошел пешком. Он шел три дня. Через три дня он догнал жену Ак Көбека. Ночью потихоньку Мустакай подкрался к табуну, свистом позвал к себе своего жеребца. Жеребец узнал голос Мустакайа, подошел. Мустакай взвалил на себя жеребца и унес его, чтобы не было слышно стука копыт.

Утром проснулись спутники жены Ак Көбека, огляделись: среди табуна жеребца не нашли. Они нашли следы человека, прошедшего мимо них. Он шел по земле, проваливаясь по колено.

— С этим человеком, оставившим такие следы, не надо связываться. Это не простой человек. Он уничтожит нас всех. Не надо за ним устраивать погоню, — сказала жена Ак Көбека.

Они не погнались за Мустакаем, ушли к себе домой. Мустакай вернулся в свой чурт (селение).

Мустакай охранял свой клад, спрятанный в надежном месте. Пещера, где лежали золотые вещи, уходила вниз, как колодец. Вход в него Мустакай закрыл каменной плитой, огромной, как скала. Перед тем, как пойти к пещере, он посмотрит во все

стороны. Удостоверившись в том, что его никто не видит, уходил к пещере.

Однажды один человек пошел за ним. Мустакай поймал этого человека, привязал к березе спиной к горе, чтобы тот не видел, куда он пошел. При этом Мустакай сказал этому человеку:

– Если еще раз пойдешь за мной, будешь следить, куда я иду, оторву твою голову и брошу ее.

Больше за Мустакаем никто не следил, за ним никто не ходил.

Перед Великой Отечественной войной 1941–1945 годов одна женщина нашла пещеру Мустакая. Она позвала людей и повела их туда, но потеряла дорогу. Искала-искала ее, но не нашла, и они вернулись. И другие люди искали пещеру, но не нашли. Мой отец говорил, что не там ищут.

ЗОЛОТО МУСТАКАЯ

В селе Верхний Тоз был леспромхоз. Тогда в леспромхозе было много лошадей. Днем они работали, а ночью паслись. Для того чтобы их пасти ночью, выделяли по одному человеку из рабочих.

Однажды летом хан назначил ночным пастухом рабочего из шорцев. Имя его я не помню. Этот рабочий из наших мест пошел пасти скот. Он собрал лошадей на одну поляну, где росла сочная трава. Поляна была широкая, большая, у реки. За ней был лес, а за ним начиналась гора.

Ночной пастух развел костер. Он сел у костра, а лошади паслись. Так он просидел всю ночь, утром пришел к хану и заявил: «Я не пойду больше пасти скот и ни днем, и ни ночью».

Так он отказался пасти лошадей. Сколько ни пытались дознаться причины его отказа, он не сказал ничего. Он говорил: «Не пойду – и все». Тогда хан

назначил ночным сторожем лошадей отца Бекренева Коли. Бекренев пошел пасти скот. Так же, как его предшественник, ночью он развел костер. Вблизи его паслись кони. Пастух просидел у костра почти всю ночь, под утро он увидел странную картину. За конями вдруг одно место осветилось. Осветилось так, как от костра освещается ночной мрак. Около того костра появился человек. Он молча стоял у того костра.

Бекренев смотрел на эту картину, не отходя от своего костра, до утра. Он рассказал об этом людям.

В народе говорят: «Это золото Мустакая ходит».

КЫЗЫЛ ГАЯ

На правом берегу реки Мрассу, в пяти верстах выше улуса Сосновая гора, издали краснеет гора с твердую охрою красного цвета. По преданию, здесь жили в прежние времена инородцы Паянской волости, в числе 470 домов. В одном семействе было 9 братьев, из которых двое пошли промыслять в тайгу и до того увлеклись охотой, что не заметили, как реки очистились ото льда и зелень вышла в колена. Ясно, что весна, но которая? Может быть, вторая после их отлучки из дома, потому что на белках время года узнать мудрено: там вечная зима.

Припомнив о своей добыче, они сообразили, что дело неладно, так как из девяти убитых ими медведей не оказалось ни одной самки. Они спешат домой, как только можно спешить пешею ногою и притом с порядочной ношей за плечами. Пришли домой неожиданно. Семейства перестали считать их живыми. Жена одного из вернувшихся звероловов вступила во второе супружество. Запоздалые промышленники, рассердившись на такие непорядки в доме, убили жену-изменницу вместе с на-

рушителем супружеской верности. Свидетель преступления – Кызыл гая обагрилась кровью, отчего и теперь красна; на всю Паянскую волость сошло проклятие: роду их более одного сына в семействе никогда не производить. Из сёока (поколения) девяти братьев и доселе живы в улусе Чувашка (на Мрассу) Семен Купеев и Павел Падянов.

ХАНСКОЕ ЗОЛОТО

Кучумнын карындажы

Однажды по нашей земле войско проходило.

Во главе этого войска был брат Сибирского хана Кучума. Его путь лежал в сторону горы-гольца Оғудума. Уходя, на дороге он оставил мешок с золотом. Не по ошибке, а с умыслом.

Когда потом вернулся, посмотрел: люди ходили тут, а золото не тронули. Тогда он сказал: «Мой народ честным народом оказался».

Сказав так, он отправился опять в сторону Оғудума.

ТЕБИР ПООҒУ

В 1905–1907 годах я стал пахать землю под посев недалеко от села Асман (Осман), где тогда жил.

В тех местах мне пахать было трудно, то и дело мой плуг застревал, и я выворачивал тебир пооғу (отходы от выплавки чугуна). Я пахал на том месте, где когда-то стояли дома. На одной полосе тебир пооғу встречалось до десяти. Каждый год на поле я собирал тебир пооғу, относил их куски за полосу и там их складывал. Нынче весной я собираю все отходы от чугуна, а в будущем году на этих местах они появлялись вновь. Куски были разные, чаще всего попадались примерно по килограмму весом.

В народе говорили, что на этих местах когда-то жили кыдайлар (кыдаи). Говоря: «Береза-дерево

будет расти, русский народ расселится, надо убежать», они ушли отсюда.

Еще говорили, что, услышав гулкие удары бубна внутри горы, кыдаи копали гору Кадын (Катунь), прокопали вход саженей в тридцать. Туда можно проехать на верховой лошади. Кадын – это жена Мустага.

АБА-ТУРА

Давно это было. На левом берегу Томи, возле речки Абы, жил глава шорцев Аба-отец. В то далекое время шорский народ подчинялся государству Джунгария и платил ему ясак.

До Абы-отца дошли вести, что пало Кучумово царство, казаки продвигаются вглубь Сибири.

Стали доходить слухи, что они продвигаются и вверх по Томи, к шорскому городку Аба-Туре, чтобы обложить народ ясаком для белого царя.

ЧЕЛЕЙ

В чыш – лесах Южной Шории – жили три брата. Два старших брата были асильниками, а третий был обыкновенным. Звали его Челей.

Однажды два старших брата-асильника договорились между собой убить Челея, чтобы он не позорил их малым ростом, слабым телосложением, словом, чтобы от него не родились слабые потомки.

Этот разговор двух старших братьев слышала жена одного из старших братьев. Она позвала Челея и сказала: «Ты, Челей, скорей убегай. Твои старшие братья хотят убить тебя».

Сказав так, она собрала Челею продукты на дорогу, дала лыжи и отправила в путь.

Челей пошел по горам на лыжах. Он шел долго, много дней, ночевал в горах, дошел до местечка

Орвун (Сыркаши). Это место ему понравилось. Он остановился здесь, стал жить.

Живет. Потом он стал замечать, что он растет, мало-помалу и вырос высоким. В Орвуне он полюбил горную деву. А она полюбила его. Она была очень красива. Однажды она говорит ему: «Бери меня в жены». Челей ответил: «Я попробую скатиться с горы на одной лыже. Если не упаду, значит, пришло мне время жениться – я стал достойным тебя женихом». Челей покатился с горы на одной лыже. Не упал. Они поженились. Горная дева родила детей от Челей. Их дети родили своих детей.

Спустя много лет Челей был в Южной Шории, видел своих старших братьев. Он узнал их, а они не узнали его: Челей же вырос высоким. Но его узнали жены его братьев-асильников.

Челей не сказал братьям о том, как они унижали его. Он вернулся в Орвун. От него и произошел народ Челей. Мы относимся к народу Челей.

ТАС МАТЫР

В верховьях реки Томь жили два брата.

Старшего звали «Ак Оол, имеющий коня бело-серой масти». Он обладал большой физической силой. Младшего звали «Тас Матыр, имеющий коня красно-рыжей масти». Они носили чирки, ниже колена голенище чирков перетягивали кожаными шнурками, один конец их заканчивался золотым кольцом весом в пуд.

Когда на месте Аба-Туры казаки построили крепость, Ак Оол и Тас Матыр пошли войной на крепость, чтобы освободить местный народ от царского калана. Однажды, когда братья подъехали к крепости, над воротами они увидели золотое изображение бога. Оно «горело» на солнце. Увидев его,

Ак Оол сказал: «Это изображение бога, тень творца, вернемся домой. Против бога не пойдем, будут грех и беда».

Они повернули своих коней назад и уехали. Когда они доехали до Ленниг Сын (хребет Кузнецкого Алатау), Ак Оол заболел. Он говорил: «Режет в моем животе так, будто ножом». Сказав так, Ак Оол умер. Тас Матыр зарезал коня Ак Оола и, обливаясь слезами, похоронил его вместе с трупом хозяина.

«На том свете конь и хозяин пусть ходят вдвоем», – сказал Тас Матыр. На могилу натаскал камней. От этого образовался холм, как маленькая сопка.

Тас Матыр поехал дальше. По дороге домой он увидел лося, убегающего вдаль. Тас Матыр погнался за зверем. Преследовал недолго. Со стороны появился другой всадник и погнался за лосем. Когда Тас Матыр поднялся на один перевал, он увидел лося и настигающего его всадника. Когда Тас Матыр поднялся на другой перевал, неизвестный всадник уже догнал лося, убил его, взвалив тушу на своего коня, поехал дальше.

Тас Матыр погнался за своим конем вслед за неизвестным охотником. Через некоторое время он приехал в одно село и увидел один дом, у дома – коня того всадника и самого хозяина. Тас Матыр подъехал к нему, соскочил с коня. Незнакомец уже успел повесить тушу вверх ногами на дерево, содрать с нее шкуру. Тас Матыр поздоровался и сказал: «Мой конь красно-рыжий – быstroногий скакун. Твой конь превосходит в беге моего коня. Я зовусь Тас Матыр. Кто ты?»

«Я зовусь Матыр Тас», – ответил ему тот. Потом Матыр Тас сказал: «Зайдем в дом».

Дома они сварили мясо лося, познакомились, двумя приятелями стали, ели мясо и пили вино. Тас Матыр переночевал и уехал домой.

Тас Матыр пожил дома, потом отправился в Туву. В Туве он приехал в одно село. В селе никого из людей не оказалось. Тас Матыр зашел в один дом. Дома были всего две девочки: одной будет лет двенадцать, а другой – лет девять. Войдя в дом, Тас Матыр подумал: «Я приехал в село, где живут люди, а тут даже собаки не лают. Если бы были мужчины-богатыри, то я попробовал бы помериться с ними силой в поединках».

Двенадцатилетняя девочка запела:
Ты зашел к нам,
Богатырем себя считая,
Но я не слышу
Богатырского дыхания твоего.
Если ты зашел
С нашими богатырями бороться,
С нашими девушками
Ты поборись!

Тас Матыр вынул из ножен медный меч и бросил его на пол. «Ты, девочка, подними мой меч!»

Двенадцатилетняя девочка пошла в другую комнату, оттуда вышла с железным мечом. Им она проткнула насквозь медный меч Тас Матыра, подняла меч и подала ему. Тас Матыр, увидев это, не боявшийся – испугался, не возбуждавшийся – возбуждился. Думает: «Двенадцатилетняя девочка так проткнула насквозь мой медный меч своим железным мечом! Так подала мне мой меч! Каковыми должны быть у них взрослые мужчины-богатыри?»

Тас Матыр взял свой меч, подумав о том, что здесь нет мужчин-богатырей. «Приеду в другой раз, чтобы испытать силы со взрослыми мужчинами-богатырями».

И вернулся домой. Дома он пожил. Через некоторое время поехал в Туву опять. На этот раз он за-

стал в том доме взрослых мужчин – отца и братьев тех девочек. Тогда-то он был убит там. Тас Матыр был шор-кижи (шорец).

КАНЗА-ПЕГ

Казаки наступали на Сибирь. Канза-пег, оказав им сопротивление, потерпел поражение. От его войска он остался один. Тогда он пошел по реке Мрассу. Шел, шел, дошел до речки Казас.

Здесь он встретился с одной девушкой, вышедшей из пещеры. Девушка посоветовала дальше не ходить, остаться, жениться на ней и жить. Она сказала:

– Тогда тебя никто не тронет, ты не будешь бояться никого.

– Нет, девушка, тебя я не возьму в жены, пойду дальше, – ответил он.

Канза-пег пошел дальше. Он шел, шел, дошел до верховьев реки Мрассу, пришел туда, где растет сосновый лес. В сосновом бору он увидел дом, построенный из бревен сосны, около дома – бело-серого коня. Канза-пег остановился около дома и не осмелился войти в него. Он встал за ствол одной сосны и стал наблюдать за домом.

Прошло немного времени. Из дома вышла девушка. Она спустилась с крыльца, пошла в лес, наломала сухих ветвей сосен, связала, связку забросила за плечо и пошла домой.

Канза-пег думает и спрашивает себя: «Что за девушка? Каковы тут мужчины? Какие они люди?» Потом потихоньку он подошел к дому и стал прислушиваться. Дома говорил мужчина: «Эзе, дочь моя, наш каан-пег, Канза-пег жив ли или мертв? Я пойду искать его». Канза-пег, услышав это, вошел в дом. Дома он увидел мужчину, виски которого по-

седели. Канза-пег открыл дверь, поздоровался, седой мужчина спрашивает его:

– Человек, пришедший в мой край, зашедший в мой дом, кто ты такой?

– Я зашел в твой дом, услышав твои слова – «Канза-пег». Я буду Канза-пег.

Мужчина, услышав такие слова, соскочил с места, подошел к Канза-пегу, взял его под руки, усадил на почетное место за столом. «Наш каан-пег Канза-пег ты, оказывается. Я собрался отправиться на поиски тебя, – сказал седой мужчина. – Теперь, когда ты пришел сам, мое сердце успокоилось. Если даже умру, то я буду думать, что я не умер».

Канза-пега, усадив за стол, они стали кормить и поить. Канза-пег спросил:

– Кто эта девушка, чей она ребенок?

– Моя дочь это ходит, – сказал седой мужчина.

– За меня выдашь ее замуж? – спросил Канза-пег.

– Только за тебя и выдам ее замуж, – ответил ее отец.

Канза-пег женился на его дочери. Стали жить. От них родился мальчик, потом родилась дочь. Отец жены Канза-пега состарился, умер.

Канза-пег промышляет в горной тайге, бьет зверей и птиц, навьючивает туши на коня, приезжает с охоты домой. Так живут. Сын и дочь растут. Они стали уже большими.

Однажды Канза-пег ушел на охоту, три дня промышлял, набил много зверей и птиц, вернулся домой. Когда он вернулся, дома его жена кроит и шьет из чужого, не из его материала. Сын, подбежав к нему, обнимает отца. Жена, прервав свою работу, собрав вещи в узел, отложила их в сторону. Она накрыла на стол и стала кормить мужа. В один ташаор (кожаную бутылку) она налила русскую водку и поставила на стол.

– Отец, ты не пей эту водку, тебя хотят напоить и обмануть, – говорит сын.

– Пай-пай, мой сын, что мне будет, если я выпью эту водку, какой будет обман? – ответил отец.

– Отец, не пей, – умоляет сын.

Канза-пег не послушался сына, выпил. Потом он спрашивает у жены:

– Где ты взяла эти вещи? Они не наши, принадлежат казакам.

– Не твое дело, откуда я взяла их, помалкивай, – грубит жена.

Жена наполнила еще один ташаор и подала мужу. Сын говорит опять отцу:

– Отец, не пей водку, тебя хотят напоить, обмануть.

Канза-пег взял ташаор и выпил водку. Потом он сказал:

– Я знаю, какую водку мне дает твоя мать. Неужели я опьянею от выпитой русской водки? Жена, носи всю водку.

Жена выкатила бочку с водкой. Она поставила ее рядом со столом и стала поить ею мужа. Канза-пег пил-пил, выпил всю бочку водки. Канза-пег был богатырь. В нем много было силы.

– Че, сын мой, выйду во двор, лягу и посплю. Кажется, я опьянел, – сказал он, обращаясь к своему сыну.

Канза-пег вышел из дома и упал от выпитой водки. Канза-пег лежал пьяный. В это время подбежали казаки, целое войско, спрятавшиеся недалеко, связали его руки и ноги. Они хотели поднять его, но не смогли с места сдвинуть. Тогда отвязали серо-белого коня Канза-пега, привязали его к хвосту коня, так волоком дотащили его до берега реки, сделали плот из бревен, положили на него Канза-пега, руки и ноги привязали к плоту стальными цепями. Как

только его конь вырвался от них, он ускакал домой. Мальчик, сын Канза-пега, выбежал из дома, вскочил на коня, обращаясь к матери, сказал:

— Мать, зачем ты обманом отдала моего отца этому войску казаков? И ты хорошего теперь не жди.

Мальчик подтянул поводья бело-серого коня, повернул его и ускакал. Канза-пега, положив на плот, увезли. На плоту, отоспавшись, Канза-пег пришел в себя. Он хотел пошевелиться, но шевельнуться не может, приподнял голову. Тут-то он увидел, что его руки связаны и прикреплены стальными цепями к бревнам плота. Увидев это, Канза-пег заплакал, причитая:

— Если бы я послушался и согласился с сыном, то в эту беду бы не попал.

Плот плывет по реке дальше. Когда плотогонщики доплыли до реки Казас, поравнялись со скалой, где была пещера, из пещеры выбежала та же девушка. Она говорит:

— Эзе, Канза-пег, если бы ты послушался меня, моих слов, женился на мне, ты бы не попал в эту беду. Теперь ты плывешь туда, где умрешь. Убивать тебя везут!

— Спаси ты меня, эту беду мою отстрани, поженимся, поженимся мы! — просит ее Канза-пег.

— Нет, Канза-пег, когда ты поднимался вверх по реке один, я предлагала тебе себя. Ты не взял меня. Тогда я говорила: ты не будешь бояться никого. Теперь у тебя двое детей. Ты не нужен мне.

Канза-пега повезли дальше. Канза-пег плывет, обливаясь слезами. Плотогонщики плыли-плыли, доплыли до города Томска. Войско казаков ушло на берег. Канза-пег, лежа на плоту, думает: «Зачем я лежу так и молчу?». Канза-пег собрал все свои силы и встал вместе с плотом, к которому он был

привязан, рассуждает про себя: «Если бы я знал эту беду, вступил в бой с казацким шеригом».

Канза-пег стоял в воде. В это время казаки выстрелили в него из пушки. Снаряд не пробил его кольчугу. Второй раз пушкари положили в ствол много пороха и выстрелили в Канза-пега. Снаряд пробил его насквозь. Канза-пег упал лицом вниз. Он оказался под плотом. Войско пришло на плот. Плот то приподнимался, то опускался. Так было три дня. Через три дня ушло от Канза-пега последнее его дыхание.

ШУНА-КААН

Шуна-Каан был сыном Кондая. Первый раз Кондай-Каан женился на дочери Ай-Муке. От первой жены Кондая родился Шуна-Каан. Когда умерла первая жена, Кондай женился на дочери Кара-Муке. Вторая жена Кондая родила двух сыновей: Шын-Шана, Тебир-Шана. По обычаю, наследником каана (правителя) должен быть сын от первой жены. Сыновья от второй жены лишены этого права.

Вторая жена Кондая стала завидовать Шуна-Каану. Однажды она говорит мужу:

— Если ты не убьешь сына Шуну, то у нас не будет спокойной жизни.

Кондай тогда не осмелился убить своего сына. А время уходит.

Шын-Шана и Тебир-Шана промышляют. Напав на след лисицы с золотой шерстью, охотятся за ней.

Шуна узнает об этом, наблюдает за действиями братьев, зная, что два его брата не смогут догнать лису. Однажды ночью Шуна встал, сел на своего бело-серого коня, выехал из дома, доехал до того места, где живет лиса. Нашел ее.

Лиса встревожилась, смотрит на Шуну с испу-

гом. Шуна вынул стрелу из колчана, прицелился и выстрелил. Лиса не успела убежать, сраженная, упала.

Шуна подошел к лисе, сделал рогатины, поставил на них лису так, будто она живая. Про себя сказал: «Братья мои, богатыри-умницы, пусть подумают, что лиса живая и выстрелят из луков».

Сам тайком вернулся домой.

Утром два его брата собрались и ушли на охоту за лисой. Пришли на то место, где живет лиса. Видят, лиса стоит, не пугается их и не убегает. Братья выстрелили из луков, обрадовались, подбежали к лисе, схватили ее, а она застывшая. Догадались: их старший брат Шуна убил лису за них, поставил лису на рогатины.

Братья привязали лису с золотой шерстью к седлу, вернулись домой. Между собой договорились: никому не говорить, что они нашли мертвую лису.

Кондай, увидев лису, притороченную к седлу, обрадовался, подбежав к сыновьям, говорит:

– Славные мои сыновья, истинные наследники, будущие кааны!..

Братья отвязали лису... Первые возбуждения улеглись. Прошли дни. Два брата тайком говорят матери:

– Старший наш брат Шуна оскорбил нас. Он убил лису, оставил мертвую, ее мы и нашли.

Мать обозлилась на Шуну еще сильнее. Однажды она говорит мужу сердито:

– Твой сын Шуна убьет тебя, живым тебя не оставит, хочет стать кааном вместо тебя.

Шуна живет, ни о чем не подозревая, читает книги, занимается. В книге написано: отец убьет его, не оставит в живых. Шуна стал грустить, стал печальным, задумчивым.

Однажды утром, когда только заря занималась, Кондай вышел из дома в одной нательной рубашке,

смотрит на звезды, зевает. В это время – выстрел, стрела пролетела между ног Кондая, разнесла железное кольцо. Перепуганный отец без памяти убежал домой.

– Видал, что я говорила тебе! Шуна убьет тебя, ты не будешь жить! На этот раз он промазал. Второй раз попадет в тебя. Пока ты не убьешь своего сына Шуну, у нас жизни не будет. Он завидует моим сыновьям, хочет стать кааном. Ты отправь его куда-нибудь, до его возвращения прикажи вырыть яму глубиной в семьдесят саженей, – причитает жена.

Шуну на время приласкали, говорят только о хорошем. Потом отправили его с поручением в далекие края. Когда он уехал, за городом приказали вырыть яму в семьдесят саженей глубины.

Пришло время возвращения Шуны. Каан и его жена слугам приказали яму закрыть коврами, надеясь на то, что Шуна пройдет по ним. По обе стороны выставили народ.

Шуна прискакал на своем бело-сером коне. Вышли ему навстречу, помогли сойти с коня, взяли под руки его.

Шуна-богатырь наделен большим умом, все он знает, но наступил на ковер и провалился в яму, конь наверху остался. При падении Шуна повредил одну руку и одну ногу. Яму закрыли.

Жена Кондая говорит:

– Теперь мы будем жить спокойно.

В другом ханстве жил хан Мондай. Давно он хотел завоевать ханство Кондая, но боялся Шуны. Он не знает, ни что Шуна брошен в яму, ни что он жив еще. Этот хан Мондай прислал Кондаю деревянный брус с обоих концов одинаковой толщины со следующим условием: если Кондай не сумеет отгадать, где вершина, а где основание дерева, то он,

Мондай, через семь дней нагрянет с войной, будет смертельная схватка.

Кондай-Каан собрал всех тех, кто собирается стать каанами после его смерти, передал им условия Мондая. Но никто не отгадал. Не отгадали ее и Ай-Муке и Кара-Муке, родители его первой и второй жен.

Для Кондая и для всех наступили черные дни тяжких раздумий.

Шуна живет в яме вот уже скоро три года. Ай-Муке, дед Шуны, прокопал ход сообщения под полом своего дома до ямы, где живет Шуна, кормит внука, поддерживает его жизнь.

Ай-Муке говорит Кондаю:

– У меня дома есть одна книга. Я пойду почитаю ее, может, загадку найду в ней.

Ай-Муке пришел домой, посылает сноху к внуку Шуне сказать, что пришел последний день их жизни, пусть Шуна поможет им, разгадает загадку.

– Эккей, – говорит Шуна, – Кондай-Каан, мой отец-хан, как сам не разгадает загадку? Пусть он пойдет к текущему морю и опустит брус-палку в воду. Палка поплывет бывшей толстой стороной вниз, пусть там сделает метку и посылает палку к Мондаю.

Так и сделали...

Мондай никак не поймет: жив Шуна или мертв. В середине лета Мондай прислал Кондаю двух сорок.

– Пусть Кондай узнает, которая из них самка, который самец. Буду ждать семь дней, – сказал Мондай. Кондай собрал опять всех своих приближенных, никто не смог разгадать загадку Мондая.

Так же, как и в первый раз, Ай-Муке послал сноху к внуку Шуне.

Шуна говорит:

– Как Кондай-Каан сам не разгадает? Пусть Кондай плюнет три раза, напустит сильный мороз, такой, чтобы слюна на лету замерзла. Сорока-самец улетит, сорока-самка под навес залетит в сарай.

Так и сделали. Отгадали и эту загадку Мондая.

Кондай тоже никак не поймет: жив Шуна или мертв.

Третий раз Мондай прислал лук на семидесяти лошадях с условием: если Кондай натянет тетиву этого лука, то вражда прекратится, войны не будет.

Кондай опять собрал весь свой народ, но никто не смог натянуть тетиву этого лука.

Кондай, обращаясь к сыновьям своим, говорит:

– Шын-Шана и Тебир-Шана, сыновья мои, будущие кааны, натяните тетиву этого лука!

Два брата тетиву не смогли с места сдвинуть.

Шуна живет в яме вот уже три года.

Все плачут, все слезы льют.

– Эккей, – говорит тут Ай-Муке, – сын мой Шуна жив или мертв, надо поглядеть!

– У него кости истлели, наверно, – говорит Кондай, отец Шуны.

– Нет, – говорит Ай-Муке, – запрягайте двенадцать лошадей, спускайте в яму веревку. Если жив, то за конец веревки он возьмет, потянет. Если мертв, то веревка не пошевелится.

Так и сделали. Двенадцатью лошадьми стали вытаскивать Шуну из ямы веревками.

Как только Шуну вытащили на край ямы, как только он увидел лучи солнца, потерял сознание. Чтобы Шуна не ослеп, глаза его завязали платком, сложенным в несколько слоев. И лучи солнца не проникли в его глаза. Когда он пришел в себя, тогда постепенно стали приучать его к солнечному свету.

Из глаз Кондая, его отца, слезы льются неудержимо.

– Эккей, отец мой, богатыри, наделенные умом правителя, наследники каана, мои младшие братья, как вы не можете натянуть тетиву этого лука? – спросил Шуна.

И, сказав: «Пойдемте, посмотрим лук», – встал. Когда он пошел, земля его не держит. Он идет, проваливаясь по колена в землю.

Шуна разглядел лук. Лук был чугунный, на семидесяти лошадях привезенный. И говорит:

– Вы, Тебир-Шана и Шын-Шана, если не смогли натянуть тетиву этого лука, то куда вы годитесь! Как вы будете править народом? Я попробую натянуть лук.

Шуна-Каан взял лук, сжал его. В руках Шуны лук оказался как вязкая глина. Где он сжал лук, там пальцы как в глину ввязли. Между пальцев выступил чугун. Это увидевши, те, которые привезли лук, виновато заулыбались, притихли.

Шуна подумал: «Я не смогу жить дальше в доме своего отца. Живи, отец, с двумя своими сыновьями, я пойду куда глаза глядят».

Сел на своего бело-серого коня и уехал куда глаза глядят.

Шуна-Каан ездил, ездил, приехал в край, где ханом был Кара-Каан...

(Когда рождается новая луна, Шуна превращается в семилетнего мальчика, а когда луна на убыль идет, он превращается в старого старика.)

Приехав в ханство Кара-Каана, Шуна не вошел в город. Он остановился за городом у одной белее белой чайки одинокой старухи. Живет.

Однажды одинокая старуха сходила на базар. Вернулась, со слезами причитает:

– Эккей, последние наши дни наступают.

– Почему последние дни наступают? – спросил Шуна.

– Почему? Потому что завтра выйдет морской царь, завоюет царство Кара-Каана. У нашего Кара-Каана есть дочь, прекрасней ее нет никого. Красавица не хочет идти замуж за морского царя. Кто из людей ее спасет, за того Кара-Каан обещает выдать свою красавицу-дочь.

– Почему так все испугались? Я пойду, помогу спасти жизнь дочери Кара-Каана.

– Я выйду из избы, – сказала старуха.

Вышла. Нет ее. Через некоторое время зашли в избушку два солдата, сказали:

– Тебя приглашает Кара-Каан.

– Что случилось?..

Пришел к хану. Старуха сидит связанная.

– Этот? – спросил хан.

– Этот, – ответила старуха.

Хан спросил:

– Ты говорил о том, что в борьбе с морским царем одержишь победу и этим спасешь мою жизнь и жизнь моей дочери?

– Говорил, – ответил Шуна.

– Я говорила правду, – сказала старуха.

– Если ты спасешь меня, то я откажусь от власти хана, ханство передам тебе, дочь выдам замуж за тебя, – сказал хан.

– Годится, – ответил Шуна.

Шуна сел на своего бело-серого коня, спустился к берегу моря, вошел в пещеру, стоит. В условленное время из моря повалили войска. Они окружили город Кара-Каана. Война началась.

Шуна-Каан стоит, притаившись. Когда вышел весь народ морского царя в середине лета, Шуна три раза харкнул-плюнул, поверхность моря застыла льдом толщиной в девять вершков. Тогда Шуна вступил в бой, меч обнажив. В него попадают стре-

лы, но не берут его. Половину войска он уничтожил, половина забегала по льду, не может спуститься на дно моря. Но и конь Шуны не может стоять на льду. Скользко. Шуна просит прислать кузнеца. Прислали кузнеца.

– Быстрей дай мне твой молоток, подкову, подкову коня, – говорит Шуна.

Мигом сам он подковал коня. Поскакал по льду. Лучших молодых воинов взял в плен, старых уничтожил.

Шуна пришел к Кара-Каану, взял в жены его дочь. Свою одежду снял – она начала стареть. Попросил положить ее в отдельный сундук. Сам надел новую одежду. И живет.

Прошло три года.

«Эккей, – сказал Шуна про себя. – В чужом краю живу, не знаю, о чем говорит народ-мир; пойду послушаю слова людей».

Тайком от жены надел мундир солдата, распорядился, чтобы народ бесплатно кормили, бесплатно одевали, в трех местах велел построить кабаки.

Тайком пришел к крайнему кабаку, встал в углу, смотрит. Народ же здесь пьет, здесь же и падает пьяным. У Шуны нет здесь своих людей. Думает: ему, беглецу, передали власть. Как же так?! Потом пошел в средний кабак. Там он видит то же самое, тот же язык: пьют, падают.

Шуна отправился в третий, дальний кабак. Там видит то же. Шуна постоял, понаблюдал... Ему стало грустно, печально. Вернулся. Не спится...

Утром жена встала, приготовила еду, но не осмеливается его разбудить. Шуна встал, просит жену:

– Эккей, открой сундук, где лежит моя одежда.

– Зачем? – спросила жена.

– Посмотри, как бы не истлела моя одежда, которую я носил прежде.

Открыли сундук. Шуна снял одежду царя, надел свою одежду. Жена смотрит на него с удивлением.

– Ты почему надел свою одежду? – спросила она.

– Мне, человеку-беглецу, чужому, случайному человеку, здесь ханом быть нельзя. Так не годится: не моя земля.

– Ты хочешь уехать, бросив меня? – спросила жена.

– Я не привозил жену из своего края земли.

– Если меня не жалко, то хотя бы пожалей своего пятимесячного ребенка, – сказала жена, – жена – спутница, ребенок – своя ноша, от тебя он неотделим.

Сколько ни просила жена, удержать его не смогла.

Он сел на своего бело-серого коня, уехал. Много он ездил по свету, наконец оказался во владении Романова, у крещеных. Здесь Шуна остановился, живет на третьем этаже каменного дома. Однажды он видит в окно: около церкви стоят 60–70 лошадей. Лошади стоят, а хозяева находятся в церкви. Шуна подумал: «Как же посмели они приехать сюда на лошадях? Какой у них бог?»

Шуна выстрелил и всех коней истребил одной стрелой. Люди подумали: так мог стрелять только Шуна. Обвинили его, судили. Приговорили к трем годам принудительной работы: возить в сорокаведерной бочке воду.

Шуна стал водовозом. Пинком гоняет бочку: ударит пинком бочку – раз, она катится до проруби, наберет в бочку воды, ударит пинком бочку – два, она катится от проруби до дома.

А раньше, давно уже, Романов, оказывается, отправил двенадцать солдат, чтобы они осмотрели другие земли. С тех пор прошло три года. Из двенадцати солдат вернулся один. Одиннадцать солдат погибли у устья одного моря, там, где росли

сосны. Солдаты пришли к этому сосновому бору. Здесь они увидели дом, построенный из целых сосновых бревен. Солдаты вошли в дом. В нем они увидели в семь сажений медную печь. В доме никого не было. Солдаты посидели. Вдруг открылась дверь, на пороге появилась Шимельдея-людоедка с шишкообразными губами, мордой собаки, как мелкие бусинки глазами. Одним разом она обхватила одиннадцать солдат и бросила всех в медную печь.

Удалось убежать только одному солдату.

Этот рассказ слышал сын Романова, к тому времени ставший крестным братом Шуны. Он-то и пришел к Шуне, сообщил рассказ уцелевшего солдата. Сын Романова спросил Шуна:

– Поедем туда вдвоем? В случае чего, можно будет и постоять друг за друга.

Царь отпустил их и солдата. Пошли. Нашли то море. Видят, на берегу моря около черной скалы, высокой, что сама гора, стоит девушка, смотрит на них. Девушка, увидев их, вошла в пещеру.

– Эккей, крестный мой брат, – говорит Шуна, – войдем в пещеру, поглядим на эту девицу, чужой у нее взгляд.

В это время месяц шел на убыль, Шуна выглядел стариком.

Зашли в пещеру. Впереди Шуна. Девица сидит, распустив свои волосы. Внезапно она вскочила со своего места, крикнула так, что Шуна лишился сознания, подбежав к нему, свои длинные волосы обвила вокруг шеи Шуны, стала душить его. Чуть не задушила его. А крестный брат Шуны тоже потерял сознание. Шуна очнулся, собрал все силы и крикнул. От его крика пещера раскололась на две части. Шуна оторвал голову девицы. У этой девицы только голова будет девять пудов.

– Эккей, крестный ты брат, неужто ты не помог бы мне в случае, если бы у меня не хватило силы?

– Обезумел, – ответил сын Романова.

– В другой раз так не веди себя, – посоветовал Шуна.

– Нет, так больше вести себя не буду, помогу тебе, – сказал тот.

Идут дальше. Долго шли, пришли в сосновый бор. По нему ведет узкая тропинка. Двинулись по ней. Видят, действительно дом, построенный из цельных сосновых деревьев, вошли. В доме стоит семисаженная медная печь, никого нет.

Сидят. Вдруг забегает Шимельдея с шишкообразными губами. Смотрит. А гости притихли, сидят.

Шимельдея подошла к Шуне, пощупала его шею, потом пощупала шею сына Романова, не сказав ни слова, вышла. В бору с ходу толкнула сосну, которую одному не обхватить. Сосна рухнула на землю с вывороченными корнями, обхватила Шимельдея сосну и притащила в дом, обломала и затолкала в медную печь.

Шимельдея смотрит то на печь, то на гостей. Как только в печи загорелись пламенем дрова, Шимельдея встала. А пришедшие сидят молча. Схватила Шимельдея Шуна. Борьба началась. Бились. Шуна почувствовал, что он слабеет (у него период старости наступил). Шимельдея хотела Шуна бросить в печь. Шуна уперся ногами, едва вырвался (пока на лбу Шуны пот не выступит, к нему не приходит его истинная сила. Вот показался пот).

– У меня, у Шуны, разве не хватит на тебя силы! – крикнул он.

С новой силой он схватил Шимельдею и закинул ее в медную печь. Шимельдея сгорела. Шуна подбежал к сыну Романова.

– Почему не помог, человек, имеющий пуповину? – спросил Шуна.

Раздел его, а у него пуповины не оказалось.

– Человек без пуповины царем разве бывает?! Если тебя я ударю, то жизнь твоя с дыханием уйдет. Почему не помог? О чем думал?

– Я думал, что у тебя и у одного хватит силы, поэтому сидел. Прости меня.

Гнев прошел. Шуна простил его. Поехали домой. Вернулись. Живут. Зовут друг друга не иначе как крестный брат.

Однажды сын Романова пришел к Шуне, сказал:

– Приехал богатырь на базар, двенадцать дней его везли, от одного его голоса никто близко подойти не может. Кроме тебя, некому к нему близко подойти.

Шуна выслушал Романова, повесил на пояс меч. Вдвоем пошли на базар. На базаре Шуна увидел чужую повозку, не похожую на другие, под тяжестью богатыря вдавилась она в черную землю. Шуна подошел к ней, говорит:

– Выходи, богатырь. Посмотрю, как ты сотворен!

Богатырь вышел, стоит, как гора. Шуна посмотрел на него, прикинул: если они вступят в поединок, то Шуна не сможет его победить!

Шуна подошел к нему, вынул меч, положил на шею богатыря, примерился, размахнулся и ударил по шее чужака, отрубил ему голову, сказав:

– В поединке я не смог бы его одолеть.

Мало ли, много ли времени прошло, опять сын Романова пришел к Шуне.

– Шуна, мой крестный брат, – сказал он, – отец моего отца пусть пост держит, около нашей церкви бело-сивой масти конь вровень с церковью стоит, повод узды закинута за верхушку церкви. Кроме тебя, некому встретиться с таким богатырем.

Шуна вскочил на ноги. Пошли. Шуна зашел в церковь. В церкви стоит густой дым, ничего не видно. Шуна присмотрелся, увидел богатыря. Богатырь лежит на спине около алтаря. Как толстый бастрок – трубка во рту, богатырь курит. Шуна поздоровался, потом спросил:

– Откуда ты приехал, человек?

– Откуда я приехал?! Тот, кто в бегах, кто бродит по свету, бродяга, ты Шуна? – спросил незнакомый богатырь.

– Я, – ответил Шуна.

– Ты бросил пятимесячного своего ребенка?

– Я.

– Быстрее собирайся-одевайся, поедем со мной. Я – твой сын, которого ты давно не видел.

– Если впрямь так, то дай мне три года сроку!

– Более трех дней ни одной минуты я тебе не дам, – сказал. – Иначе щелчком твой лоб разобью.

Он сел на своего бело-сивого коня, уехал.

Куда он уехал, никто не успел разглядеть. Слезы Шуны полились сами. Шуна сел на своего бело-серого коня. Выехав за пределы их большого селения, Шуна вдруг вернулся назад, сказал:

– Романов, народ своего отца я оставляю тебе, не обижай мой народ, в солдаты не бери никогда, только в последний смертный час возьмешь моих людей в солдаты.

Крикнул богатырским криком. Вдруг медный столб появился. Одним пальцем Шуна придавил его к земле, написал на столбе то, о чем говорил.

– Я не отпущу тебя, – сказал сын Романова, крестный брат Шуны.

А Шуна сел на своего бело-серого коня и уехал. Куда уехал? Где он? Никто не знает. Уехал, и по сей день нет его.

Сын Романова поехал после за ним вослед. Переправляясь через море по льду, провалился, умер.

КУЗУК И КАЗЫН

Случилось это давно. Молодой охотник Кузук возвращался с промысла. На реке Терсу девушка полоскала холсты в проруби. Сбилась набок толстая светлая коса. У Кузука дыхание перехватило:

– Ах, какая румяная и красивая!

Девушка вздрогнула и выронила валец. Начала что-то говорить, но юный шорец не понимал. Только голос ее был медовым. Охотник сам не заметил, как обнял ее и поцеловал. Кузук развязал затянутую сюртке и стал доставать то соболиную шкурку, то шкурку выдры. Он накидывал их на плечи девушки и смотрел, какой мех лучше подходит к ее светлой косе, к белому разругавшемуся лицу...

Сколько раз они встречались, никто не знает. Разве ветер вездесущий, солнышко-красный вездеход да луна-бессонница видели их.

Но однажды род Сарыҕ-Шор был потрясен дерзостью молодого охотника. Он привел в улус русскую девушку. За белизну лица и волос назвали ее шорцы Казың (Белая).

Шли годы. У Кузука и Казың выросли сыновья. Крупные, красивые парни.

Как-то напали на шорцев враги. Началась кровопролитная битва. От крови стала красной речка в долине. С тех пор назвали ее Кандаlep – река крови. Погибли в этой битве Кузук и его сыновья.

Похоронила Казың мужа и сыновей на берегу. Сама поднялась на гору и превратилась в белую кудрявую березу.

ПОРВАЙ

Порвай был нашим родственником, из нашего рода. О том, как он бросился в пучину вод реки Томи, много раз рассказывал нам его сын Тальнеп, рослый, метра два высотой, широкоплечий, но во всем уступающий своему отцу – в росте, плечах, да и в силе.

Раньше, до коллективизации, в начале лета, перед религиозным праздником Девятое, по большой еще воде мы поднимались на лодках в верховья реки Томи, чтобы там наловить рыбы, потом отвезти её в город Старо-Кузнецк, по-нашему Аба-Тура, там продать.

В верховьях Томи тогда водилось много вкусной рыбы (хариус, таймень, кускуч). В основном мы ловили хариуса и тайменя.

В то последнее для Порвая лето он поплыл на ловлю рыбы в верховья реки Томи со своим сыном Тальнепом и сыном Софьяна Чудоякова. Я забыл его имя. Для ловли рыбы сетями надо иметь три человека на одной лодке или четыре человека на двух лодках. Поэтому Порвай взял с собой своего сына и сына Софьяна, крепких и здоровых юношей. До реки Казыр они доплыли благополучно. Беда приключилась с ними на Казыре.

Казыр – место испытания всех лодочников. Сколько жизней там погублено! Числа нет. Там остались Порвай-богатырь и сын Софьяна.

Очень опасна переправа через Казыр, особенно в это время года. Вода еще большая. Казыр берет свое начало в горах Тегри-Тижки (Поднебесные Зубья), на правой стороне Томи, бежит по ущельям гор вниз и в своем стремительном беге пересекает реку Томь, его волны с большой силой ударяются о левый берег

Томи, смывают под яром землю, образуя там глубокую яму. Оттуда ни за что не вырваться.

Порвай переплывал Казыр на лодке многое множество раз. Он надеялся на свою силу и ловкость. Но на этот раз он допустил ошибку, сломал шест, лодка накренилась, волны обрушились на лодку и перевернули ее. При переправе лодку постоянно надо держать носом вверх по реке. Без шеста, веслом Порвай не успел выправить лодку, успел взять весло, а лодка уже была перевернута.

Пониже от устья Казыра есть небольшой остров. Туда раньше отца выплыл Тальнеп, после него выплыл Порвай. По словам Тальнепа, его отец прибежал к нему и с ходу спросил: «Где сын Софьяна?». Тальнеп не успел ответить: «Не знаю», как Порвай побежал уже к воде, на ходу крикнув: «Из воды я не выйду без сына Софьяна. Я погубил единственного его сына. Ты не уходи никуда, скоро сюда приплывут рыбаки из Корая. Жди их. Они возьмут тебя». С этими словами Порвай прыгнул в пучину вод Томи и вмиг скрылся за поворотом у скал. Больше Тальнеп не видел своего отца.

Тальнеп недолго ждал рыбаков из его родного села. Увидев его, сразу несколько лодок причалило к острову. Узнав печальную весть, односельчане поспешили на помощь. Но помочь было некому. Ни Порвая, ни сына Софьяна нигде не было. Одну лодку послали вниз, сами вернулись, обыскав окрестность. Посланные на поиски Порвая вернулись поздно вечером. Никого и нигде они не нашли.

ЛЕГЕНДА-БЫЛЬ

Кузнецк имел на гербе волка. Жили в нем купцы, которые скупали пушнину – мягкое золото, орехи, дичь и сплавляли вниз по Томи.

Договорился купец с шорцами с реки Бельсу о заготовке клепки и обручей для томских бондарей, а потом...

Шорцы все лето готовили клепку, обручи и к обговоренному сроку приплавляли в Кузнецк.

– Принимай товар, – предложили они ему.

– Какой товар? Зачем он мне? – прикинувшись несведущим, спросил купец.

– Весной ты заказывал! – наперебой заговорили шорцы. – Нам деньгу обещал, теперь давай.

– Я не просил.

Поднялся спор. Купец закуражился и выставил их за дверь. Думали-думали они и решили отомстить купцу. Сорвали дверь с крючка, выволокли его к Томи и потребовали:

– Бери товар или бошку отрубим!

– Ах вы, бурундуки!.. – разошелся купец, но сильные руки охотников скрутили его, подвели к пню, который и сейчас еще стоит в топольниках, и отрубили ему голову.

ШАБУР

Хану милиции привели одного жителя из Южной Шории – верховьев реки Мрассу, задержанного за самогонование.

Хану милиции понравился его шабур. Шабур был красиво расшит, нарядный. Хан милиции спросил: «Халат продашь?» Задержанный шорец понял по-своему: «Халат отдашь?»

Он очень хотел освободиться от этого хана милиции, поэтому снял с себя шабур и отдал хану. Хан милиции подумал, что этот шорец продает свой шабур, подал пять рублей. Шорец подумал: «У нового начальства новые порядки, подарки они оплачивают деньгами».

АКПАШ И ЕГО ТАБУН

В Сагайях я встретил Майтакова, имя его я не узнал. Майтаков спросил меня:

- Ты слышал об Акпаше?
- Не слышал.
- Я сын Акпаша.

Потом Майтаков рассказал о своем отце.

Акпаш жил в Орвуне (Сыркасах). У него был табун лошадей. Однажды осенью этот табун лошадей пропал. Акпаш искал его долго, но не нашел. Прошла зима. Весной, когда уже была высокая трава, этот табун лошадей пришел в Сыркаши. Прошло лето, наступила осень, табун опять исчез.

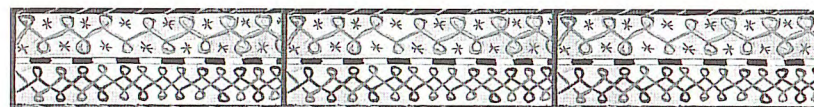
Так стало повторяться из года в год. Осенью табун исчезает, весной появляется, пасется все лето, а осенью уходит опять. Акпаш подумал: «Как так получается, пойду-ка я за табуном, по его следу».

Акпаш собрался, нашел след табуна и пошел за ним. След вывел его на горный хребет. Дальше лошади пошли по водоразделу между Томью и Бельсу. Акпаш дошел до речки Казрен, переправился, дальше лошади взяли путь на Сагайские степи. В степи он нашел свой табун. Лошади выбивали ногами из-под снега траву и питались ею.

Акпаш провел всю зиму в степи. Весной табун вернулся домой, за ним и Акпаш.

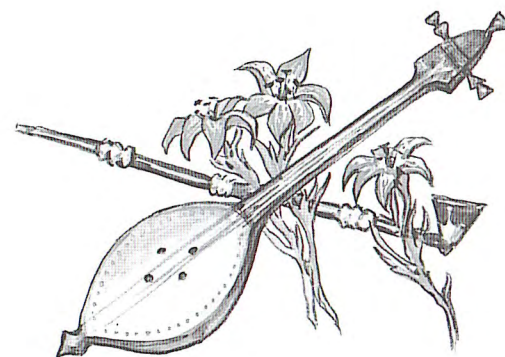
Осенью лошади ушли опять. Акпаш ушел следом за лошадьми, и на этот раз навсегда. Семье он сказал, что уходит навсегда. Так Акпаш переселился в Сагайские степи. Прожил он там всю жизнь.

– Я – сын его, – говорил Майтаков. Тогда ему было лет шестьдесят.

ЛЕГЕНДЫ И ПРЕДАНИЯ НА ШОРСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

*Ўлгенме Туруна || Ульген и журавль
От кушчагы || Птица огня
Алгутик алып || Алгутик-богатырь
Ол тижси кижси... || Та женщина...
Шулбай || Шулбай*

ЎЛГЕНМЕ ТУРУНА

Пурун пурун полған полтыр. Қудай тағ-суғды чайап, аң-қушты пұт-келип, кижини пұткен. Пұткен кижилердің от чоқ полтыр. Ылар қуштардан, ларға от тилеп полужарға сурандылар.

Туруна қуш, кижиге ачынып, Ўлгенге шық-келип, айтқан: «Сеең чайаған кижилерің сооққа тоңғылапчалар, аштап қарбақчалар, ыларға от пер!».

Ўлген, поны уғыб-алып, қаныққан. Қанығып, от пербеен. Анаң Ўлген узу-берген полтыр. Узу-бергенде, туруна қуш туйуққа Ўлгеннің чуртунға өргезинге кирип, оттың шөгүн Ўлгеннің оорлап, кижилерге ақкеле-берген полтыр.

ОТ ҚУШЧАҒЫ

Черин чайалған соонда, арығ тынның небелерин пұткен соонда кижилеринге Ўлген от пербен полтур.

Аң-қужы тайғада чақшы чатчыған полтур. Қуштарыңа уйаларында чылығ полтур: қуштарының чуғлері пар полған полтур. Аңнарыңа эдоқ иннеринде чылығоқ полған полтур: аңнары түктүғ полтур. Чижи пар полтур. Чақшы чатқан полтурлар.

Кижизи тезе чылаш полған полтур. Одағында чишиш-эт пыжыарға от чоқ, сооқ полған полтур.

Анаң ара кижилери қуштардан от сурағаннар: «Силер парчын чердің эбире учуғып чөрип, тегриге учуғып чөрип, талай ажыра, тағ ажыра учуқчазар. Полза-полбаза, силер ле писке отты тап-кел перерзар».

Қуштар пашқа-пашқа черге учуғубустылар. От табарға таппадылар.

От қушчағы чат-қалып, айтқан: «Қазыңда мешке чоқ па, қайада таш чоқ па, кижиде молат чоқ па?»!

Ийги таш алып қағыштырзаң, от полар!» теди. Ол темнең ала кижиде от табарға унаб-алды.

УЛЬГЕН И ЖУРАВЛЬ

Давным-давно было. Кудай гору-воду создал, зверя-птицу создал, человека создал. У первых людей огня не было. Они птиц просили помочь им найти огонь.

Журавль-птица, пожалев людей, к Ульгену придя, сказал: «Тобою созданные люди на морозе замерзают, от голода погибают, им огонь дай!».

Ульген рассердился. Рассердясь, огня не дал. Потом Ульген заснул. Когда заснул, журавль-птица, войдя потихоньку в жилище Ульгена, уголь с огнем украл и людям принес.

ПТИЦА ОГНЯ

После того, как сотворилась земля, после того, как Ульген сотворил все существа, имеющие душу, он людям огня не дал.

Звери-птицы в тайге хорошо жили. Птицам в их гнездах тепло было: у птиц перья были. Зверям тоже в их берлогах тепло было: звери с шерстью были. Еда была, хорошо жили.

А человек голым был создан. В юрте его огня нет: мясо-пищу жарить не на чем. Холодно. Люди у птиц огня попросили: «Вы кругом всей земли летаете, к небу поднимаетесь, через моря перелетаете, через горы переваливаете, летая, только вы и можете нам огонь найти и дать». Птицы в разные земли полетели. Огонь найти не сумели. Птица огня, оставшись с людьми, сказала им: «Нет разве на березе гриба, нет разве в скале камня, нет разве у человека металла? Если два камня взяв, друг о друга ударить, огонь будет!»

С тех пор люди огонь высекать научились.

АЛГУТИК-АЛЫП

Алғутик алып полған полтыр. Қондумда чатқан. Ол, Қазан қаныба шағлажып, оқча тужунда оқчаба кўжи албан қалған, аны тудыб-алғаннар. Қазан черинде ол қар-парған. Ат қадачызы полған.

Нек қадачызы андығоқ пашқа чердең келген қыс кижі полған. Көк қайа пажында одуруп сықтап чөрген. Тоғус кукқай ат пажы қырыйына одурып, сықтапча. Алғутик аны ийги күн көрген. Ұжүнчи күнде аға парған. По теген кижі полбас, алып төлү кижі полар теп, сананды. Анаң тоғаш-кел, эрбектешкен: «По тоғус таш үстүне, по тоғус паш қырыйына одуруп, нооға ылғапчан?». «По тоғус таш, по тоғус паш - алып пораттың паштары полчан!» – теген.

«Ол тоғус порат қайдаң келген полған?» – теген. Ол қыс анаң айтты: «Ол - мениң тоғус қарындаштарымың аттарының паштары полча. Алындағы тушта чалашқан полғаннар, арығ кўштери албан қалған».

«Адың кем, ноо қыссың?» – Алғутик айтқан.

«Мен шор қыс полчам! Сен ноо кижі полчан, қар-парған апшый кижі?» «Мен Кондум суғдаң келген Алғутик теп апшый кижибим, Казан қаныба шағлажып, кўжим албан салғам. Пис, ийги қадычызы, алыш-салааң!». Алыш-салып, лар туйукқа алыш-салғаннар. Алышқан соонда үш чылдың пажында Алғутик апшый өл-парған. Шор куртуйағы курсақтығ қалған.

«Апшыйымның палазын пашқа черде туғбассым, черини тап парып, туғарым. Қазан черинде тул пораттың палазы пар. Аны тудыб-алзам, тезерим».

Анаң тудыб-алған, анаң тескен, анаң Кондумға келип, анда туған.

Анаң шығара пистің кижини шор чоны теп адап-салған.

АЛГУТИК-БОГАТЫРЬ

Алғутик богатырь был. На реке Кондоме жил.

Он с казанским ханом воевал. В то время еще луки и стрелы были. В казанской земле он и составился. Стал пасти лошадей. Пастухом коров была девица, также пришедшая из чужой земли. Сидя на вершине Синеи скалы, она постоянно плакала. Около голов погибших лошадей сидит она и плачет. Два дня смотрел на нее Алғутик. На третий день к ней пошел. «Это не простой человек – она из богатырского рода будет!» – подумал.

Потом, встретясь, они между собой разговаривали.

– На этих девяти камнях, около этих девяти голов сидя, почему ты плачешь? – он спрашивал.

– Эти девять камней, эти девять голов – головы девяти богатырских серых лошадей! – она отвечала.

– Те девять серых лошадей откуда пришли?

Та девица на это сказала:

– Это головы лошадей моих девяти братьев. В прежнее время они воевали, чистой силы нашей не хватило, братьев моих убили. Потом я пришла. У меня тоже силы не хватило.

– Как твое имя? – Алғутик спросил.

– Я шорская девица. Ты что за человек будешь, старик?

– Я старик по имени Алғутик, пришедший с реки Кондомы. Когда я с казанским ханом воевал, у меня силы не хватило. Так как мы – оба пастухи, давай-ка поженимся!

Поженились они, потихоньку поженились.

Через три года после того, как они поженились, старик Алғутик умер. Шорская девица осталась беременной.

«Ребенка моего мужа в чужой земле я не стану рожать. В землю его отправлюсь и там рожу. В ка-

занской земле есть жеребенок от серого коня. Если его поймаю, убегу!»

Она жеребенка поймала и убежала. Потом, придя на реку Кондому, родила ребенка. Поэтому наших людей называли шорским народом.

ОЛ ТИЖИ КИЖИ...

Апшак тижки кижини оорлап аппаратан. Анаң лар ийгеле чатқаннар. Ининге чатқаннар. Ұр чатқаннар.

Апшак қалода ақкелген. Анаң ол қат мөтти чиген.

Қанче-қанче тем соонда ол эпчи кижки қарнылығ пол-парған. Ол қат, эзе, қоруқ-парған.

Анаң пирде апшак, шығыб-алып, парыбысқан. Апшак ининен шығыб-алып, парыбысқанда, ол қарнылығ қат пойының чатқан чуртунға тезип келген.

Апшак ол эпчизин сүрген. Қарындаштары аны көриб-алып, аны апшактан тудуб-алғаннар.

Ол қат апшакпа чарылышқан соонда пала туғыб-алған.

Туған палазының алындағы кезиги кижки полған. Соондағы кезиги - апшак полған.

Анаң ааң палазы улуғ өс-парған. Ичезин азраған.

Ол аға калода ақкелб-одурған.

Тайыларынға апшактарды тудуб-алып, ақкелб-одурған.

Ичези тезе аның қолынға тебир пағлаған, ол парыбысқан.

Апшак палазы паза келбеди.

Анаң пир чылдың пажында ичези қыраға чағысқа шыққан. Чолба шықчадып, ақчалыма чердең апшак тур-қелген.

Аны көрип, по эпчи қоруғубысқан.

Апшак чөр полбан, ичезин чолда қадарчыған.

Апшак палазы ичезинге тоғажып, пилегин көргискен.

Пилегинде тебирин көрип, ичези палазын таныб-алған.

Анаң парып, малтабыла тебирин ала-берген.
Тебир палазының пилегине пат-парған полтур.
Анаң палазы тайгаға парыбысқан.

ТА ЖЕНЩИНА...

Медведь женщину унёс.

Потом они вдвоём жили. В берлоге жили. Долго жили.

Медведь колоды приносил. Та женщина мёд ела.

Через некоторое время та женщина беременной стала. Та женщина испугалась.

Та женщина родила медведя-ребёнка.

Спереди ребёнок человеком был, сзади – медведь был.

Когда медведь из берлоги вышел, та женщина в стойбище, откуда она родом, пошла.

Медведь ту женщину преследовал.

Братья ту женщину у медведя отняли.

Потом ребёнок зверя большим вырос.

Мать свою, ту женщину, кормил.

Он ей колоды приносил. Дядьям своим медведей приводил.

Тогда мать его, та женщина, к руке ребёнка железо привязала.

Но он все равно ушел, обратно он не пришёл.

Спустя год мать его, та женщина, на пашню одна поднималась.

Когда она по дороге на пашню поднималась, внезапно с земли медведь встал.

Его увидев, та женщина испугалась.

Медведь-ребёнок ходить уже не мог, на дороге мать свою, ту женщину, поджидал.

Медведь-ребёнок, встретив мать, руку ей показал.

Увидев на руке железо, мать его, та женщина, своего ребёнка узнала.

Подойдя, топором железо сняла, то железо в руку ребенка врезалось.

Потом ребёнок-медведь в тайгу ушёл.

ШУЛБАЙ

1. Алында-пурунда Прас иштинде Көбүрсүг пелтиринде Шордың қаны Шулбай чатқан полтыр. Шулбайдың тоғус оол полтыр. Эңне улуғ оғлуның, тун палазының ады Ағоол полтыр. Эңне кичиг оғлуның ады Алабей полтыр. Шулбайдың алған кижизи тың үрде өлген полтыр. Ол қаты өлгеннен ала Шулбай пашқа қат албан чаттыр. Шулбай позу тың улуғ чаштығ кижиз полтыр. Кирбес-шықпас шенинге четтире қары-бертир. Плар ас па көп пе чадыб-одурчыған шеннеринде, чайғы шенде полчаң полтыр. Пир күн анаң көргеннери – четти аттығ ийги кижиз постарының черге келча. Четти аттың қайы аттарыңа чүк тартырып-салтыр, қайы аттары пошқа келча. Ийги адынға постары мүн-салтыр. Ол четти аттығ ийги кижиз парата эжигинге четкеннерде, Шулбайдың ооллары: «Аймақчылар келди!» теп, үдүре чүгүрип шықтылар. Тоғус оол ийги кижизини қолап чөлеп, аттаң тужүрип, эмнеринге ақкирдилер. Шулбай, қар-парған улуғ кижиз қырабатқа ла одурча. Шулбайдың ооллары, аймақчы келгенде, чүгүрикпе чөрүп, мал соғубыстылар, аймақчыларын, эт пыжырып, азырап, арағаба сыйлапчалар. Аймақчыларынаң сурашчалар: «Қайдың чердең келген кижизар? Қайаға парчазар? Рақ пардаар ба, чағын парчазар ба? Ады шолозы кем полчаң? По четти атпа ноо небелери чүк тартып-салғанзар?». Пир кижизиз айтты: «Эзе, қайдан кижиз полааң! Мен чазы чанының қаны поларым, по кижиз маға полушчыған кижиз полар. Қанче ле шор чаннарынаң албан чығып пис чөрчабыс. Шул-

бай кирбес-шықпас шенинге четтире қар-парды. Қанға турчаң шенинең эрте-бертир. Қалықтың ужу-пажын ал полбас. Ам слердиң чердиң қаны менок поларым. Қанче ле чыған албаннарыңны маға чыл пажында төлеб-одураарзар. Парчын чыл пажында мен слерге элчи, қайы шенде келчеңибисти айдып, ызыб-одураарым(1).

ШУЛБАЙ

1. Прежде, в старину, на реке Мрассу, у устья реки Кабырзы, шорский хан Шулбай жил. У Шулбая было девять сыновей. Имя самого старшего сына, первенца, было Агоол. Самого младшего сына имя было Алабей. Жена Шулбая очень рано умерла. После того, как умерла его жена, Шулбай никого в жены не брал. Шулбай был уже сильно старый человек. Он состарился и дошел до такого состояния, что не мог ни войти, ни выйти. Много ли, мало ли они так жили, как-то летней порой, глядя из окна, увидели они едущих в их землю двух людей с семьёю лошадыми. На некоторых лошадях вьюки навьючены, некоторые лошади свободными, ненавьюченными идут, на двух конях сами люди верхом едут. Когда те двое людей с семьёю лошадыми достигли ворот, сыновья Шулбая со словами «Гости приехали!» выбежали им навстречу. Девять сыновей тех людей за руки взяли, поддерживая, спустили с коней и в дом их ввели. Шулбай, состарившийся человек, на кровати сидит. Когда гости вошли, сыновья Шулбая тут же бегом – на подворье, закололи скот. Сварив мясо, они гостей кормят и водкой угощают. У гостей спрашивают: «Вы что за люди, из какой земли приехали? Куда вы едете, далеко ли ехали, близко ли вы отправляетесь? Какое имя ваше? На этих семи лошадях что за вещи вы навьючили?» Один из приехавших ска-

зал: «Вот какие люди мы будем! Я – хан из степи, а этот человек – мой помощник. Мы ходим и со всех шорских ханов собираем албан (дань, налог). Шулбай состарился до того, что не в состоянии ни войти, ни выйти. Он уже миновал то время, когда мог быть ханом, он не может больше править своим народом. Теперь ханом вашей земли я стану. Сколько ни соберете албана, мне будете платить по прошествии каждого года. Каждый год я буду присылать к вам посла, чтобы он сообщал вам о времени моего приезда (1).

2. Слер мен келгемче, меең алымға постарының қалықтарыңның албаннарын чығып пелнеп салб-одурарзар. Мен келип, пелен небени алб-одурарым» теп, по пег кижиде айтча. Шулбайдың ооллары айттылар: «Пис позубыстың қалықтарыбыстаң албан пирда албанчабыс!» теп. Чазы чанының қаны айтты: «Мен слерге «албан албанчабыс» перерим! Қайда-қайда мен келгемче, меең алымға албан чығбан-салзар, менең қамчыны маттап чирирзар! Албаннарыңны чакшы чыып-салып, мени сақтаб-одурзар, мен анда чакшыба келип аппарыбыза периб-одурарым!». Шулбайдың ооллары по ийги кижиде сыйла-сыйла келгеннери – үш күнге чеде-бердилер. Ұш күннің паштарында чазы чанының қаны шала эзире-бертир. Эзире-берген шенде пег кижиде айтты: «Албаннарыңны ам төлеп көраар! Қанче ле қалықтаң чыған түк небелериңни тооза ақкеле-бераар! Тооза ақкире-берзар, чакшы, тооза ақкирбезар, мен слердің қамчыба пағрыларыңның эттериңни сыртыларыңа айландыра шабарым!» теп айтты. Шулбайдың ооллары айтты: «Пис позубыстың қалықтарыбыстаң албан албанчабыс, слерге анче албанны қайдаң ал перербис?».

Пег кижиде айтты: «Албаннарыңны ақкираар! Тооза ақкирбезар, менең қамчы чиирзар!». Шулбайдың

ооллары аттылар: «Пистең ноо албан сурапчазың? Позубыстың қалығыбыстың албан алчатсабыс, пирдағы қарышпан ақкире-берар эдибис. Писте пирда албан чок» -тештилер.

Пег кижиде пир сурадоқ, ийги сурады, үжүнчизинде ташқара шыға пас-парған. Эзер пажына ажилған тебир қамчызын шежиб-алып, ақкирди. Пурнада улуйу, Ағоолды, шажынаң қаб-алды. Шағанаң келип, тебир қамчыба сой-чада парды.

Ағоолдың пағрының эдин сыртына айландырды. Сыртының эдин пағрына айландыра шапча. Ағоолдың үстүне кескен кебин тооза тала шапты (2).

2. А вы до моего приезда собирайте с вашего народа албан. Я буду приезжать и увозить заготовленную вами пушнину!» Так говорил этот князь-человек. Сыновья Шулбая сказали: «Ведь мы с нашего народа албана никогда не берём!»

Хан из степи сказал: «Я вам задам за ваши слова "Мы албана не берем!" Если только не соберёте до моего приезда албан, моей плети здорово испробуете! Если меня будете ждать, богатый приготовив албан, тогда и я по-хорошему стану его увозить!» Сыновья Шулбая этих двух людей всё угощали-задабривали, и так прошло три дня. На третий день хан из степи стал немножко хмелеть.

Начавши пьянеть, он сказал: «Ваш албан теперь платите-ка! Сколько собрали с вашего народа пушнины, всё принесите. Если всё принесете – хорошо, если всё не принесете, то мясо с ваших боков переверну на ваши спины – так плетью бить вас стану. А потом стану бить вас, перевертывая мясо с вашей спины вам на грудь!» Сыновья Шулбая сказали: «Мы с нашего народа дани не берем. Откуда мы вам столько албана возьмем и дадим!»

Хан сказал: «Ваш албан несите! Если дань сполна не внесёте, моей плети испробуете!» Сыновья

Шулбая сказали: «Ты от нас какую дань требуешь! Если бы мы собирали дань с нашего народа, то совершенно не спорили бы с вами и, не перечая, дань внесли бы. Никакого албана у нас нет!» Так говорили они.

Человек этот раз спросил, дважды спросил, в третий раз когда спросил, на улицу вышел. Отвязал от луки седла железную плеть и внес её в дом.

Сначала у старшего Акоола мясо с боков на спину сворачивал, потом со спины на бок сворачивал – так бил его. Разрывая плетью одежду, он его бил (2).

3. АҒоол қанче да шаптырча, пирдағы үдүре тудунман шаптырча. Пайағы пег кижиде улуиу АҒоолдың на пажап шапқан, қанче ле оолларды жожада сойыбысты. Кичийи Алабейди эдоқ сойды. Алабей қанче дағы сойдырча, пирдағы үдүре тудунманча. Ұстүнге кескен кебин тооза тыыда шаптырды. Шулбай позу қырабатқа одуруп көрча. Пег кижиде Шулбайға қадылбады. Тоғус оол парчазы сойдырбысқанда, эмнең чүгүриш шығып, түк небелерин ақкирип, салтым ортазынға үгүп сала-бертирлер.

Пег кижиде, түк небени көрүп, асынмысты, айтты: «Слердің қайде по ла шен түк небе полчаң; қанче ле парын тооза ақкираар» теди. Ийгинчизин пайоқ қамчызын алб-алып, АҒоолдаоқ пажап сойуп чада-парды. Тоғус оолды тооза сойыбысты. Кичийи Алабейди сойбызоқ-перди. Парчазы қанче да сойдыр-салып, пирдағы үдүре тудунмадылар. Тоғус оол ийгинчизин сойдырб-алған соонда, пазоқ чүгүрижип шықтылар. Қанче ле пар түк небелерин тооза ақкире-бердилер.

Пайағы пег кижиде көрүп, түк небени асынмызоқ-перди: «Слер пар да полза, тооза ақкирбенчазар» теп, үжүнчизин тоғус оолды пазоқ сойыбысты.

Тоғус оол үжүнчизин сойдырб-алған соонда айттылар: «Эзе, чазы қанның пегиде, өдүрейин тезен,

өдүр-сал! Пазала ақкирчене небемис қалбады!» тештилер. Аны уққан пег кижиде памошнегибе ийгеле түк небени чығыб-алып ашығып, аттарына артыбыстылар. Парарында айтты: «Мен Кондум иштине қанынға ааң албанын аларға парчам. Эзенгиде чылда пазоқ келерим. Мен келгенче, албанны қалығыңнан магтап чып-саларзың; пазоқ по шени ас полза, менен шабышты пеедоқ чиирзар!» теп, позу Кондум иштине парбысты.

Пег парбысқан соонда тоғус оол парчазы үргүништилер: «Қыйалдаң жожадыбыс» теп (3).

3. Акоол, сколько тот его ни бил, никак не сопротивлялся, давал волю себя бить. Начав с Акоола, давешний хан всех до одного сыновей побил. Младшего, Алабея, также бил. Алабей, сколько его тот ни бил, нисколько не сопротивлялся. Надетую на нем одежду хан в ключья растрепал – так бил. Шулбай, сидя на постели, глядел, все видел. Хан Шулбая не тронул. Когда он всех девять сыновей побил, они из дома убежали, внесли пушнину и на середину пола стали её складывать.

Человек тот, взглянув на пушнину, нашёл, что мало её. Он сказал: «Неужели у вас и есть всего столько пушнины! Сколько есть – всю принесите!». Так сказал он. Вторично взял давешнюю плеть и, начиная опять с Акоола, принялся бить всех по очереди. Всех девять сыновей избил. Младшего, Алабея, тоже бить стал. Все они, как их ни били, нисколько не сопротивлялись. Девять сыновей после того, как их во второй раз побиили, опять из дома убежали. Сколько ни было у них пушнины, всю вносить стали.

Хан тот посмотрел и опять нашёл, что мало пушнины. «Хотя у вас и есть пушнина, вы не всю приносите!» – говоря так, в третий раз девятерых сы-

новой избил. Девять сыновей, когда их в третий раз побили, сказали: «Так, хан степной стороны, если хочешь убить - убей! Но чтобы ещё принести, – не можем: у нас больше ничего не осталось!» Так они говорили. То услышав, этот человек вдвоём с помощником пушнину собрали, вынесли и на лошадей навьючили. Но прежде чем уехать, он сказал: «Я еду к хану, живущему по речке Кондоме, чтобы взять с него дань. На следующий год я опять приеду. До тех пор, пока я не приеду, вы с вашего народа албан как следует соберите. Если опять так же мало будет, от меня побои опять получите!» Так говоря, он отправился на реку Кондому.

Когда хан уехал, сыновья Шулбая обрадовались, сказали: «От большой беды избавились!» (3).

4. Шулбай қырабатқа одур-келип, айтты: «Эзе, тоғус оғлум, по шен пегчекке қайде кўштерин албан пееде сойдырчазар? Мен Шулбай пурунғу шенимде ползам, по шен пегчекти сыраңай шертерге четпезоқ эди. Пазазының кўжи албазын! Сен, Ағоол паламны, санағам мен Шулбайоқ шени чайалды теп, қайде үдүре тудунып көрбенчаң. Қайде шен кўжиң албачаң полған, Ағоол палам?!»

Мен, Шулбай, слерди шапчығаныңны көрүп, тур-келип шабарға сананғам. Сыраңай өдүре шаб-албазын теп, қоруғып тоқтап-пардым». Тоғус оол пирдағы небе айтпан пазыжып чөрчалар.

Плар чада-чада келгеннерде, чыл чағынажып-одур. Пайағы пеглериниң келер шени чедижип-одур. Тоғус оол пазоқ сағышражып чөре-бердилер, пазоқ ол қыйалға қайде шаптырчаң полған теп.

Пайағы пег пларға элчи ыстыр. Шақ-ол темде, андығ күнде Көбүрсуғ пелтирине чедерим. Мен четкемче, мал аңнарыңны тооза чығып пелен сақтаб-одураар, теп айтыр.

Тоғус оол постарының қалығынаң пирда албан чығбадылар. Постарың на аңнап тапқан көп эбес тук небе полған. Пегдин келер шени чедиб-одурғанда, плар мал соғуп, араға шыбап, пелненип-салдылар.

Пир күн көрзелер, пайағы пег памошнегибе ийгеле четти атпа келчалар. Четти аттың қайзында чук тартырып-салтыр, қайы аттары пошқа келчалар.

Пону көрүб-алып, тоғус оол үдүре шыға чүгүрдилер.

Пеглерин аттаң қолап чөлеп түжүрип, эмге ақкирдилер. Ақкирип, усталдың түбүнге одуртуп, ашпа табақ салып, азырапчалар. Араға перип сыйлапчалар.

Сыйла-сыйла келгеннерин – үш күнге чедок пердилер. Ұш күнниң пажында пег памошнегибе эзиризе-бердилер (4).

4. Шулбай же, сидя на кровати, сказал: «Итак, мои девять сыновей. Как это у вас не хватило силы и вы дали себя бить такому незначительному начальничишке! Если бы я, Шулбай, был в прежнем моем состоянии, одного моего щелчка и то было бы много для такого ничтожного начальничишки! Ну, пусть у других, у остальных, не хватает силы! А у вас?.. Про тебя, дитя мое, Акоол, я думал, что ты сотворен таким же, как я, Шулбай! Почему тебе не попробовать сопротивляться? Неужели у тебя силы не хватит, дитя мое, Акоол? Когда я, Шулбай, смотрел, как они вас плетью бьют, то хотел встать, чтобы их ударить, но не решился, побоялся, что одним взмахом не смогу их уничтожить!» Девять сыновей, ничего не отвечая, взад-вперед прохаживаются. Они жили-жили, год к концу приближается. Настает время, когда давешний хан приехать должен. Девять сыновей в раздумьи похаживать начинают, думая о том, как этот проклятый опять их бить будет. Давешний хан опять к ним посла прислал: «В

такое-то время, в такой-то день приеду к устью реки Кабырзы. К моему приезду вы соберите, приготовьте ваш албан и меня ждите!». Так он наказывал. Девять сыновей со своего народа никакого албана не собрали. У них была пушнина, ими самими на промысле добытая. Когда стал приближаться срок приезда хана, они закололи скот, выгнали водку и приготовились к встрече. Однажды посмотрели и увидели: давешний хан вместе с помощником, с семьёю лошадьми, едет. На одних лошадях вьюки навьючены, другие лошади порожними, ненавьюченными, идут. Это увидев, девять сыновей навстречу им побежали. Они взяли ханов за руки, поддерживая, спустили их с коней и в дом ввели. Введя, усадили их за стол, еду-питьё поставив, их кормят. Подают водку, угощают. Угощали-угощали, стало проходить три дня. На третий день хан с помощником пьянеть стали (4).

5. Пег айтты: «Чыган албаннарыңны канче ле парын тооза ақкирип көраар». Тоғус оол айттылар: «Пис қалығыбыстаң албан албанчабыс. Пазоқ саға ноо албан төлечен полғанмыс». Аны уққан пег шығып пайағоқ тебир қамчызын ақкирди. Улуйы Ағ-оолдаң пажап, сой чада-парды. Тоғус оолды пожада сойубусты. Алабейди сойбызоқ перди. Ооллар канче да сойдыр-салзар, пирези да үдүре тудунманчалар. Пег кижі Шулбайға қадылбады.

Шулбай пыларды көрүп, қырабатқа ла одурча, пирда небе айтпанча. Ооллар парчазы сойдырыб-алғанда, шыға чүгүрибистилер. Қанче ле аннап тапқан тук небелерин тооза ақкеле-бердилер.

Пег кижі пону көрүп, асынмызоқ-перди. Игинчизин тоғус оолды пожадоқ сойыбысты. «Қайде тук небелеринң пола шен полчан полған, тооза ақкираар!» теп. Ооллар айттылар: «Керек өдүре шап-сал, паза ақкирчен небелес чок!-тештилер. Пег памош-

нигибе тук небени суғыб-алып ашық, аттарынға артыбыстылар.

Пег парарында айтты: «Эзенги төөнче чакшы албанны чығып-салып сақтабазаар, менен шабышты менен тыоқ көрерзар».

Пег памошнегибе аттарына мұниб-алып, Кондум иштининң чанынға албан аларға парбыстылар. Пег парбысқан соонда ооллар пазоқ үргүнижип чөре-бердилер.

Шулбай айтты: «Эзе, Ағоол палам, қайде пееде үдүре тудунман сойдырчан, мен санағам, сени меноқ шен чайалған полар теп, қайде сеен күжиң албачан полған!

Мен Шулбай алында шенимде ползам, по шен пегчекти сыраңай шертерге четпезоқ эди. Тур-келип шабызарға ийги-пир санап, тоқтадым, сыраңай шап күжим албан қалар теп, тоқтабыстым».

Тоғус оол пирда үн шығарбан чөрдилер (5).

5. Хан сказал: «Собранный вами албан, сколько ни есть, весь внесите-ка!» Девять сыновей сказали: «Мы с нашего народа албана не берем! Какой албан еще платить должны опять тебе?» То услышав, хан вышел, давешнюю железную плеть внес. Начиная со старшего, с Акоола, опять принялся их избивать. Всех девять сыновей избил. Алабея тоже бить стал. Сыновья, сколько их ни били, не сопротивлялись. Хан Шулбая не тронул.

Шулбай, на них глядя, на кровати сидит, ничего не говорит. Сыновья, после того как их поколотили, побежали. Сколько ими промышлено было пушнины, всю взяли и внесли. Хан взглянул на нее и опять нашел, что мало. Во второй раз сыновей всех до одного избил. «Сколько есть у вас пушнины, всю принесите!» – говорит.

Сыновья сказали: «Хоть до смерти убей, нет у нас пушнины, чтобы еще тебе принести!» Так го-

ворили они. Хан с помощником пушнину собрали и, вынеся, на лошадей навьючили. Перед отъездом хан сказал: «Если и на следующий год хорошего албана не будет собрано и не будете меня ждать, от меня побои еще сильнее теперешних увидите». Хан с помощником на лошадей сели верхом, к хану на реку Кондому, чтобы тоже взять дань, отправились. После того, как они уехали, сыновья Шулбая обрадовались.

Шулбай же сказал: «Так, мое дитя, Акоол, как это ты дал себя бить, не сопротивляясь! Я думал, ты будешь сотворен таким же, как и я. Как может у тебя не хватить силы? Если бы я, Шулбай, был в прежнем моем состоянии, для такого ничтожного хана много было бы даже моего щелчка! Хотел было я встать и побить их, но один раз, два раза подумал и остановился. Я остановился, посчитав, что у меня не хватит силы сразу убить их!»

Девять сыновей, выслушав отца, звука не проронили (5).

6. Чада-чада келгенерде, чыл чедок-перди. Чыл чедиб-одурған туштарында пазок сағыштажып чөре-бердилер. Пеғ пазок элчи ыстыр: ол шенде чедерокпыс; албаннарын чақшы чығып чақтазыннар теп, айттыр.

Аны укқанарда, пазок араға шыбап, мал соғуп, ашпа табақ пелнеп-салып, қадарок-пердилер. Шақпо келер ооллары пола-бергенде, Шулбай айтты: – Эзе, Ағоол палам, сен чоктағ шабарға пар! – теди.

Абазы айтқанда, Ағоол чоктағ шабарға суғ қажынға парбысты.

Ағоол чоктағ шабарға пардоқ, пайағы пеғлери четти атпа четтилер. Пону көрүп, сегис оол үдүре шыға чүгүрип, қолап, чөлеп, аттаң түжүрип, эмге аккирип, усталдың түбүне одуртылар, араға перок-пердилер.

Пеғ айтты: «Түк небелериңни табырақ аккираар, мен парарға маңзырапчам» теп, сегис оолды пазок сойа-чада парды. Сегис оол чүгүрип шықтылар. Қанче ле пар аннап тапқан түк небелерин тооза аккире-пердилер.

Пеғ кижиде айтты: «Қайде по ла шен полчаң» теп, ийгинчизин пазок сой-шықты. Пеғ ийгинчизин сойып, паза ла небе аккирбеннерде, түк небелерди чыыб-алып ашығып, аттарына артыбысты. Пеғ кижиде аттарынға мұниб-алып, парарда сурады: «Ағоол қайаға парған?» теп.

Ооллар айттылар: «Ағоол қайаға парзын, чоқтағ шабарға суғ қажына эн парған.

Аны укқан пеғ тарынмысты: «Ол парнақ қайдаң тапқан мен элчи ысқан үстүнге мени тоолабан, мени сақтабан чоктағ шабарға парарға? Мен элчи ысқан үстүне меең келеримни пилбедин чи?!».

Пеғ кижиде аттаң түшпеди. Ағоолды шажынаң қаб-алып, эзер пажына шығара тартыб-алып, тебир қамчызыба сой-чада парды (6).

6. Жили-жили, срок опять стал подходить. Когда настало время – год прошел, опять, раздумывая, ходить стали. Хан снова через посла своего велел сказать: «В такое-то время мы приедем, пускай албан хорошо соберут и нас ждут!» Когда сыновья о том слышали, снова водку выгнали, скот закололи, опять стали ждать неминуемого. Когда подошло время приезда хана, Шулбай сказал: «Так, дитя мое, Акоол, иди ловить рыбу!» Так он сказал.

Когда отец так сказал, Акоол пошел к берегу реки ставить закол.

После того, как ушел Акоол, давешний хан с семьей лошадьми приехал. Его увидев, восемь сыновей навстречу выбежали, за руки схватили, подерживая, с лошади спустили, введя в дом, за стол

усадили. Стали водку подавать. Хан сказал: «Живо пушнину принесите! Я тороплюсь ехать!». И опять принялся восемь сыновей бить. Восемь сыновей бегом выбежали. Они стали вносить всю пушнину, добытую ими на промысле.

Хан сказал: «Неужели у вас столько и есть!» – так говоря, вторично их бить начал. Когда хан вторично их побил и когда они все же не стали больше приносить пушнину, он собрал принесенную ими пушнину и на лошадей ее навьючил.

Но перед тем как уехать, спросил: «Акоол куда ушел?» Сыновья ответили: «Вот куда ушел Акоол! Он спустился на берег реки, чтобы рыбу ловить». Услышав о том, хан рассердился и сказал: «Как тот негодяй посмел, несмотря на то, что я прислал посла, меня не дожидаться? Как он посмел спуститься к реке ловить рыбу? Если я его встречу, я его вконец изобью!».

Хан даже с коня не слез, Акоола за челку схватил, на луку седла втащил и железной плетью бить стал (6).

7. АҒоолды шаба-шаба келгени – АҒоолдың пир үнү черде полча, пир үнү тегриде полча. АҒоол анаң көрүнмискени – қамчы теген черинең кезектиғ эттер тозушча.

Аны ла көриб-алып, АҒоол тарынмыза-берди. «Шынап та полза, мен үдүре тудунман, нооға пееде шаптырчаң полғам!» пеғдиң қамчызының пилегин үзе тартыб-алды.

АҒоол пеғди қаб-алып, ат пажынаң аңдара тартыб-алды. Черде тўндере сал-салып, пеғди сой чада-берди. Пеғ АҒоолды тудунайын тезе, тудунып полбанча; қабынайын тезе, қабынып полбанча. Поны көрўп, пеғдиң памошнеги чўгўрип келди. АҒоолды қапты. АҒоол памошнегин қаб-алып, пеҒе қошта сал-келип, мўн-салып, ийгилезин сой-чада парды.

АҒоол пларды сойа-сойа келгенин – үннери шышқан шени шыйықтажа-бердилер. Пеғ шышқан шени шыйықтап айтты: «Эзе, АҒоол чўче ле пожада пер, айтчаң эрбегимни айда-берейин». АҒоол чўче пожада-берди. Ийилезинге орта мўне одур-салды.

Пеғ айтты: «Эзе, АҒоол, по шен кўштиийиңни пилбедим. Сеең алыңа мен шен кижиде қан эбес полтырым! По четти атқа арт-салған тўк небестиде аттарыба переең! Пистиң тыныбысты ла артыза-бер. Паза сеең қолыңа мен паспайын! Меең чолыма сен паспа! АҒоол айтты: «Тоқта, пеғ, ўш чыл шапқан өдўшти нандырыбызайын! теп, шабоқ шықты. АҒоол шаба-шаба келгени – ийгилезиниң үннерин үзе шабысты, ўле тўжўш пардылар. АҒоол ийгилезин пожада шабыза-берип, таштап-салды.

Ол арада қаннары мал соққан шенок чайыл-қалды. Позу пир адынға мўнм-алып, өске аттарын чедекке алып, нанмысты.

Шулбай көзнекке көргени – пайағы четти ат нандыра келб-одурча (7).

7. Когда бил он Акоола на земле, крик Акоола был на небе. Акоол взглянул на себя со стороны: с тех мест, которых коснулась плеть, мясо кусками отваливается.

Лишь только это увидел Акоол, рассердился. «На самом деле, зачем даю себя так бить!» Плеть хана схватил и рукоятку плети вырвал. Схватив хана, Акоол его через голову коня свалил и потащил. Положа на землю вниз лицом, принялся хана стегать. Хан хотел Акоола схватить, но схватить не может, удержать не в состоянии. Это увидев, помощник хана подбежал и Акоола схватил. Акоол помощника рядом с ханом бросил, сев на них верхом, обоих стегать принялся. Акоол их стегал-стегал. Они стали визжать, словно мыши.

Хан, завизжав, как мышь, сказал: «Так, Акоол, чуть освободи-отпусти, слова хочу тебе сказать!» Акоол чуть-чуть его освободил, на них обоих верхом сидя.

Хан сказал: «Так, Акоол, я не знал, что ты настолько силен! Для тебя такой человек, как я, — не хан! Нашу пушнину, навьюченную на этих семи лошадях, вместе с лошадьми отдадим мы тебе! Наши души ты пощади! Больше на твой путь не ступлю я! На мой путь ты не вступай, Акоол!»

Акоол сказал: «Подожди, хан, верну я тебе долг, отомщу я прежде тебе за то, что ты меня три года бил!»

Так говоря, опять бить принялся. Акоол бил их до тех пор, пока их голоса не прервались, пока они, обессилев, не свалились. Обоих их совсем избил и бросил Акоол. На том месте столько крови осталось, словно скот резали. Он сам на одну лошадь верхом сел, других лошадей за повод взял и домой возвратился.

Шулбай из окна глянул: давешние семь лошадей возвращаются (7).

8. Шулбай сананды: пег пазок келча теп. Анаң көргени — Ағоол палазы пир адына мүн-салтыр, өске аттарын чедекке ал-салтыр. Шулбай пону көрүп, қатқыра-берди. «Мыны көрзаар, оолларым, мен айтқам — Ағоолдың күжү алар ла» теп. «Ағоол четти атты по ақкелчитқанын көрзең!» Ағоол эмге киргенде — Шулбай қатқырарын на қатқырча: «Ағоолдың күштүйин алындок пилгем» тепча.

Иир саара парып, көргененерин: пегбе памошниги чатқан черлери пар, парған черлери чоғул.

Плар абырға кирип чада-бердилер. Пирда кижии албан келип сурабанча, пирда кижии келип пларды сойбанча. Шулбайдың сегис оғлу кижии алған полтыр. Шулбай сегис келинниң полтыр. Кичийи Алабей кижии албан постаң полтыр.

Чада-чада келгеннерде, қанче-қанче чыл эрткен соонда Шулбай чадып өлер шени чеде-бертир. Шулбай ағры-бертир. Шулбай пир күн айтты: «Эзе, тоғус оғлум, сегис келим, мени эбире одураар; өлгемче, айтчаң эрбегимни айдып-перейин».

Тоғус оғлу, сегис келини Шулбайды эбире одурбыстылар. Шулбай айтты: «Эзе, тоғус оғлум, сегис келим, мен Шулбай адым пир ле черде полып қалар. Мен силерди тоғус суғдың қажынға, тоғус тасқыл тözүнге тарадарға этчам. Силер тоғус суғдың қажынға, тоғус тасқыл тözүнге тарап парзаар, меен Шулбай адым парчын черде полар» теди. Тоғус оғлу, сегис келини: «Чарар!» тештилер.

Шулбай улуйу Ағоолды Шобут теп чулаттын қажынға ысты. Тебир тыттын тözүнге чадарға ысты. Кичиғ оғлу Алабейди позуба Көбүр-суғ пелтиринде артысты. Анаң өске четти оғлун, четти келинин пашқоқ черлер айда-берип, четти чара ызыбысты. Алабейбе Шулбай ийгеле қалдылар (8).

8. Шулбай сам про себя подумал: «То хан опять приезжает». А это его сын Акоол на одной лошади верхом едет, других лошадей за повод держит. Шулбай, то увидев, расхохотался: «Вот, мои сыновья, смотрите. Я говорил, что у Акоола уж силы хватит. Смотрите! Акоол семь лошадей приводит!» Когда Акоол в дом вошел, Шулбай продолжал хохотать! «Я давно знал, что Акоол сильнее!» К вечеру пошли смотреть: следы, где лежали хан и его помощник, есть, а куда отправились они — следов нет.

Они спокойно жить стали. Никто не приходит у них албан требовать, никто не стегает их. Восемь сыновей Шулбая женились. Стало у Шулбая восемь невесток. Младший из его сыновей, Алабей, не женился, холостым был. Жили они так, жили, прошло много лет, наступило время Шулбаю умирать. Стал Шулбай болеть.

Однажды Шулбай сказал: «Так, девять сыновей моих, восемь невесток моих, кругом меня сядьте! Пока не умер я, слова мои, которые я должен сказать, да скажу я!» Девять сыновей и восемь невесток вокруг Шулбая сели. Шулбай сказал: «Так, девять сыновей, восемь невесток, когда я, Шулбай, умру, вы все здесь не оставайтесь. Если вы все здесь только жить станете, мое, Шулбая, имя, только в одном месте останется. Я вас хочу расселить по берегам девяти рек, по подножьям девяти хребтов. Если вы по берегам девяти рек, по подножьям девяти хребтов разойдетесь, мое, Шулбая, имя повсюду будет!» Так сказал он. Девять сыновей, восемь невесток: «Хорошо», — разом ответили.

Шулбай старшего, Аकोола, отправил жить на берег реки, называемой Шобут, к основанию железной лиственницы. Младшего сына, Алабея, у себя оставил при устье реки Кабырзы. Других семь сыновей, семь невесток, указав им различные земли, на семь сторон отослал. Алабей и Шулбай вдвоем остались (8).

9. Тың да ұр чатпадылар. Шулбай ағрып өлбисти. Шулбай абазы өлбискенде, Алабей Шулбайды чазап чығып-салды. Алабей чағысқа чат-қалды. Ас чатты ба, көп чатты ба, пир шенде одур-келип, сананды: «Мен по черде чағысқа қалып, нооға чадарым! По чер үстүнің қанче ле қаннарын тооза олчаға алып, тооза албаннарын чығайын! Чақшыба келишкен қаннардың тыннарын артызып-одураарым; чабалға парған қаннарды өдүр-салып парб-одураарым. Пурнап өш перген өдүштүйимни таб-алып, аны пажап қырып парарым теп, Алабей эмнең шыға пазып парбысты.

Көбүрсуғ пелтири қарақтаң үзүле перген соонда Алабей туруп сананды: «По мен эмнің иштин қайде

маттап тооза көрбен парчам. Ажа айтта абам Шулбай қан полған кижиниң пир небе пар полар теп, сананды. Алабей эде сананып, эмине нандыроқ келе-берди. Эмнің иштин көрүп чөргенин — пир эски ирикте-берген қара сундуқ чатча: қара сундуқтың күлүжи чоғул. Алабей анаң тилеп чөргени — абазының төжегиниң алтынаң қара сундуқтың күлүжин тапты. Қара сундуқты анаң ажыбысқаны — үстүнде абазының қызыл куйақ чатча. Қызыл куйақты алыб-алып сал-салды. Анаң пазоқ көргени — ақ куйақ чатча. Ақ куйақты алыб-алып салбоқ-салды. Пазоқ көр көргени — пөрүкпе өдүк чатчалар. Анарды алб-алып, салбоқ-салды. Алабей абазының өдүгин кезип, иштинге қызыл куйағын кезип, үстүнге ақ куйағын кести. Пөрүк кезибоқ-алды. Алабей айтты: «Пееде миндиғ кептер кес-салғамда, по чер үстүне көп қан, көп пий полбазын, тооза пазыбайын! Чағыс Алабей мен не полайын!»

Анаң аара Алабей эмнең шығыб-алып парыбысты. Анаң парчадып, чымчақ черди шөгүре пазып парча.

Алабей пара-пара келгени, Шобутқа черге Ағоол ачазынға келди. Ағоол ачазы тебир тыттың төзүнге чатчыған полтыр (9).

9. Недолго они пожилы. Шулбай заболел и умер. Когда Шулбай умер, Алабей похоронил его. Алабей остался жить в одиночестве. Мало ли жил, много ли, но однажды он встал и сам про себя подумал: «Зачем я один в здешней земле жить буду? Всех ханов, на этой земле живущих, в плен возьму и с них албан стану собирать. Души тех ханов, которые мне покорятся, буду щадить, тех ханов, которые против меня пойдут, убивать стану. А сначала причинившего мне зло должника найду, его прежде всего я погублю!» Так говоря, Алабей из дома вышел и пошел.

Когда устье Кабырзы стало из глаз его скрывать-ся, еле видно было уже, Алабей, стоя, сам про себя подумал: «Почему внутри дома я все хорошо не поглядел? Как это я ухожу, а в доме все хорошо не поглядел? Как это я ухожу, все в доме хорошенько не пересмотрев? Может быть, у моего отца Шулбая, так как он был ханом, что-нибудь и есть!» Поразмыслив так, Алабей снова назад пришел. Когда он все внутри дома просматривал, то увидел один старый, начавший уже гнить, черный сундук. Но от черного сундука ключа нет. Тогда Алабей продолжил поиск и нашел под постелью отца ключи от сундука. Открыл черный сундук: сверху отцовские красные доспехи лежат. Красные доспехи вынул. Снова взглянул в сундук – белые доспехи лежат. Белые доспехи взял. Опять поглядел – шапка и сапоги лежат. Их взяв, тоже рядом с собой положил. Алабей отцовские сапоги обул. Снизу красные доспехи надел, сверху белые доспехи надел. Алабей сказал: «Поскольку я такую одежду надел, да покорю я всех ханов на поверхности этой земли, много ханов пусть не будет, пусть будет только один хан – я, Алабей!». Потом Алабей вышел из дому и пошел. Идет он и, ступая, продавливая мягкую землю. Дошел так Алабей до реки Шобут, к старшему брату своему Акоолу пришел. Его старший брат Акоол у основания железной листовницы жил (9).

10. Алабей четкенде, Аҫоол ачаза үдүрө чүгүр-шыгып, қолдаң қабып, қолтуқтаң чөлеп, эми не аққирча. «Тунмам келди» теп, Аҫоол тунмазын устолға одуртуп азырап, араға перип сыйлапча.

Ийги қарындаш иже-иже келгеннерде, Аҫоол айтты: «Эзе, Алабей тунмам, абам Шулбайдың қызыл қуйағын мен кесчең полғам. Аларын ундут-салып, келбистирим. Көрзең! Аны сен кезип келтирзиң!».

Аны уққан Алабей айтты: «Эзе, ачам, шынап эде қызыл қуйақты кезерге санағанда, шуруп перейин! Эдоқ ийги қуйақ маға аар! Маға чөрерге ақ қуйақ да полар!».

Аҫоол айтты: «Эзе, Алабей тунмам, пир ле эмнен кезип келерге ундудуп-салғамда, амды сен кес-салтырзың. Сен кес-салған небени энниңнең шурб-аларға чарабас! Қызыл қуйақ сендоқ ползын!».

Аҫоол сурады: «Алабей тунмам, қайдығ черге парыб-одураарзың? Рақ парчаң ма, чағын черге парчаң ма?»

Алабей айтты: «Эзе, ачам, қайдығ черге парайын, по чер үстүнде көп қан, көп пий полбазын теп, қанче ле қаннарды тооза пазарға парчам. Қанче ле қаннарды тооза пазып, албаннарын аларға парчам. Чақшыба албаннын парген қанның тынын артызып парб-одураарым, чабалға парған қаннардың тыннарынға чедип парб-одураарым!».

Пону уққан Аҫоол ақсын чаба тудунды: «Улуғ обал! Тунмам, қайде пееде қудайдың алынға чабал айттың! Пееде парар ползаң, аара парған чолуң пар полар, паза нанчаң чолуң чоқ полар». Алабей ачазыба эзен-менчи суражыб-алып, эмнең шығара пазыбысты. Аҫоол ачазы туда шаба маңнанман қалды. «Эзе, тунмам, нөдерге андығ улуғ эрбекти айт-салып парчазың? Аара ла парған чолуң полар, паза нанчаң чолуң чоқ полар». Алабей ачазының айтқан сөзин уқпан-салды. Алынаң аара парбысты (10).

10. Когда Алабей пришел, Акоол, старший его брат, навстречу ему выбежал, за руки схватил и, под руки поддерживая, в дом ввел. «Мой младший брат пришел!» – так говоря, Акоол младшего брата, за стол усадив, кормит, подавая водку, угощает.

Два брата пили-ели. Акоол сказал: «Так, Алабей, мой младший брат, отца моего Шулбая красные до-

спехи я должен был надеть, однако взять я их забыл. Смотрю, ты их, оказывается, надел!» То услышав, Алабей сказал: «Так, старший брат. Если на самом деле ты их надеть хотел, то я, сняв их, тебе отдам! Да и двое доспехов мне тяжело! Чтобы ходить, мне и одних доспехов хватит!». Акоол сказал: «Итак, Алабей, мой младший брат. Раз я забыл, уходя из дома, ее надеть, а ты теперь ее уже надел, мне надеть тобою вещь с твоих плеч снимать не полагается. Красные доспехи твоими также пусть будут!» Акоол спросил: «Алабей, мой младший брат, в какую землю ты отправляешься? Далеко ли едешь? В близкую ли землю едешь?»

Алабей сказал: «Так, мой старший брат, в какую землю и почему я еду? На этой земле много ханов пусть не будет! Сколько ни есть ханов, всех покорить я еду! Чтобы, одолев всех ханов, дань с них брать я еду! Души тех ханов, которые по-хорошему дань будут отдавать, я щадить стану, души сопротивляющихся ханов губить стану!».

То услышав, Акоол рот рукой ему закрыл: «Великое несчастье! Младший мой брат, худо ты сказал! Если ты отправишься в путь с таким намерением, обратно тебе пути не будет!»

Алабей, попрощавшись с братом, из дома вышел. Акоол, старший брат, не сумел его задержать. Алабей старшим братом сказанных слов не послушался, дальше продолжал свой путь (10).

11. Алабей пара-пара келгени – пурунгу сойдурған пеглерин парчын сураштырып парча. Алабей сураштырып чөре-чөре келгенде постарын сойған пегдиң черин табып четти. Пегдиң эmine кир-парғаны – пег кижии аны үдүре қапты: «Алабей нанчым келди» теп. Устолдуң түбүнге Алабейди сөртепча.

Алабей айтча: «Тоқта, нанчым, сеең ажы-табағыңны чиирге келбедим! Ош перген өдүштүйинаң перген наныштың, пурунгу өштү сенен аларға келдим». Алабей пайағы пегбе көп эрбектешпеди. Чаға төжүнең қаб-алып, ташқара сөртеп шық-парды. Пегди қаб-алып, сыраңай ла өдүре шабышты. Алабей ийгинчизин эмге кире чүгүргенде, пегдиң қаты, позун өдүрерге кирди теп, сағыжы шық-парды, Алабей айтты: «Эзе, эпчи кижии, сенде қыйалың чоқ! По эрдиң үш чылға шығара сойған өдүшти алчам. Эрин чоқта эриниң орнуна сен қан поларзың. Парчын чыл пажында қалығыңның албанын чығыб-алып, меен чериме четтирип перб-одурарзың!». Пегдиң қаты Алабейдиң сөзүнең шықпады. Мынаң на қарчы эрбектезе, позун өдүрбоқ салғадығ.

Алабей эзен-менчи суражып-алды. Шыға-пазып, алынаң аара парбысты. Алабей чақшыба албаннарын четтирерге айтқан қаннардың тынарын артызып парча; чабалға парышқан қаннарды өдүр-салып, қаттарын қанға тудуп парча. Алабей чөре-чөре келгенин – чазы иштинде төрт қанны пасты. Анаң аара Алабей қазақ қаннарын арлап парды. Қазақ қаннарын қанче-қанче қанны пазыбысқан соонда қазақ қаннары өзере қадыжып чөргүжип, шериф чепсеп, қанче ле күштиғ кижилерди тооза чуғыбысқаннар. Алабейди эбире қанче-қанче қат шериф турғузыбыстырлар.

Алабей шерифди қыра-қыра келгенин оқчаба атқан оқтары Алабейге сырыла-келгенин: Алабей көдүрип чөрип полбас шенде чеде-берген. Позу изиге көйүп пара-чөр (11).

11. Он идет, расспрашивая, где лежит земля хана, который его некогда бил. Нашел, наконец, эту землю.

В дом хана вошел, хан ему навстречу вышел и приветливо его принял. «Алабей, друг мой, пришел!» – так говоря, к столу Алабея тащит.

Алабей сказал: «Подожди, друг, я не пришел твою еду-угощение есть! Вражда-зло возвращается, зло отомщается! Отомстить я тебе пришел!» Алабей с давешним ханом много не разговаривал. Схватил его за ворот-грудь, наружу, во двор, поволок. Ударил его и с одного взмаха убил.

Когда Алабей вторично в дом вбежал, жена хана сознания лишилась, подумала, что он пришел и ее убить.

Алабей сказал: «Так, женщина, на тебе греха нет! Твоему мужу я отомстил за то, что он в продолжение трех лет меня бил. Раз нет твоего мужа, ты вместо мужа ханом будешь.

Каждый год, собрав с твоего народа дань, в мою землю эту дань доставлять станешь!» Жена хана не противоречила Алабею. Если бы чуть против сказала, и ее также он бы убил. Алабей распрощался. Выйдя из дома, дальше отправился. Алабей едет, оставляя в живых тех ханов, которые обещают доставлять ему дань. Он едет, убивая сопротивляющихся ханов и ставя ханами их жен.

Так шел-шел Алабей, уже четырех степных ханов он покорил. Оттуда дальше Алабей промеж русских ханов пошел. После того, как одолел он несколько русских ханов, русские ханы промеж себя бумагу передавать стали. Вокруг Алабея в несколько рядов войско они выстроили.

Алабей войско уничтожал-уничтожал, но выпущенные из луков стрелы до Алабея долетали и в него вонзались. Алабей доходить стал до такого состояния, что не мог больше выдержать (11).

12. Алабей изиге шыдабаста ла, шерифди таштап, тезип чүгүр-шыкқан. Алабей ол чүгүрип парған озуба улуғ чулат қажынға четкен. Келе ле, пир чулат кире аттыбысты. Алабей, чулатқа чадып се-

ренм-алып, пазоқ қыр-шықты. Қыра-қыра келгени – қанче-қанче тем эрткен соонда Алабей пазоқ изиге терлеп шыкқан. Оқчаба атқан оқтар сырыла-сырыла келгени – пазоқ көдүрип чөр полбас шенде чеде-берген.

Алабей анаң көргени – өттире ле қара тубан тартыл-партыр. Пирда небе көрүнменча. Алабей қара тубанны арлап тезип чүгур-шыкқан. Қайдығ чербе парчығанын позы да пилбенча. Анаң пилгени – мөзүк таға шық-парған ошқаш. Ийги чанап көргени – оймақ ошқаш чабыс түже-пертир. Паза тубанға пирдағы небе көрүнменча.

Алабей анаң көргени – позу тутчыған чердин қырийында чалбақ таш чатча. По чалбақ таш кижидурчаң таш ошқаш. Алабей пас-келип, ол чалбақ ташқа одурбысты. Тың изиге терлеп-партыр.

Серененерге пажындағы пөрүгин қабағынаң өре қажып-салып, тынанып одура-берди. Алабей пөрүгин көдүр-салып, тынанып одурчыған шенде ноо-ноо чердең ақчалыба адыбыстылар. Атқан оқ Алабейдің қабағынға тегип, қабағын тала шап-парды. Алабей чалбақ таштың үстүнге ойда кел-түжүп, аға өл-парды.

Алабей кижиде албан чөрген, анаң төл шыкпан қалды.

Шулбайдың сегис оғлунаң төл чайылыжып, Шулбайдың төллери чайылыжып, Шулбаев теп төли анаң шыкқан полтыр (12).

12. Совсем от жары сгорает. Алабей, будучи не в силах жару вынести, войско истреблять бросил и побежал.

Побежав, до берега большой реки добрался. Как только дошел, сразу в реку прыгнул. Алабей, лежа

в реке, охладился и снова войско истреблять начал. Истреблял-истреблял. Прошло немного времени, и Алабей опять от жары потеть стал. Из луков выпущенные стрелы вонзались в него, вонзались, опять до такого состояния дошел, что не мог больше двигаться. Посмотрел по сторонам – кругом него лишь черный туман расстилается. Ничего не видно.

Алабей среди черного тумана побежал. Через какую землю проходил, он и сам не знает. Потом, когда опомнился, понял: похоже, что он на вершину горы поднялся. В обе стороны посмотрел: нет, оказывается, он в низину, похожую на склон горы, спустился. В тумане опять ничего не видно. Потом, когда Алабей пригляделся, увидел: около того места, где он сам стоит, широкий камень лежит. Этот плоский камень словно бы зовет человека посидеть.

Подойдя, Алабей на этот плоский камень сел. Он сильно от жары вспотел.

Чтобы охладиться, шапку со лба вверх загнул и стал отдыхать. В то время, когда Алабей, приподняв шапку, сидел и отдыхал, откуда-то из лука выстрелили. Стрела в лоб Алабея попала и кость пробилла. Алабей на плоский камень упал и тут же умер.

Алабей не был женат, оттого у него потомства не осталось.

От семи сыновей Шулбая потомство произошло, потомки Шулбая сотворились.

По имени Шулбая – төл Шулбаевых стал (12).

КОММЕНТАРИЙ

О трех поколениях людей. Рассказал Тенешев Семен Осипович, 1876 года рождения, неграмотный. В 1964 году, когда автором комментария сделана запись легенды*¹, жил в местечке Мечи, что в 10 километрах от рудника Темиртау (Таштагольский район).

Семья Ульгения. Записана Ядринцевым во второй половине XIX века.

О пожаре и потопе.* Записана в 1974 году от Байлагашева Семена Яковлевича, 1903 года рождения, малограмотного, участника Великой Отечественной войны, жителя урочища Белка Чилису-Анзасского сельсовета Таштагольского района.

Оғудум*. Рассказала в 1975 году Уртегешева Татьяна Васильевна в селе Корай (ныне – в черте Междуреченска), 1912 года рождения, малограмотная.

Лось*. **О горе Кильгис*.** Со слов Турушпанова Федора Яковлевича, принадлежавшего к роду Челей. Занимался охотничьим промыслом, был шахтером в селе Байдаевка (в черте г. Новокузнецка). После победы Советской власти в Сибири, в 1922 году, вернулся в родное село Корай, где и сделана запись в 1964 году, когда Турушпанову, по его словам, было около 90 лет. Турушпанов знал много легенд, преданий, песен, любил их исполнять. Несколько его песен записано на магнитную ленту. Неграмотный.

Дразнить – здесь: кричать, чтобы вызвать эхо, «разговаривать» с эхом.

О легендах «Шанчилык», «Кизей», «Кылан» и других их собиратель Вербицкий В.И. пишет, что горы, в представлениях инородцев, «как бы живые

¹ Далее звездочкой будут обозначаться легенды и предания, записанные и переведенные А.И. Чудояковым.

существа, они имеют свою историю: по понятиям инородцев, это бывшие богатыри». Следует сказать, что среди пожилых шорцев такое представление о горах сохранилось до сего времени. Наряду с этим бытует мнение, что у всех гор есть свои «хозяйева» – Тағ-ээзи (тағ – гора, ээзи – дух).

Пүгрү Качай*. Записана от Турушпанова Ф. Я. в селе Корай.

О реках Томь и Мрассу. Записана в 1983 году в г. Мыски студенткой Новокузнецкого пединститута Миковой Марией от Буймова Николая Андреевича, который, в свою очередь, услышал легенду от Тытыша Софрона, шорского писателя.

Поспорили месяцы... (Улуғ-айва Кичиғ-ай)*. Рассказала в 1973 году восьмидесятилетняя Костоцакова Мария Григорьевна. Родилась и провела всю жизнь в селе Корай.

О семиглавом Чельбегене*. Со слов Тунегешева Потапа Ананьевича, 1880 года рождения, неграмотного, из села Суғтағаал (Аил). Тунегешев много лет прожил в Асмане (ныне ст. Осман, Осинниковский район), потом – в Тайлепе (по-шорски – Татылеп), где и записана легенда в 1956 году. Тунегешев – потомственный крестьянин. По его словам, многие шорцы, которые жили в низовьях Кондомы, предпочитали земледелие охоте на зверей. В те годы, когда производилась запись, в Тайлепе жили одни шорцы, был национальный колхоз. Теперь там осталось лишь несколько шорских семей. Тогда шорцы еще хорошо помнили национальные имена. Отца Потапа по-шорски звали Онаш. При беседе автора комментария с Потапом Ананьевичем присутствовал шорский поэт Торбоков Степан Семенович.

Девушка и месяц. Записана в 1940 году неизвестным лицом, хранится в архиве Новокузнецкого краеведческого музея (дело № 107).

О появлении ячменя. Впервые встречается у Дыренковой Н.П.² в примечаниях к «Шорскому фольклору» (стр. 433).

Кызай, Кобый, Кый – названия родов Южной Шории.

В Южной Сибири и Центральной Азии земледелие возникло до н. э. (см. Киселев С.В. «Древняя история Южной Сибири. М., 1951 г.). На древность земледелия у шорцев указывают, в частности, обряды, связанные с теми или иными религиозными представлениями. Ни один ритуал не обходился без применения прожаренного и истолченного ячменного зерна (аш), называемого «талған», или пшеницы (пуғдай), а также продуктов, приготовленных из них. Кропление на промысле совершалось охотниками брызганием абыртки (см. также «Весенний обряд шачығ» в разделе «Духи гор, вод, лесов») – напитка из ячменя или из жареной муки (талғана).

Арака, самогонная водка, перегоняется из поза, приготовленного из ячменя. На могилах во время поминок жгли муку, чтобы ее дымом отогнать злых духов, которые могли «вселиться» в тело живого человека. Известно также национальное блюдо арба, приготовляемое из жареного ячменя и жареных зернышек конопли, истолченных вместе. Когда ели это блюдо, к нему часто добавляли мед.

Красные полосы на камне* (1). Семь девиц плачут (Четти кыстың чажы)*. Рассказал в 1986 году в Мысках Арбачаков Иван Яковлевич, 1907 года рождения, выходец из Южной Шории, из рода Кызай. В Красный Яр (бывшее село, ныне – улица в Мысках) переселился его дед в неурожайный год.

² Некоторые тексты, записанные Н.П. Дыренковой и другими, потребовали нашего вмешательства, поскольку книга предназначена не только для специалистов, но и для массового читателя. Однако этим правом мы старались пользоваться как можно деликатнее. (От ред.)

По семейному преданию Арбачаковых, в год их приезда в низовья реки Мрассу в Горной Шории была засуха. От жары сгорели все посевы. Гонимая голодом, часть населения бассейна Кабырзы ушла из родных мест. Арбачаковых приютили в Красном Яре Кадымаевы из рода Карга. Отец Арбачакова был кайчи – мастер горлового пения. Сын не стал кайчи, но многие предания и легенды, рассказанные отцом, он запомнил. Арбачаков И.Я. – первый комсомолец, почетный гражданин Мысков. Умер в 1987 году.

Фамилия информатора – «говорящая». Она исходит от слова «арба» (см. выше). Возможно, в прошлом Арбачаковы были мастерами приготовления этого блюда.

Следующая легенда о змеях (2) записана неизвестным лицом и сдана в Новокузнецкий краеведческий музей, хранится в архиве (дело № 107). Змеи являются частыми персонажами как сказочной прозы, так и народного эпоса, легенд. Публикуемые в книге легенды о змеях широко распространены в Горной Шории.

Горы Кисмар, Манак, Мрасский порог. Первая и вторая записаны Куликовым А. (см. «По Горной Шории», Новосибирск, 1928 г.). Третья опубликована Вербицким В.И. в книге «Алтайские инородцы» (М., 1893 г.).

Инородцами в документах тех лет часто называли коренных жителей Сибири.

Четвертая и пятая легенды (о Мрасском пороге) записаны неизвестным лицом и сданы на хранение в Новокузнецкий краеведческий музей (дело № 47).

О горе Мустаг. Записана неизвестным лицом, хранится в Новокузнецком краеведческом музее (дело № 107).

Чедыгыс*. Рассказал Таннагашев В.Е. в г. Мыски. Название воспроизведено так, как произносил

это слово Таннагашев. Четти – семь, кыс – девушка. В шорском фольклоре семь – символическая цифра, восходящая к мифическим представлениям.

Семь красавиц. Широко распространенная в Шории легенда. Записана

Г.В. Куспековым. К сожалению, Куспеков не указал фамилий информаторов, от которых он производил записи. Легенда печаталась в Междуреченской городской газете «Знамя шахтера» и стала известна читателям под таким названием.

Черный камень и сосна (Кара ташпа Карагай). Народная легенда, распространена в списках.

Лачын Каязы. Легенду знают многие жители верхнего течения Томи, потому что утес, о котором говорится в ней, находится всего в 14–15 километрах от города Междуреченска, недалеко от него расположен и дом отдыха. При строительстве железной дороги Новокузнецк – Абакан утес частично был взорван, по берегу реки проложили железнодорожную линию. Раньше скала поднималась отвесной стеной от самой кромки воды, выглядела очень величаво. Утес и теперь красив.

Слова «лачын» и «лось» ничего общего не имеют. По-шорски лось – пулан или план. Название утеса не связывается с содержанием легенды. «Каязы» – его скала, а «лачын» – сокол. Видимо, записал В.Г. Куспеков. В настоящее время распространена в списках.

Шайтан накажет. Записала в 1979 году студентка Новокузнецкого пединститута Милицина Е.А. от Тортумашева Ивана Яковлевича, 1915 года рождения, в пос. Шор-Тайга Усть-Кабырзинского сельсовета.

Встреча Карлығана с Томакой. Записал В.Г. Куспеков.

Салҕын – букв. ветер. Хэм – так хакасы и тувинцы называют Енисей.

Тор – дух гор*. Легенды о Таҕ-ээзи* (1). Записаны от Я.И.Чудоякова, 1913 года рождения, жителя села Корай, образование 7 классов, участника Великой Отечественной войны, служащего. После войны часто ездил в горную тайгу на промысел, любил рассказывать разные истории.

Вторая легенда о Таҕ-ээзи записана в 1983 году студентками Новокузнецкого пединститута Мельницкой и Бокаревой от Акуляковой Ксении Васильевны из села Бородино (близ г. Мыски).

Легенду о встрече шорского охотника с Таҕ-ээзи записала Н.П. Дыренкова от представителей рода Карга, проживающих в улусе Карчит. Текст легенды снабжен обширным примечанием, где говорится о том, что основным занятием шорцев были охота и рыболовство, приводится много высказываний путешественников, ссылок на письменные источники конца XVIII, второй половины XIX и XX вв. В более ранних источниках, начала XVII века, на которые Дыренкова не ссылается, указывается, прежде всего, на развитие у шорцев металлургии и кузнечного ремесла. Потапов Л.П. считает, что у народов таежной зоны Южной Сибири, в том числе у шорцев, было многоотраслевое натуральное хозяйство, пишет о триаде: скотоводстве, охоте и мотыжном земледелии (см. Л. П.Потапов, «Географический фактор в традиционной культуре и быте тюркоязычных народов Алтае-Саянского региона» // «Роль географического фактора в истории докапиталистических обществ», Л., 1984 г.). В этой статье известного исследователя, в частности, говорится: «В горной тайге, особенно на промысле, запрещалось петь, свистеть, кричать, ругаться и т. д., так как «хо-

зьян» (дух тайги или горный дух) не выносит шума и ссоры, как и запаха жженого мяса или птичьего пера, горелой одежды и т. п. Разумеется, в основе такого рода запретов лежал многовековой опыт охотников, наблюдавших отрицательное влияние перечисленных действий и запахов, отпугивающих зверя. Следовательно, подобного рода запреты были направлены, в сущности, на охрану зверей..., их естественного существования в привычной для них природной среде» (стр. 141).

«По широко распространенным прежде представлениям, вместе с вещами, принадлежащими человеку, можно завладеть его душой. Вот почему хозяин горы, рассердясь на охотника, просит его шапку или рукавицы» (Дыренкова Н.П., «Шорский фольклор». М.-Л., 1940 г., стр. 393).

Случай, который произошел с ним*. Записана в 1982 году от жителя села Чувашка Напозакова Анатолия Прокопьевича, 1934 года рождения.

Кай-ээзи*. Рассказал в 1978 году Тортобаев Никифор Дмитриевич, 1906 года рождения, в своем родном селе Усть-Мрас (сейчас – в черте г. Мыски). Это известный в Шории кайчи 50–70-х годов. О нем, как о «хозяине кая», писали алтайский фольклорист проф. С.С.Суразаков, его хакасская коллега В. Е. Майногашева См. также статью А. И. Чудоякова «Кай и «Кай-ээзи» в представлениях тюрков Саяно-Алтая» // «Генезис и эволюция этнических культур Сибири», Новосибирск, 1986 г.

Суг-ээзи. Записал в 1984 году выпускник Новокузнецкого пединститута Тудегешев Саша со слов своей матери.

Весенний обряд шачыҕ*. Рассказала в 1989 году Бельчегешева Антонина Семеновна, 1919 года рождения. Жила в селе Чувашка, образование не-

полное среднее, работала продавщицей сельского магазина.

Шачыҥ (от слова «шач\шаш» – кропить, брызгать) – весенний обряд шорцев, в прошлом совершался ежегодно перед ледоходом, представляет собой своеобразную подготовку к переводу скота на летние пастбища после зимнего стойлового содержания. В обряде сохранилась память о едином происхождении домашних и диких животных. Забота о благополучии домашних животных проявлялась в обращении к воображаемым «хозяевам» гор и рек – Таҥ-ээзи и Суҥ-ээзи. Шачыҥ совершался под руководством шачыҥчи, т. е. человека, знающего, как надо выполнять обряд. Чаще всего им являлся потомственный представитель того или иного рода. Например, в селе Чувашка сначала шачыҥчи был дед, а потом и отец А.С. Бельчегешевой. Сама Антонина Семеновна тоже может выполнить обряд. Но не совершает его только потому, что с 30-х годов стали запрещать этот ритуал. В каждом селе были свои шачыҥчи.

«Шорцы сеока Кобый, населяющие левобережье Абакана, до недавнего времени устраивали (раз в три года) общественное моление своей родовой горе Каратагу, находящейся в верховьях р. Мрассу, где жили несколько столетий тому назад их ближайшие исторические предки». (Потапов Л.П.).

Шаман и черти (Камма айналар)*. Рассказали в 1986 году в семье Сербегешева Алексея Гавриловича, проживающей в г. Мыски.

Кӧспекчи*. Рассказал Тортагашев Федор Васильевич, запомнивший легенду от семидесятилетнего Анонаева М.Л. в 60-е годы.

Кӧр. Первая легенда* записана в Корае летом 1968 года со слов Толтаева Дмитрия Назаровича,

1897 года рождения, неграмотного. Раньше Д.Н. Толтаев жил в родном селе Чульжан, потом переехал в соседний улус Корай и прожил там около четверти века. Сказки, легенды и предания он перенял от Семена, брата отца, от П.Н. Амзорова, а также от Очубаева Михаила, который жил в селе Сыркаши.

По преданию, Толтаевы (по-шорски – Толтай) являются древними жителями этого края, потому что, когда в верховья реки Томи пришли люди с Алтая, в Чульжане (по-шорски – Ӗреги аал) они встретились с семьей старика Толтая и стали жить с ней рядом.

Жители Корая об оспе (кӧр) говорили много. Они утверждали, что кӧр – это человек, который ходит среди людей невидимым и сеет оспу, и будто бы его злодеяния остановил один умный шаман. Запись о том, как он это сделал, под названием «Легенда о змеиной горе» (2) мы нашли в архиве Новокузнецкого краеведческого музея (дело № 107).

Третья легенда, о горе Туралыҥ, впервые встречается у В.И.Вербицкого

Кам Коргуш*. Рассказал И.А. Тунегешев в 1956 году в селе Тайлеп. До середины XVII века шорские племена платили дань русскому царю и джунгарскому хану, а до 1703 года временами еще и киргизскому ажо (князю). В легенде рассказывается о событиях, которые могли произойти до 1703 года, когда основная часть населения среднего течения Енисея была переселена в Джунгарию. Подобные события могли произойти и позже, но никак не позднее 1756 года, так как в середине XVIII века Джунгарское ханство перестало существовать.

Чончул*. Рассказал уже упоминавшийся Ф.Я. Турушпанов. О Чончуле было много рассказов. По словам Федора Яковлевича, а также Уртегешевой

Татьяны Васильевны, Чудоякова Ильи Егоровича и многих других, Чончул славился большой физической силой и трудолюбием. Например, о нем говорили, что однажды он нанялся рубить лес на постройку дома. Пока хозяин будущего дома делал зарубки на коре тех лесин, которые надо было срубить на бревна, Чончул свалил топором все деревья, до обеда ошкурил их и приготовил бревна для транспортировки.

Алып-күлүк – честный, мудрый, наделенный большой физической силой богатырь.

Человек-медведь (Апшак палазы)*. Рассказал в 1989 году Апонькин Федор Яковлевич, 1914 года рождения, пенсионер, был учителем Чувашкинской восьмилетней школы, из рода Тоғуз Тас (тоғуз – девять, Тас – название рода), т. е. из рода Девяти Тасов. Этот древний род встречается среди кумандинцев, северных алтайцев.

Апшак – букв. старичок (от апший – старик); более обычное название медведя «апшак» является иносказанием, истинное название медведя – азыҫ. Апшак палазы – букв. ребенок медведя (старика), пала – ребенок.

Рассказ о кашкачаках*. Ас пайа-пайа. Невестка-людоедка*. Из многих легенд о кашкачаках (по предположению некоторых ученых – качинцев) здесь представлены только те, которые имеют наибольшие различия. Все остальные являются их вариантами. «Ас пайа-пайа» извлечена из архива шорского писателя Ф.С. Чиспиякова. Она была записана на шорском языке и названа словами кашкачака, встречающимися в тексте. Переведена на русский язык автором комментария. Видимо, запись этой легенды сделана еще в 30-е годы, когда Ф.С. Чиспияков особенно активно собирал произведе-

ния шорского фольклора. От кого он услышал ее, Чиспияков не указал.

«Рассказ о кашкачаках» и «Невестка-людоедка» записаны в Корае. Первая – в 1972 году от Е.Е. Чудояковой, 1917 года рождения, из села Кольчезас (ныне – в черте города Мыски). Легенда названа так, как ее назвала Чудоякова: «кашкачактардан үчүн эрвеги» (рассказ о кашкачаках). Летом 1972 года родственники ее собрались у костра в селе Корай. Когда все расселись, Чудоякова сказала: «Кашкачактар чилеп одур-салдывыс» (расселись, как кашкачаки). Потом она рассказала легенду о кашкачаках.

«Невестка-людоедка» записана со слов старика Ф.Я. Турушпанова. По словам Турушпанова, легенду о кашкачаках знали все шорцы округа, поэтому он не смог назвать имя того, от кого услышал ее впервые.

Шорцы знали, как и где жили кашкачаки, чем они занимались. Кашкачаки, по их мнению, говорили на языке, понятном шорцам.

Рассказы о кашкачаках можно записать и в настоящее время. Они распространены, например, в селе Чувашка и в других местах Горной Шории.

Ас пайа-пайа – фраза, выражающая сожаление.

Красавица Карагай. Записал Куспеков Василий Григорьевич, учитель истории школы № 6 города Междуреченска, большой знаток родного края, собиратель материалов для создания этнографического музея в Междуреченске. Многие его записи сделаны со слов Майтакова Сидора Ивановича, известного в Северной Шории носителя шорского фольклора, мастера устного рассказа.

Карагай – сосна. Кыр-тегей – название горы в районе села Сыркаши. Кыр – крутой подъем, хребет; тегей – букв. макушка, вершина. На этой горе

долгое время стояла «чагыс карагай» — одинокая сосна. Потом рядом с ней выросла молодая. В годы Великой Отечественной войны их срубили.

Мустукай*. **Мустакай*.** **Золото Мустакая*.** Среди жителей сел, расположенных в низовьях реки Мрассу, особенно Верхнего Тоза, Чувашки, бывшей Курьи, Красного Яра, города Мыски, предания о Мустукае широко распространены. Однако имя героя предания варьируется. В 1969 году Н.И. Карачаков, житель села Верхний Тоз, назвал его Пузукайем, шорский писатель Ф.С. Чиспияков опубликовал в художественном изложении в Мысковской городской газете «Путь к победе» (25 октября 1969 года) «Легенду о Мусотуккае», информатор Е.С. Намышкин в 70-х годах назвал его «Мустукай», а сказитель В.Е. Тоннагашев в январе 1989 года — «Мустакай».

Различные предания о Мустукае являются самостоятельными произведениями шорского фольклора. Будучи объединенными именем героя, они как бы дополняют друг друга.

Арженек — слабый.

Кызыл гая. Записал В.И. Вербицкий. Кызыл — красный, гая, правильнее — кая — скала. Сöök — поколение, род.

Ханское золото (Кучумның карындажы)*. Рассказал П.А. Тунегешев в селе Тайлеп в 1974 году. Шорское название — букв. брат Кучума.

Аба-Тура. Записал А. Куликов («По Горной Шории» Новосибирск, 1928 г., стр. 66).

Челей*. Записана в Мысках в 1987 году от Ф. В. Тортагашева, 1925 года рождения, он, в свою очередь, слышал легенду от М. Л. Апонасова в 60-х годах.

Челей — восходит к теле: теле — челе + й, здесь «й» — звательная форма, «ч» чередуется с «т».

Чышта — принято переводить как «черневые леса» (чыш — чернь, та — там, в черни). Южные шорцы называются чыштанаштар или чыштанастар. По мнению историка

Л. Р. Кызласова, — это таежные асы (озы). О народе аз много упоминается в «Памятнике в честь Куль-Тегина» (С.М. Малов, «Памятники древнетюркской письменности». М.-Л., 1951 г., стр. 33–43).

Асильники — полубогатыри, люди, обладающие большой физической силой.

Орвун, ныне Сыркаши, — пригород Междуреченска.

Шуна-Каан. В Горной Шории преданий о Шуна-Каане много. Здесь публикуется вариант Абокаева Алексея Ивановича, одного из прославленных мастеров горлового пения 30–40-х годов, записанный Ф.С. Чиспияковым в 1938 году. Переведен на русский язык автором комментария. Мною в селе Верхний Тоз в 1969 году также было записано одно из преданий о Шуне от Мижаква Прокопия Алексеевича из рода Челей, 1890 года рождения. В варианте Мижаква вначале рассказывается о поединке Шуны с сыном киргизского хана, потом о его поездке к Петру Великому и об их совместных путешествиях к Черному морю, а также о поединке Шуны с тюркским ханом.

Эпизод жизни Шуны в Öкпене (ныне г. Ленинск-Кузнецкий) у бачатских телеутов и о его поездке по рекам Кузнецкого Алатау автору комментария рассказала в 1976 году М.В. Токмагашева. О том, что Шуна скрылся за абаканской грядой, мне говорил А.Я. Майтаков в 1978 году в Междуреченске.

Из записей В.И. Вербицкого: «Батыр Шюна, являющийся у телеутов баснословным героем, есть интересная, загадочная личность Киргиз-

ско-Джунгарской степи. Он был современником не Алексея Михайловича, а Елизаветы Петровны.

Галдан-Церен, сделавшись Джунгарским контайшоу, стал требовать у Аюки выдачи Шюны; Аюка, боявшийся силы Галдана, хотел уже выдать Шюну, но сестра последнего, будучи женой Аюки, одела Шюну в платье убитого калмыка, а его уговорила бежать на Кубань. Отсюда Шюна поехал в Константинополь, в Петербург и Москву и явился в Башкирию под именем Карасакала², здесь он произвел возмущение 1740 года, удушенное генералом Бахметевым». («Алтайцы. Заметки алтайского миссионера Священника Василия Вербицкого». Томск, 1870 г., стр. 147).

Из записей Валиханова Ч.Ч.: «Шуна, погибший претендент на джунгарский престол, был так любим джунгарским народом, что последний готов был во имя его восстать против тогдашнего хана Галдан-Черена. Джунгарские калмыки часто осведомлялись у русских, не знают ли они, где Шуна? Выбежавший из Джунгарии в 1746 году калмык Монго Усюмов показал русскому хану, что калмыки желают иметь своим владельцем Шуну-батыра, ко-

² К а р а с а к а л (Кара-хан) – предводитель башкирского восстания (1734–1744гг.), направленного против присоединения Башкирии к России. После подавления восстания Карасакал ушел в пределы Казахстана и нашел убежище у бия Казбека в Каркалинской степи. Опасаясь заговора враждебных Казбеку казахских феодалов, Карасакал вскоре покинул и Каркалинскую степь, перешел на Черный Иртыш, где нашел нового покровителя в лице влиятельного вожда найманов батыра Кабанбая. Здесь он остался до своей смерти. (См. «Материалы по истории Башкирской АССР», т. III. М.-Л. 1949, стр. 524–539; Р. Игнатъев, «Карасакал, лже-хан Башкирии». «Труды научного общества по изучению быта, истории и культуры башкир при Наркомпросе БАССР», вып. 2., Стерлитамак, 1922, стр.38–66).

Кабан бай (XVIII в.) – известный казахский батыр, один из вождей и организаторов борьбы с джунгарами. В казахских преданиях его называют Кара-Керей Кабанбай, т. е. Кабанбай из рода Кара-Керей племени найманов (от авт.).

торый будто бы командует русским войском, а если русское войско придет в Джунгарию без Шуны, то калмыки без боя не отдадутся.

В 1848 году у сержанта Комовщикова, бывшего в Джунгарии, один калмыцкий демичи Геден спрашивал о бывшем брате Галдан-Черена Шуне-богатыре, к которому будто бы желали идти в подданство нойоны Дебачи и Эмакули, из которых первый бежал из Джунгарии в Киргизскую степь».

Кузук и Казын. Рассказал в 1985 году Тартаимов Гавриил Степанович, 1916 года рождения, при встрече со школьниками в городском музее Осинников, записала А.В. Бакирова.

Кузук, Казын – шорские имена.

Терсу (Терсь) – название реки, правого притока Томи.

Сүртке – волокуша из шкур зверей, мешок.

Озағат – трава, высушивается, используется вместо портянок.

Чурт – село.

Легенды и предания с параллельными шорско-русскими текстами

Легенды о том, как птица научила людей добывать огонь, перепечатаны из книги Н.П. Дырнковой «Шорский фольклор» (М.-Л. 1940 г.). Ее записи выглядят лучше и полнее, нежели пурунғу чоок подобного содержания, собранные нами, где отсутствует информация о сотворении гор, воды и человека.

Верхнетомские шорцы запрещали убивать журавля и есть мясо этой птицы. Возможно, что этот запрет связан с представлениями о той роли, кото-

рую она сыграла в жизни людей. Вполне вероятно, что журавль был тотемной птицей некоторых местных племен.

Первая легенда записана от представителя рода Карга, вторая – в роде Четтибер (село Томазак, ныне – в черте г. Мыски). Каргинцы проживали в Южной Шории, четтиберы – в Северной. Следовательно, эти легенды были распространены по всей Шории.

В 30-х годах, когда Н.П. Дыренкова собирала здесь произведения фольклора, шорцы редко пользовались спичками, они добывали огонь так, как рассказано в легенде. Продолжал использоваться и другой, более древний способ: шаманы, например, в силу стойкости религиозного сознания добывали огонь трением.

Алгутик-богатырь. Записала Н.П. Дыренкова в селе Сыркаши (Орвун) от представителей рода Челей. Согласно преданию, Алгутик жил на Кондоме. В записях

В.И. Вербицкого персонаж называется Ольгудек. Оба выдаются за праотца шорцев. Встречающиеся у Вербицкого «Подвиги Ольгудека» («Патно гаязы») и легенду «Алгутик-богатырь» можно с полным правом считать двумя разными преданиями. Сейчас в Шории ежегодно проводится праздник «Ольгудек» – соревнования в силе, ловкости, меткой стрельбе.

Та женщина... Записала Н.П. Дыренкова в роду Кобый в верховьях реки Мрассу. Текст легенды сопровождается обширным примечанием Дыренковой, где приводятся сведения о шорских пашнях. Однако «(Кыраға) шыккан» Дыренковой перево-

дится, как «поднималась, шла на гору». Но правильнее: «поднималась на пашню». Кыра – пашня (на горе, место, освобожденное от леса).

Шулбай. Записала Н.П. Дыренкова в улусе Томазак (ныне в черте Мысков). По ее словам, другой вариант этого предания записан в роду Кобый, у төля (семьи) Шулбаевых, в верховьях Кабырзы. (См. «Шорский фольклор», М.-Л., 1940 г.). В примечаниях далее Дыренкова пишет подробно о сборах дани с шорских крестьян джунгарскими князьями, приводит данные, извлеченные из исторических письменных источников начала XVIII века, а также объясняет шорский термин «төл» ссылками на записи Радлова, Вербицкого и Андрианова.

СОДЕРЖАНИЕ

О профессоре А.И. Чудоякове и его книге шорских легенд и преданий	5
ГОВОРЯЩИЕ КАМНИ РОДИНЫ	10
ВОЗНИКНОВЕНИЕ МИРА	21
О ТРЕХ ПОКОЛЕНИЯХ ЛЮДЕЙ	22
СЕМЬЯ УЛЬГЕНЯ	22
О ПОЖАРЕ И ПОТОПЕ	22
ОҒУДУМ	23
ЛОСЬ	23
О ГОРЕ КИЛЬГИС	23
ШАНЧИЛЫК	23
КИЗЕЙ	24
КЫЛАН	24
КУРТЯК ТАШ	24
МАЗАРАК	25
ПҮҒРҮ КАЧАЙ	25
О РЕКАХ ТОМЬ И МРАССУ	25
ПОСПОРИЛИ МЕСЯЦЫ	26
О СЕМИГЛАВОМ ЧЕЛБЕГЕНЕ	26
ДЕВУШКА И МЕСЯЦ	27
О ПОЯВЛЕНИИ ЯЧМЕНЯ	28
КРАСНЫЕ ПОЛОСЫ НА КАМНЕ	28
ГОРЫ КИСМАР, МАНАК, МРАССКИЙ ПОРОГ	29
О ГОРЕ МУСТАГ	32
СЕМЬ ДЕВИЦ ПЛАЧУТ	32
ЧЕДЫҒЫС	33
СЕМЬ КРАСАВИЦ	33
ЧЕРНЫЙ КАМЕНЬ И СОСНА	35
О КРАСНОМ КАМНЕ	35
ЛАЧЫН КАЯЗЫ	36
ДУХИ ГОР, ВОД, ЛЕСОВ	37
ШАЙТАН НАКАЖЕТ	38
О ЗМЕИНОЙ ГОРЕ	38
ВСТРЕЧА КАРЛЫҒАНА С ТОМАКОЙ	39
ТОР – ДУХ ГОР	41
ЛЕГЕНДЫ О ТАҒ-ЭЭЗИ	42
СЛУЧАЙ, КОТОРЫЙ ПРОИЗОШЕЛ С НИМ	45
КАЙ-ЭЭЗИ	46
СУҒ-ЭЭЗИ	46
ВЕСЕННИЙ ОБРЯД ШАЧЫҒ	47
ШАМАН И ЧЕРТИ	50
КӨСПЕКЧИ	51

КӨР	52
КАМ КОРҒУШ	54
ЧОНЧУЛ	56
СЛЕД АЛЫП КҮЛҮКА	57
О КУЗНЕЦЕ	58
ПОДВИГИ ОЛЬГУДЕКА	58
ЧЕЛОВЕК-МЕДВЕДЬ	60
РАССКАЗ О КАШКАЧАКАХ	61
АС ПАЙА-ПАЙА	62
НЕВЕСТКА-ЛЮДОЕДКА	64
КРАСАВИЦА КАРАҒАЙ	65
МУСТУКАЙ	68
МУСТАКАЙ	70
ЗОЛОТО МУСТАКАЯ	72
КЫЗЫЛ ГАЯ	73
ХАНСКОЕ ЗОЛОТО	74
ТЕБИР ПООҒУ	74
АБА-ТУРА	75
ЧЕЛЕЙ	75
ТАС МАТЫР	76
КАНЗА-ПЕҒ	79
ШУНА-КААН	83
КУЗУК И КАЗЫН	96
ПОРВАЙ	97
ЛЕГЕНДА-БЫЛЬ	98
ШАБУР	99
АКПАШ И ЕГО ТАБУН	100
ЛЕГЕНДЫ И ПРЕДАНИЯ НА ШОРСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ	101
ЎЛГЕНМЕ ТУРУНА	102
ОТ ҚУШЧАҒЫ	102
УЛЬГЕН И ЖУРАВЛЬ	103
ПТИЦА ОГНЯ	103
АЛҒУТИК-АЛЫП	104
АЛҒУТИК-БОГАТЫРЬ	105
ОЛ ТИЖИ КИЖИ	106
ТА ЖЕНЩИНА	107
ШУЛБАЙ	108
ШУЛБАЙ	109
КОММЕНТАРИЙ	133
Легенды и предания с параллельными шорско-русскими текстами	147
Содержание	150